

Процессъ Н. Г. Чернышевскаго.

Процессъ Н. Г. Чернышевскаго.

„Невозможно ожидать справедливости отъ богадѣльни дряхлыхъ стариковъ, величаемой громкимъ именемъ правительствующаго сената“.

Герценъ.

Сорокъ два года тому назадъ русское общество узнало о ссылкѣ Чернышевскаго въ каторжныя работы и до сихъ поръ неизмѣнно задастъ себѣ одинъ и тотъ же вопросъ: за что?

Напечатанная тогда же въ „Колоколѣ“ краткая сенатская записка не разрѣшаетъ этой загадки и только заставляетъ задумываться надъ рѣшеніемъ многихъ другихъ вопросовъ. Въ литературѣ ничего сколько-нибудь опредѣленнаго по этому поводу не появилось. Самъ Чернышевскій, повидимому, никому ничего не разсказалъ, но крайней мѣрѣ, близкіе ему люди многого не знаютъ, а о степени участія его въ революціонномъ движеніи не имѣютъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній.

На мою долю выпало познакомить, наконецъ, русское общество и съ процессомъ Чернышевскаго,—съ тѣмъ ужасающимъ произволомъ и беззаконіемъ, которые скрываются за этимъ словомъ. Это не былъ процессъ слѣдствія и суда. Это процессъ подкупа, насилія и профанированія всякаго понятія законности. Это образецъ дѣлъ, которыя неоднократно потомъ вело самодержавное правительство противъ лицъ, ему неугодныхъ, не стѣсняясь никакимъ декорумомъ приличія. Это процессъ, который власть, вообще несклонная знакомить подданныхъ съ какой бы то ни было „политикой“, имѣла полное основаніе скрывать, особенно въ свое время.

Про процессъ Чернышевскаго вполне можно повторить то же, что сказалъ Мышкинъ про извѣстный процессъ 193-хъ: „Это не судъ, а простая комедія или нѣчто худшее, болѣе отвратительное, болѣе позорное, чѣмъ домъ терпимости; тамъ женщина изъ-за нужды торгуетъ своимъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ-за чиновъ и крупныхъ окладовъ торгуютъ чужою жизнью, истиной и справедливостью, торгуютъ всѣмъ, что есть наиболѣе дорогого для человѣчества“...

Когда Чернышевскій говорилъ: „Богъ ихъ знаетъ. Можетъ быть, имъ и извѣстно, за что сослани, а я не знаю“¹⁾,—онъ былъ правъ: въ рукахъ правительства не было ни одного свѣдѣтеля, заслуживающаго довѣрія, и ни одного подлиннаго, не поддѣланнаго документа. Тотъ матеріалъ, съ которымъ оно имѣло дѣло, былъ совершенно негоденъ въ рукахъ любого сколько-нибудь добросовѣстнаго слѣдователя, не только вышшаго въ имперіи суда.

Это, однако, не значить, чтобы я становился на точку зрѣнія, болѣе или менѣе общепринятую въ литературѣ: Чернышевскій пострадалъ-де *совершенно* невинно. Я думаю, что положеніе вопроса иное: Чернышевскій пострадалъ *юридически* невинно. Этимъ я хочу сказать, что вовсе не склоненъ думать, будто Николай Гавриловичъ дѣйствительно не былъ прикосновененъ къ революціонной работѣ своего времени.

Не такой это былъ умъ и не такой человѣкъ, который сидѣлъ бы сложа руки и только и дѣлалъ, что писалъ въ „Современникѣ“. Это былъ прежде всего пророкъ и вождь. Припомните некрасовское:

Онъ говоритъ: „Забылъ онъ осторожность.
„Онъ будетъ самъ судьбы своей виной“...
Не хуже насъ онъ видитъ невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любить онъ возвышеннѣй и шире,
Въ его душѣ нѣтъ помысловъ мірекихъ,
Жить для себя возможно только въ мірѣ,
Но умереть возможно для другихъ.

¹⁾ В. Короленко „Воспоминанія о Н. Г. Чернышевскомъ“. Лондонъ. 1894 г., 10.

Такъ мыслить онъ, и смерть ему любезна.
 Не скажетъ онъ, что жизнь ему пужна.
 Не скажетъ онъ, что гибель бесполезна:
 Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамѣсть не распяли,
 Но часъ придетъ—онъ будетъ на крестъ.
 Его послалъ Богъ гнѣва и печали
 Рабамъ земли напомнить о Христѣ¹⁾.

Замѣьте, что это писалъ человѣкъ, знавшій Чернышевскаго изо дня въ день восемь лѣтъ... восемь лѣтъ съ нимъ бесѣдовавшій о самыхъ различныхъ вопросахъ и при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ. Ему ли, чуткому и провицательному, не повясть было вождя своего журнала?! По совершенно справедливому замѣчанію г. Николаева, политическіе взгляды Чернышевскаго можно выразить въ немногихъ словахъ: „катастрофа вскорѣ немислима, но долгъ мыслящаго и послѣдовательнаго человѣка — стремиться къ ней и *дѣлать* все возможное для ея приближенія. Поменьше фразъ и теорій и побольше *дѣйствія*“²⁾.

Этого мало: Чернышевскій былъ демократомъ, человѣкомъ, всегда и вездѣ проводившимъ одну и ту же мысль: трудъ и трудящіеся во главѣ всего. Далѣе. Посмотрите на его знакомства: Сигизмундъ Сѣраковский, Иосифъ Огризко, В. А. Обручевъ, Николай Серно-Соловьевичъ и многіе другіе дѣятели революціоннаго движенія шестидесятыхъ годовъ. Г. Пантелѣевъ категорически утверждаетъ, что Чернышевскій зналъ отъ самого Михайлова о привозѣ имъ изъ-за-границы прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“³⁾.

Онъ же говоритъ, что имѣетъ основаніе думать, что Н. Г., быть можетъ, не совсѣмъ чуждъ „Великоруссу“... Николай Утинъ сообщилъ въ свое время г. Пантелѣеву, что, отвергнувъ посланнаго отъ „центрального революціоннаго комитета“,

¹⁾ Привожу это стихотвореніе полностью, съ четвертой строфой, до сихъ поръ не напечатанной въ собраніи сочиненій Некрасова и заимствуемой мною съ автографа, подареннаго Некрасовымъ Н. А. Ефремову. Пора бы перестать подписывать подъ его заглавіемъ „Пророкъ“ „Изъ Барбье“—эту ширму авторъ изобрѣлъ специально для взоровъ цензуры. На самомъ дѣлѣ, стихотвореніе было озаглавлено (1874 годъ) просто: „Н. Г. Чернышевскій“.

²⁾ *Николаевъ*— „Личныя воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ которѣ (въ Александровскомъ заводѣ) 1867—1872 гг.“. М. 1906 г.

³⁾ „Изъ воспоминаній прошлаго“, стр. 330.

издававшего „Молодую Россію“, Чернышевскій потомъ пожалѣлъ объ этомъ и хотѣлъ написать прокламацію „Къ нашимъ лучшимъ друзьямъ“, но не успѣлъ. Н. Е. Кудринъ говоритъ, что Лавровъ хорошо сошелся съ Чернышевскимъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста послѣдняго, когда покойный А. Н. Энгельгардтъ ввелъ П. Л. Лаврова въ начавшееся организовываться общество „Земля и Воля“. Это нельзя понять иначе, какъ въ смыслѣ утвержденія, со словъ Лаврова, о прикосновенности къ этому обществу и Чернышевскаго ¹⁾.

Современники были вполне убѣждены въ томъ, что Чернышевскій принимаетъ активное участіе въ революціонной работѣ.

Въ этомъ отношеніи очень интересенъ одинъ анонимъ, полученный Н. Г. въ концѣ 1861 года отъ какого-то невѣдомаго, злобствовавшего аграрія. Онъ показываетъ, какой репутаціей пользовался Чернышевскій.

„Г-нъ Чернышевскій! О пропагандѣ Вы знаете; Вы ей сочувствуете; поговоримъ о ней. Вы, наконецъ, пережили себя, нехотя; Вы говорите о нашихъ собраніяхъ, протягиваете руку дворянству; но кого Вы этимъ обманете? Неужели Ваша улыбка украситъ Вашу медузину голову? Неужели мы не видимъ Васъ съ ножомъ въ рукахъ, въ крови по локоть? Неужели мы можемъ сочувствовать заклѣтымъ социалистамъ (направленіе Вашего журнала намъ понятно, да и „Великорусь“—Ваше произведеніе), которые ищутъ и будутъ искать нашей гибели, которые съ маратовскимъ восторгомъ принесутъ въ жертву, для осуществленія своихъ бредней, наши имущества, насъ самихъ, наши семейства?! Кто во главѣ движенія? Желчный, злобный социалистъ-мужикофилъ Искандеръ, хитро упрятавшій въ свои карманы милліона два русскихъ денегъ и спокойно поджигающій вдали несчастную русскую молодежь. А Вы? Да, Вы его лакеи. У Васъ не станетъ духу обречь себя даже на изгнаніе. Скажите, пожалуйста, неужели же Вы думаете, что мы настолько просты, что будемъ жертвовать собой ради социализма, признаннаго наукою несчастнымъ произведеніемъ больного ума?! Допустимъ, что идеи социализма осуществимы, что всетаки онѣ осуществимы въ странѣ, гдѣ нравственное развитіе всей массы слишкомъ вели-

¹⁾ *Пантелеевъ*, II, с. 327, 270, *Н. Е. Кудринъ* — „Н. Г. Чернышевскій и Россія 60-хъ годовъ“, „Рус. Бог.“, 1905 г., III, 167.

ко, но никакъ не въ странѣ монголовъ, шамеуговъ и т. д. Повѣрьте, мужички наши мало чѣмъ правственнѣе этихъ милыхъ народовъ. Въ нашемъ народѣ есть добрыя начала, но они еще въ зародышѣ, и за развитіе ихъ нужно взяться умно, практично, безъ пѣжностей, а пѣжностей Вашихъ они не поймутъ, наплюютъ они на Васъ и найдутъ себѣ другого Антона Петрова, о которомъ такъ искренно сожалѣетъ Ваша хамская натура.

„Не ввѣримся же мы Вамъ, человѣку или совершенно непрактичному, или совершенно подлому: вспомните, въ какую цѣну Вы оцѣнили наши имѣнія. Кого Вы презираете? Лучшее сословіе въ Россіи, дворянство. На кого Вы надѣетесь? На полудикое сословіе мужиковъ, людей, религія которыхъ заключается въ одной фѣдѣ и гимнастическихъ упражненіяхъ. Вы хотите безусловной демократіи. Мы видимъ, до чего довела грязная демократія Францію, до чего доводитъ она великую республику Вашингтона. Да, дворянство—лучшее сословіе; нашими деньгами поддерживается журналистика; при всей непрактичности нашего воспитанія, въ чемъ виноваты наши сентиментальные наставники, мы улучшили и улучшаемъ сельское хозяйство; мы давали и даемъ честиѣйшихъ должностныхъ лицъ. Обратите вниманіе на громадную разницу между выборными и коронными; взгляните на добросовѣстную дѣятельность взятыхъ изъ среды нашей мировыхъ посредниковъ. Вы этого не знаете. Вы говорите о провинціи, не потрудившись даже узнать о ней. Мы, т. е. наши офицеры-дворяне, сдѣлали изъ русской арміи силу, наводящую ужасъ воспоминаніемъ о Севастополѣ и на хвастливыхъ французовъ, и на стоическихъ англичанъ. Вы скажете, что мы же обокрали Россію. Ложь: обокрали ее бюрократы, а истые дворяне дальше поручика не служатъ. Мы хладнокровно встрѣтили разыгравшіяся страсти временно-обязанныхъ, оцѣнявшихъ отъ данной имъ свободы и, дѣйствуя снисходительно, добросовѣстно, мужественно, сохранили и сохраняемъ мужественное спокойствіе. Кого же вы пугаете?! Ха, ха, ха!.. Мы—люди благородные и потому безстрашно встрѣтимъ смерть, защищая права законныя, несомнѣнныя. Совѣсть у насъ чиста. Вашей хамской натурѣ это непонятно. Впрочемъ, опасности большой нѣтъ.

„Вникнемъ въ дѣло: кто угрожаетъ и кѣмъ угрожаетъ? Вы, господа, социалисты двухъ родовъ: социалисты безпанимые.

которые, какъ плотоядныя птицы, нетерпѣливо ждутъ поживиться мертвечиной, и социалисты сентиментальныя, которые за несчастныя писульки попадаютъ подъ розги, а иногда и въ каторгу. Какъ это трогательно, но какъ же пошло и тупо. Кровожадность у васъ волчья, да слабость овечья. Есть рьяные, да ихъ немного. Вы не умѣете вооружить Петербургъ и думаете взволновать цѣлую Россію. Вы сами никуда не годитесь и думаете, что грязная лапа мужика выведетъ васъ на дорогу. замѣтите, впрочемъ, что мы съ вами поступать будемъ покруче, чѣмъ поступають съ вами въ столицѣ. насъ много, теперь мы насторожѣ и, повѣрьте, не станемъ съ вами нѣжничать. Кѣмъ вы угрожаете и на кого вы хотите дѣйствовать? На студентовъ. Дѣйствительно, прекрасная молодежь; но вѣдь по окончаніи курса эти мотыльки, по большей части, наперекоръ зоологій, обращаются въ червячковъ. Въ особенности семинаристы, которые и въ аудиторіи вносятъ свой собственный запахъ. На купцовъ и мѣщанъ — но имъ нѣтъ времени: обмѣрить, обвѣсить, разсыропить водку—это нелегко, всего вдругъ не сдѣлаешь. Дальше что: духовенство?—это сословіе ни рыба, ни ракъ; полудикіе мужики?—я уже о нихъ сказалъ; они могутъ и должны быть пока въ ежовыхъ,—понимаете. Притомъ же государственныя крестьяне не только безъ участія, но, кажется, даже и съ нѣкоторою злобою смотрятъ на временно-обязанныхъ. Да и временно-обязанные начинаютъ понимать, что быть ихъ значительно улучшенъ, и что нельзя ограбить однихъ въ пользу другихъ. Притомъ пужно сказать, они никогда не раздѣляли Вашихъ литературныхъ убѣжденій, а потому и не смотрѣли на насъ, какъ на злодѣевъ. Дворовые оставляють насъ неохотно; крестьяне не спѣшатъ заводить новые порядки.

„Однимъ словомъ, мы всего ожидаемъ отъ государя, которому не мѣшаетъ, впрочемъ, вспомнить свои же слова московскому дворянству: „движеніе должно начинаться сверху, а не снизу“. Мы будемъ просить его избавить насъ отъ нашей болячки—Польши, которая вмѣстѣ съ остзейскими губерніями взяла, кажется, подрядъ на поставку намъ чиновниковъ-бюрократовъ. Считаемъ не лишнимъ замѣтить Вамъ, г-нъ Чернышевскій, что мы не желаемъ видѣть на престолѣ какого-нибудь Антона Петрова, и, если дѣйствительно произойдетъ кровавое волненіе, то мы найдемъ Васъ, Искандера или кого-

нибудь изъ Вашего семейства, и, вѣроятно, Вы не успѣете еще запасться тѣлохранителями“.

Люди, не пользующіеся виднымъ вліяніемъ, такихъ писемъ не получаютъ...

Литературный міръ тоже считалъ Чернышевскаго очень вліятельнымъ въ революціонномъ кругу. Припомните разсказъ самого Достоевскаго, какъ тотъ въ 1862 году явился къ Н. Г. и уговаривалъ его подѣйствовать на составителей какой-то прокламаціи въ сторону ихъ вразумленія ¹⁾.

Такъ же, повидимому, было убѣжденіе и правящихъ сферъ. Въ ненапечатанной части воспоминаній Шелгунова есть такой разсказъ князя Суворова-Рымническаго, бывшаго петербургскаго генералъ-губернатора, человѣка весьма порядочнаго, неглунаго и несташаго бы говорить неправду. „Я поступалъ иначе, — говорилъ Суворовъ Шелгунову вскорѣ послѣ своей отставки велѣдъ за караковскимъ покушеніемъ. — Мнѣ доносятъ, что готовится движеніе. Я посылаю за Чернышевскимъ, говорю ему: „пожалуйста, устройте, чтобы этого не было“. Онъ даетъ слово мнѣ, и я ѣду къ государю и докладываю, что все будетъ спокойно. Вотъ какъ я поступалъ!“ Записывая это, Шелгуновъ замѣтилъ: „пишу съ буквальной точностью, слышу эти слова, какъ бы теперь“. Конечно, это показаніе не значитъ, что Суворовъ при помощи Чернышевскаго подавлялъ и парализовалъ революціонныя проявленія. Чернышевскій бы не занялъ такой позиціи. Но, весьма вѣроятно, что нѣкоторые возможные проявленія общественнаго неудовольствія, демонстраціи и были предотвращены бесѣдою съ Н. Г., пользовавшимся настолько вліятельнымъ положеніемъ, что его совѣтъ остановиться, снабженный достаточно вѣскою аргументаціей, принимался къ исполненію.

Самъ Чернышевскій хорошо видѣлъ, какими глазами смотритъ на него жандармско-полицейское око. Онъ неоднократно отказывался отъ участія въ такихъ общественныхъ начинаніяхъ, которыя, благодаря его присутствію, могли бы быть взяты подъ особо внимательное попеченіе.

¹⁾ „Дневникъ писателя“, IV. Достоевскій ошибочно называетъ эту прокламацію — „Къ молодому поколѣнію“; этому противорѣчитъ его же указаніе, что вся она состояла изъ десяти строкъ. Прокламація Михайлова была очень велика.

Нужно думать (а къ этому заключенію приводятъ и бесѣды съ хранящимъ архивъ отца—М. Н. Чернышевскимъ), что революціонная дѣятельность Н. Г., обставленная необыкновенно по тогдашнимъ временамъ конспиративно, такъ и не вскроется для насъ. Она унесена имъ въ могилу.

Какое же преступленіе было поставлено ему въ вину правительствомъ Александра II?

Прежде всего, не одно, а два. Первое—сочиненіе прокламаціи „Къ барскимъ крестьянамъ“, второе—приготовленіе къ возмущенію. Было еще и третье—„противозаконныя сношенія съ изгнанникомъ Герценомъ“,—но оно сочтено недоказаннымъ. Изъ основательнаго изученія четырехъ томовъ архивнаго дѣла мнѣ представляется, что Чернышевскій, дѣйствительно, участвовалъ въ составленіи этой прокламаціи (впрочемъ, не увидѣвшей свѣта), но такъ искусно велъ работу, что не далъ положительно никакихъ основаній къ сколько-нибудь юридически обставленному обвиненію.

Не забѣгая, однако, впередъ, приступаю къ изложенію дѣла во всей его полнотѣ и строгой послѣдовательности.

ЧАСТЬ I.

Въ поискахъ за уликами.

I.

Послѣ майскихъ пожаровъ 1862 года, правительство, опираясь на большую часть общества, утомленную непривычнымъ для нея форсированнымъ маршемъ по пути обновленія, стало въ курсъ реакціи и пошло въ немъ все тверже и опредѣленнѣе. Два вліятельныхъ журнала: „Современникъ“ и „Русское Слово“ были закрыты въ началѣ іюня. Учреждена особая слѣдственная комиссія, которая занималась, между прочимъ, уже извѣстнымъ читателю дѣломъ Писарева и другими. Чернышевскій, увидя возможность хоть немного отдохнуть отъ утомлявшей его журнальной работы, хлопоталъ о поѣздкѣ съ семьей въ Саратовъ. Спѣшно продавались вещи, ликвидировались нѣкоторые дѣла и пр. Въ это время Чернышевскому пришлось быть у управляющаго III Отдѣленіемъ, Потапова, по поводу какой-то дерзости одного гвардейскаго офицера относительно его жены. Въ разговорѣ Н. Г. спросилъ генерала, не имѣетъ ли правительство какихъ-нибудь подозрѣній противъ него, и можетъ ли онъ спокойно ѣхать на родину. Потаповъ увѣрилъ, что ровно ничего не имѣется ¹⁾.

Но Потаповъ уже хитрилъ. Еще въ самомъ началѣ іюня, а именно 5-го числа, онъ направилъ въ слѣдственную комиссію

¹⁾ Н. В. Рейнгардъ — „Н. Г. Чернышевскій“. „Рус. Стар.“, 1905 г., II, 470—471. Авторъ слышалъ это отъ самого Н. Г.

кн. Голицына слѣдующій полученный имъ лично анонимный доносъ на Чернышевскаго:

„Что вы дѣлаете? Пожалѣйте Россію, пожалѣйте Царя! Вотъ разговоръ, слышанный мною вчера въ обществѣ профессоровъ. Правительство запрещаетъ всякій вздоръ печатать, а не видить, какія идеи проводить Чернышевскій; это коноводъ юношей; направленіе корпусныхъ юношей дано имъ ¹⁾; это хитрый социалистъ; онъ мнѣ самъ сказалъ (говор. проф.), что „я настолько уменъ, что меня никогда не уличать“. За пустяки сослали Павлова и много другихъ промаховъ дѣлаете, а этого вреднаго агитатора терпите. Неужели не найдете средствъ спасти насъ отъ такого зловреднаго человѣка! Никто вамъ въ глаза не скажетъ, что Чернышевскій язва всему, потому что сочтутъ его доносчикомъ; я вамъ пишу, не подписываясь, потому, что вы спросите, кто говорилъ,—а вы знаете, что многое говорятъ въ обществѣ, сказали бы и Потапову—но никогда не скажутъ жандарму. Передаю вамъ впечатлѣніе, вынесенное изъ общества людей, десятки лѣтъ ²⁾ знающихъ Чернышевскаго—бывшихъ его пріятелей, но теперь, видя его тенденціи уже не на словахъ, а въ дѣйствіяхъ, всѣ весьма либеральные люди, настолько благоразумные, что они сознаютъ необходимость существованія у насъ монархизма, — отдалились отъ него и убѣждены, что ежели вы не удалите его, то быть бѣдѣ—будетъ кровь; ему нѣтъ мѣста въ Россіи—вездѣ онъ опасенъ, развѣ въ Березовѣ или Гижинскѣ; не я говорю это,—говорили ученые, дѣльные люди, отъ всей души желающіе конституціи, но путемъ закона—земской думы, но по призыву Царя. Не дастъ Царь ни того, ни другого,—Господь ему судья. А крови не минуete и насъ всѣхъ сгубите—это шайка бѣшеныхъ демагоговъ, отчаянныя головы,—это „Молодая Россія“ выказала вамъ въ своемъ проспектѣ всѣ звѣрскія ея наклонности; быть можетъ, ихъ перебьютъ, и сколько невинной крови изъ-за нихъ прольется! Тутъ же слышалъ, что въ Воронежѣ, въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ, вездѣ есть комитеты изъ подобныхъ социалистовъ, и вездѣ они разжигаютъ молодежь. Ник. Утинъ—

¹⁾ Чернышевскій былъ одно время преподавателемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ.

²⁾ Очевидный вздоръ: Чернышевскому тогда было 34 года.

правая рука Чернышевскаго; юношу бы за-границу ¹⁾, но на- всегда, а Николая Гавриловича—куда хотите, но скорѣе от- нимите у него возможность дѣйствовать.

„Я самъ не знакомъ съ этими злодѣями—пишу, что вчера случайно слышалъ. Не доискивайтесь, кто я,—къ чему вамъ? Въ доносчики не гожусь, а услышу что-либо подобное—на- пишу,—теперь каждый честный человѣкъ обязанъ указывать правительству все, что слышитъ, что знаетъ, ибо общество въ опасности: сорванцы бездомные на все готовы,—и вамъ дремать нельзя; на васъ грѣхъ падеть, коли допустите ихъ до рѣзни, а она будетъ, чуть задремлете или станете довольствоваться полумѣрами. Время николаевское ушло—распустили однажды, теперь не совладаете,—выхода другого нѣтъ, какъ земская дума; боитесь дворянства—пошумятъ только; если потребуютъ конституціи, то путемъ законнымъ она не страшна для Царя, а эта бѣшеная шайка жаждетъ крови, ужасовъ и пойдетъ на- проломъ, — не пренебрегайте ею.

„Избавьте насъ отъ Чернышевскаго—ради общаго спокой- ствія“.

Отрывки изъ этого письма приведены въ сенатской за- пискѣ, но неисправно. Въ такомъ же видѣ ихъ цитируютъ оттуда и нѣкоторые авторы.

Доносъ этотъ писанъ чѣмъ-то очень красивымъ мелкимъ почеркомъ, и можно утверждать—неизмѣненнымъ.

Такимъ образомъ комиссія (гдѣ самъ Потаповъ былъ чле- номъ), разыскивавшей по Россіи крамолу, напоминалось о су- ществованіи Чернышевскаго... Но вотъ въ концѣ іюня III От- дѣленіе получаетъ свѣдѣнія, что 27-го числа изъ Лондона вы- ѣдетъ въ Россію нѣкій Павелъ Ветошниковъ и будетъ везти съ собой довольно много писемъ Бакунина, Герцена, Огарева и Кельсиева къ самымъ разнообразнымъ лицамъ... Разумѣется, сейчасть же были приняты мѣры, и Ветошниковъ былъ аресто- ванъ на границѣ со всей корреспонденціей...

Послѣ бѣглаго разбора ея въ III Отдѣленіи нашли, между прочимъ, два письма „лондонскихъ бѣглецовъ“ А. И. Герцена и Н. И. Огарева. Приведу ихъ полностью:

¹⁾ Николай Утинъ вскорѣ бѣжалъ за-границу.

1.

„Милостивый Государь,
Николай Александровичъ.

„На письмо ваше, въ которомъ вы спрашиваете мое согласіе на изданіе моихъ сочиненій, напечатанныхъ въ Россіи,—честь имѣю увѣдомить васъ, что я совершенно согласенъ на ваше предложеніе. Слѣдующія деньги, т. е. 10 процентовъ съ получаемой отъ продажи суммы, предоставляю моимъ дочерямъ.

„Увѣдомляя васъ, Милостивый Государь, честь имѣю пребыть вашимъ покорнымъ слугою *Александръ Герценъ*.

„8/20 іюня 1862. Лондонъ. Орсетъ Гаусъ. Вестборнъ Террасъ. М. Г. Николаю Александровичу Серно-Соловьевичу въ С.-Петербургъ“.

2.

„Давно не удавалось побесѣдовать съ вами, дорогой другъ. Въ минуту жизни трудную—мы какъ-то разобщены, и коротенькія вѣсти не достаточно даютъ пищи для людей, жаждущихъ подробностей. Но минута жизни трудная, покачавъ изъ стороны въ сторону, пройдетъ къ осени. Чуть ли даже не такъ досконально пройдетъ, что и вовсе загложнетъ безъ слѣда. Что же останется? Останется общій фондъ—не минуты, а годы трудной. Мнѣ кажется, что уяснить необходимость земскаго собора становится дѣломъ обязательнымъ. Губернскія земскія думы, о которыхъ пророчатъ къ тысячелѣтію, успокоивъ умы на полгода, дадутъ новый элементъ удобства въ выборахъ и опять приведутъ къ необходимости земскаго собора. Состоится ли онъ? Будетъ ли онъ самъ чѣмъ-то переходнымъ или дѣйствительно организуетъ—какъ знать! Но я думаю, что изъ всѣхъ послѣднихъ событій вы убѣдитесь, что мое озлобленіе на литературную дразгу не было слишкомъ пусто; мое озлобленіе шло къ тому, что я вообще въ петербургской суетѣ не вижу исхода. Тутъ нѣтъ живой жизни, нѣтъ построенія будущаго и нѣтъ мѣста для коренного движенія и преобразованія. Опять прихожу къ моей темѣ, шепчу и кричу ее вамъ въ уши, чтобъ она неотступно васъ преслѣ-

довала: живая жизнь въ провинціяхъ; если у васъ нѣтъ корня въ провинціяхъ—ваша работа не пойдетъ въ ростъ. Я даже радъ, что Петербургъ не въ силахъ ничего сдѣлать, потому что все, что онъ ни сдѣлаетъ, будетъ имѣть результатъ только тотъ же—отместку провинцій. Уясните же ¹⁾ провинціямъ. ищите друзей въ провинціяхъ. Вы только въ провинціяхъ встрѣтите народъ, а не мѣщанъ-извозчиковъ, для которыхъ всего менѣе понятна коренная цѣль—земской земли ²⁾.

„Мнѣ жаль молодежь, которой не обвиняю, потому что за молодость обвинять нельзя; это—фізіолого - патологическое явленіе, которое быстро проходитъ. Мнѣ жаль и вашихъ мѣщанъ-извозчиковъ—они не виноваты.

„Разнь верхушекъ ужъ слишкомъ велика, чтобы понять другъ друга, и сближеніе ихъ всего меньше возможно на невиской набережной и марсовомъ полѣ,—оно возможно только при рѣкахъ черноморско-каспійскихъ.

„Оставьте мертвымъ погребать мертвыхъ. Работайте въ провинціяхъ.

„Крѣпко обнимаю васъ обоихъ. Вѣстей побольше — ради бога. N ³⁾ — золотая душа, преданная безкорыстно, преданная наивно до святости ⁴⁾.

„Кажется, рѣчь о нашемъ сбѣжавшемъ восточномъ пріятелѣ. Поклонитесь ему — это преблагороднѣйшій человѣкъ; скажите ему, что мы помнимъ и любимъ его.

„Прилагаю офиціальное письмо; если оно не такъ написано—я готовъ написать и другое. 10⁰/о я поставилъ зря,—уменьшайте и увеличивайте—дѣлайте, какъ знаете.

„Чтобъ не забыть—прибавлю еще маленькую просьбу. Если вамъ нельзя, любезный другъ, самимъ пріѣзжать съ письмами, то пишите ихъ такъ, чтобъ можно было хоть половину разобрать. Мы мучились день цѣлый—и то не все поняли. Въмѣсто воскресныхъ школъ я становлюсь ⁵⁾.

¹⁾ Одно слово не могло быть прочтено, потому что испорчено шпуромъ, скрѣпляющимъ дѣло.

²⁾ Намекъ на столичныхъ реформаторовъ, научавшихъ народъ по петербургскимъ навозчикамъ.

³⁾ Подъ этой буквой скрытъ—М. Л. Налбандянъ.

⁴⁾ До сихъ поръ письмо писано Огаревымъ, дальше—Гершенемъ.

⁵⁾ Одно слово испорчено шпуромъ.

„Да вы не сердитесь.

„А какова Соврем. лѣтоп.? Вотъ я вамъ вылупилъ хризиды Кат. и Леонт. ¹⁾.

„Если скоро будетъ оказія, напишите. Знаете ли вы г. Перетца ²⁾? Онъ, кажется, очень хорошій и образованный человѣкъ.

„Дайте вашу руку. У меня сегодня очень болитъ голова— и потому написалъ одинъ вздоръ. Прощайте.

„Мы готовы издавать Совр. ³⁾ здѣсь съ Черныш. ⁴⁾ или въ Женевѣ—печатать предложеніе объ этомъ.

„Какъ вы думаете?“

Какъ видѣтъ читатель, имя Чернышевскаго упомянуто лишь одинъ разъ. И по тогдашнимъ порядкамъ этого было вполне достаточно, чтобы на другой же день послѣ ознакомленія съ корреспонденціей, взятой у Ветошникова, а именно 7 іюля, арестовать и Серно-Соловьевича, и Чернышевскаго. Изъ отношенія главноуправляющаго III Отдѣленіемъ къ предсѣдателю высочайше учрежденной слѣдственной комиссіи, кн. А. Ѳ. Голицыну, отъ 9 іюля видно, что упоминаніе имени Чернышевскаго въ письмѣ Герцена и было причиной ареста первого.

Арестъ Чернышевскаго произошелъ совершенно для него неожиданно, въ присутствіи бывшихъ у него въ это время М. А. Антоновича и доктора Бокова ⁵⁾.

¹⁾ Рѣчь идетъ о „Современной Лѣтописи“ Каткова и Леонтьева.

²⁾ Перетцъ былъ однимъ изъ русскихъ, довольно часто посѣщавшихъ Герцена лѣтомъ 1862 г. Потомъ онъ служилъ въ III Отдѣленіи...

³⁾ Рѣчь идетъ о „Современникѣ“ Панаева и Некрасова, въ которомъ главная роль принадлежала Чернышевскому. 19 іюня, по высочайшему повелѣнію, были приостановлены на 8 мѣсяцевъ „Современникъ“ и „Русское Слово“. 8-го же Герценъ уже имѣлъ свѣдѣнія о возможности такой кары и потому сдѣлалъ свое предложеніе. Не получивъ отвѣта отъ Серно-Соловьевича, онъ печатно предложилъ издавать у себя „Современникъ“.

⁴⁾ Конечно, Чернышевскій.

⁵⁾ Подробности этого ареста изложены въ замѣткѣ перваго изъ нихъ въ мартовской книжкѣ „Былого“ за 1906 годъ.

Утромъ 7 іюля въ квартиру Чернышевскаго явились жандармскій полковникъ Ракѣвъ и квартальный надзиратель Мадьяновъ, запечатали всѣ бумаги и часть книгъ въ холщевый мѣшокъ, который и представили въ III Отдѣленіе, а всѣ остальные книги, по заявленію Н. Г., 2.400 томовъ, корректуры и матеріалы для изданія сочиненій Добролюбова опечатали въ запертый кабинетъ. Самъ Чернышевскій былъ отвезенъ въ Алексѣевскій раветиня Петропавловской крѣпости.

Можно себѣ представить впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ на интеллигенцію!.. По словамъ г. Пантелѣева, „если сказать, что арестъ Чернышевскаго на всѣхъ произвелъ сильное впечатлѣніе, то это значитъ выразиться слишкомъ слабо: съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались къ малѣйшимъ извѣстіямъ о ходѣ его процесса“... Для всѣхъ стало ясно, что Чернышевскому не сдобровать...

Осмотръ его бумагъ комиссія поручила своему члену. д. ст. сов. Каменскому, а опечатанных на квартирѣ книгъ— д. ст. сов. Турунову, въ помощь которому министромъ внутреннихъ дѣлъ были назначены трое чиновниковъ особыхъ порученій: Фридбергъ, Морозъ и Третьяковъ. 17-го числа всѣ они, въ сопровожденіи еще старшаго чиновника III Отдѣленія—Кейзера фонъ-Нилькгейма, состоящаго при оберъ-полицеймейстерѣ поручика Ниппе, квартальнаго надзирателя Мадьянова и сторонняго свидѣтеля—отставн. кол. секретаря Сергѣя Николаевича Пыпина, прибыли на квартиру Н. Г. Окончивъ осмотръ, отложили еще нѣсколько книгъ и пакетовъ для сдачи въ III Отдѣленіе, а остальное запечатали и поручили на храненіе полиціи ¹⁾. На другой день печати были сняты, и все имущество Чернышевскаго сдано Мадьяновымъ С. Н. Пыпину ²⁾.

¹⁾ М. А. Антоновичъ разсказывалъ мнѣ, что онъ былъ на этомъ обыскѣ со спеціальною цѣлью вырвать изъ рукъ комиссіи матеріалы по собранію сочиненій Добролюбова, которое не было доведено Чернышевскимъ до конца. Конецъ послѣдняго тома былъ полностью просмотрѣнъ и прорецензированъ уже г. Антоновичемъ. Туруновъ отнесся внимательнѣе къ его заявленію о возвратѣ запечатанных матеріаловъ. При этомъ удалось вырвать и „дневникъ“ Добролюбова, переданный потомъ А. Н. Пыпину.

²⁾ Семья Чернышевскаго еще 3 іюля уѣхала въ Саратовъ.

II.

Среди бумаг Н. Г. особенно заинтересовали всѣхъ двѣ средней толщины тетради размѣромъ въ писчій листъ. Пробовали читать—ничего не понять. А написано такъ часто и мелко.—Каменскій, какъ ни старался, ровно ничего не понималъ, кромѣ того, что это „дневникъ“. 7 августа рѣшено было отправить его въ III Отдѣленіе, отличавшееся искусствомъ раскрытія самыхъ замысловатыхъ шифровъ. Но какъ ни старался Потаповъ, а долженъ былъ сознаться, что ввѣренная ему тайная канцелярія тоже безсильна, и направилъ „дневникъ“ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Тамъ поработали съ мѣсяцъ, и 15 сентября товарищъ министра Мухановъ сообщалъ Потапову, что рукопись не шифрована, а писана только съ самыми сложными сокращеніями. Для удостовѣренія онъ приложилъ нѣсколько страницъ, написанныхъ полностью, правда, всетаки, съ очень значительными искаженіями и пропусками, и при этомъ замѣчалъ, что при „всемъ желаніи со стороны министерства, по множеству текущихъ, не терпящихъ отлагательства дѣлъ, не было никакой возможности до настоящаго времени разобрать всю рукопись, но изъ содержанія разобраннаго можно думать, что слогъ этотъ имѣетъ условный смыслъ“. Министерство иностранныхъ дѣлъ настолько простерло свою внимательность къ „дневнику“ Чернышевскаго, что не преминуло даже изслѣдовать его на всѣ возможные способы, при которыхъ обыкновенно удается обнаружить тотъ или иной составъ симпатическихъ чернилъ, особый сортъ скрывающей бумаги и пр. Но и чернила, и бумага оказались самыми обыкновенными.

Комиссію мало удовлетворилъ отвѣтъ Муханова. Имѣя теперь ключъ, въ видѣ нѣсколькихъ развернутыхъ страницъ, она рѣшила поручить добиться толку отъ „дневника“ своему члену, сенатору Жданову.

Что же это за дневникъ? Я не рѣшился взяться за кропотливую работу его развертыванія, требующую для своего окончанія, по крайней мѣрѣ, двухмѣсячнаго ежедневнаго посѣщенія сенатскаго архива, тѣмъ болѣе, что все равно не имѣлъ бы возможности напечатать этотъ автобіографическій документъ, съ одной

стороны, въ силу закона объ авторской собственности, съ другой—въ виду интимности нѣкоторыхъ мѣстъ, не подлежащей пока опубликованію. Работу эту взялъ на себя сынъ Н. Г. — М. Н. Чернышевскій, и, конечно, все, что можно, будетъ имъ напечатано.

Въ дополненіе къ дневнику не мало интриговали и четыре картонныя полоски, длиною около четверти аршина. Вдоль нихъ слѣва были написаны по порядку буквы русскаго алфавита, а справа—цифры, начиная съ 1. Всѣ полоски содержали въ себѣ буквально одно и то же... Шифръ, шифръ!—рѣшила сначала комиссія, но потомъ какъ-то сама охладѣла, понявъ, вѣроятно, что такими простыми шифрами не работаютъ уже и дѣти.

Затѣмъ комиссія сочла стѣящими серьезнаго вниманія приведенный уже мною дворянскій анонимъ и довольно пространное письмо Огарева и Герцена къ неизвѣстному: обращеніе и всѣ фамиліи въ немъ подчищены перочиннымъ ножомъ.

Я не буду приводить здѣсь полностью это письмо, а познакомлю съ нимъ читателей лишь постольку, поскольку оно касается Чернышевскаго.

Сначала написанное Огаревымъ:

„Ну, милый []¹⁾, долго я думалъ и ждалъ, не поѣдетъ ли кто къ вамъ, но не дождался и рѣшился писать просто. Съ чего начать? Да ужъ начну съ того, что стряхну злобу съ сердца. Истинно жаль мнѣ, что васъ нѣтъ въ Питерѣ, потому что наши шалятъ. Вы спрашивали, что такое, что больше было слышать. Да то, что Черп. поручилъ тому господину, который въ [] не попалъ, сказать намъ, чтобъ мы не увлекали юношество въ литературный союзъ, что изъ этого ничего не выйдетъ. Конечно, никто такъ не уважаетъ скептицизмъ, какъ я. Разсѣвая міръ до математической точки, я дохожу до формулы 0∞ , но это не мѣшаетъ мнѣ знать, что нуль также результатъ $+$ и $-$, и собственно есть предѣлъ. Что я не въ состояніи наполнить бездну или черту, раздѣляющую логическія опредѣленія отъ живого міра, не могу показать, какимъ образомъ предѣлъ переходитъ въ дѣйствительность, и чему какой формулѣ $= 0 \infty$, изъ этого не слѣдуетъ, что я въ ту минуту, когда надо дѣло дѣлать, задамъ бы себѣ задачу: ну,

¹⁾ Эти скобки стоятъ на мѣстѣ подчищеннаго слова.

а если изъ этого ничего не выйдетъ? Такой скептицизмъ равенъ тунеядству и составляетъ преступленіе. А между тѣмъ онъ человѣкъ съ вліяніемъ на юношество; на что жъ это похоже? Ступайте въ Питеръ, возьмите его за воротъ, порастрясите и скажите: стыдно. Вскорѣ послѣ этого, по случаю какой-то исторіи Рима, встрѣчаемъ мы въ „Современникъ“ (уже прежде смекнувши изъ довольно плохой критики въ „Петербург. Вѣдом.“) статью прямо противъ насъ, т. е. что напрасно, молъ, говорить, что въ Россіи есть возродительное общинное начало, котораго въ Европѣ нѣтъ, что общинное начало—вздоръ, что Европа не умираетъ, потому что одному человѣку 60 лѣтъ, но зато другому 20 (какъ будто историческая смерть есть вымираніе людей, а не разложеніе общественныхъ химическихъ соединеній извѣстнаго порядка), и что тѣ, кто это говоритъ, дураки и лжецы, съ намекомъ, что рѣчь идетъ о насъ, и забывая, что до сихъ поръ сами держались этимъ знаменемъ. Зачѣмъ это битие по своимъ да еще съ преднамѣренной лежью? Плохо дѣло! []! []! горе, когда личное самолюбіе поднимаетъ голову, завидуя или въ отместку за неуваженіе къ воровству какого-нибудь патрона! Какая тутъ общественная дѣятельность, какое общее дѣло! Тутъ идетъ продажа, продажа правды и доблести изъ-за личныхъ страстишекъ и видовъ; продажа *дѣла* изъ-за искусственнаго скептицизма, который даже не скептицизмъ, а просто сомнѣніе въ приложеніи *себя* къ дѣлу, безъ всякаго пониманія принципиальнаго скептицизма. Вдобавокъ въ этой статьѣ сказано, что растеніе не умираетъ оттого, что питательные соки перестаютъ въ него изъ земли съ любовью всасываться. Хорошъ скептицизмъ! Нѣтъ! Поѣзжайте въ Питеръ и скажите, что это стыдно, что такъ продавать Христа, т. е. правду и дѣло, непозволительно. Это то, что христіане называли преступленіемъ противъ духа. Ну! будетъ объ этомъ, только помните, что я считаю эти выходки не личной обидой, а *помтхлой дѣлу*, поэтому и убѣжденъ, что вы обязаны щелкнуть дружески, но военнымъ кулакомъ по такой дребедени“.

А вотъ и герценовская приписка:

„[]¹⁾ такую бездну написалъ, что я изъ любви къ ближнему не буду писать много. Мы никогда бы не догада-

¹⁾ Вѣроятно, подчищено „Огаревъ“.

лись, что Черныш. à la baron Vidil, вѣаяши дружески возлѣ, вытянулъ меня арапникомъ. Это я обяаяъ „Спб. Вѣдомостямъ“ — они указали. Впрочемъ, [] слишкомъ серьезно это принимаетъ. Я тутъ, какъ въ пресловутомъ письмѣ Чич.¹⁾, больше всего дивлюсь ненужной запальчивости выраженій—ругаться слишкомъ простое средство и не есть патентъ на особую эстетичность.

„Если вы увидите [], кланяйтесь ему отъ меня: мнѣ очень досадно, что я его не могъ навѣстить [] — хлопотъ была бездна.

„Читалъ повѣсть Печерскаго (Мельникова) *Гриша*²⁾. Ну скажите, что же это за мерзость—ругать раскольниковъ и дѣлать уродливо-смѣшными! Экой такъ. А прогос, рекомендую вамъ небольшую статейку мою объ открытіи мощей Тихона.

„Будьте здоровы и прощайте“.

Объ этомъ письмѣ будетъ говорить еще самъ Чернышевскій. Я слѣаю лишь необходимую для читателя историко-литературную справку, не останавливаясь на очень интересномъ вопросѣ о разрывѣ Герцена и Огарева съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ. Онъ такъ сложенъ и серьезенъ, что требуетъ особаго изученія.

Извѣстно, какъ реагировалъ Герценъ (а за нимъ и Огаревъ) на событія 1848 года, которыя ему удалось наблюдать лично. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что Западная Европа отжила свой вѣкъ, что ей не возобновить истощенныхъ жизненныхъ элементовъ, не продолжить дѣла прогресса, что вся созидательная роль въ исторіи должна принадлежать молодому русскому народу. Эта мысль съ каждымъ годомъ становилась все ближе и ближе символомъ вѣры издателя „Колокола“. Несомнѣнно, въ ней была наличность нѣкоторой доли славянофильства, т. е. того политическаго ученія, которому такъ не сочувствовалъ Чернышевскій. Онъ считалъ, что говорить о дряхлости Запада и о возродительной роли Россіи значитъ играть въ руку людей, не желавшихъ кореннымъ образомъ сверху донизу реформировать всю нашу жизнь и разсчитывавшихъ ограничиться крестьянской полуреформой. Мысль эту онъ высказывалъ неоднократно. Въ майской книжкѣ „Современника“ за 1861 г.

¹⁾ Письмо В. Н. Чичерина, напечатанное въ „Колоколѣ“, противъ Герцена.

²⁾ Помѣщена въ мартовской книжкѣ „Современника“ за 1861 годъ.

онъ помѣстили статью „О причинахъ паденія Рира“ (подражаніе Монтескьё), написанную по поводу выхода въ свѣтъ перевода „Исторіи цивилизаціи во Франціи отъ паденія западной римской имперіи“ Гизо. Не называя, разумѣется, нигдѣ Герцена, онъ полемизируетъ тамъ съ его взглядомъ объ изжитіи Запада. Языкъ статьи мѣстами рѣзокъ. Напримѣръ, показавъ нелогичность оспариваемаго взгляда съ точки зрѣнія исторіи же, Чернышевскій говоритъ: „Что за охота выказывать себя глупцомъ или лгуномъ“. Что касается общиннаго землевладѣнія, какъ средства для перестройки соціальной жизни, которое только и имѣется, однако, въ Россіи, то Н. Г. по этому поводу отвѣчалъ: „Если сохранился у насъ отъ патріархальныхъ (дикихъ) временъ одинъ принципъ, нѣсколько соотвѣтствующій одному изъ условій быта, къ которому стремятся передовые народы, то вѣдь Западная Европа идетъ къ осуществленію этого принципа совершенно независимо отъ насъ... Европѣ тутъ позаимствоваться нечѣмъ и не для чего: у Европы свой умъ въ головѣ и умъ гораздо болѣе развитой, чѣмъ у насъ, и учиться ей у насъ нечему, и помощи нашей не нужно ей; и то, что существуетъ у насъ по обычаю, неудовлетворительно для ея болѣе развитыхъ потребностей, болѣе усовершенствованной техники; а для насъ самихъ этотъ обычай пока еще очень хорошъ, а когда понадобится намъ лучшее устройство, его введеніе будетъ значительно облегчено существованіемъ прежняго обычая, представляющагося сходнымъ по принципу съ порядкомъ, какой тогда понадобится для насъ, и дающимъ удобное, просторное основаніе для этого новаго порядка. При этомъ Чернышевскій замѣчалъ еще, что, „кромѣ общиннаго землевладѣнія, невозможно было самымъ усерднымъ мечтателямъ открыть въ нашемъ общественномъ и частномъ бытѣ ли одного учрежденія или хотя бы зародыша учрежденія для предсказываемаго ими обновленія ветхой Европы нашею свѣжею помощью“. Тамъ же онъ обращалъ вниманіе Герцена и его единомышленниковъ на ихъ коренную ошибку при констатированіи мнимаго историческаго вырожденія Европы: на то, что творяція истинное перерожденіе массы еще и не жили въ Европѣ историческою жизнью, а на нихъ-то и надо возлагать надежды, а не на Россію.

Статья эта, благодаря своему заглавію, не обратила бы на себя вниманія въ Лондонѣ, еслибы не пространнѣй и довольно

глупый фельетонъ о ней пресловутаго тогда Н. Воскобойникова въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, въ которомъ авторъ взялъ подъ свою защиту „лучшихъ людей русскаго общества“, оскорбленныхъ Чернышевскимъ. И еслибы Герценъ и Огаревъ не прочли подлинной статьи, тогда ихъ негодованіе было бы еще понятно, но какъ могли они такъ понять самую статью—это совершенно непостижимо. Въ ней вовсе нѣтъ того, что имъ казалось.

Среди другихъ бумагъ болѣе или менѣе обратили на себя вниманіе записки и письма Чернышевскаго къ И. Е. Андреевскому по поводу прекращенія публичныхъ лекцій, письмо историка Костомарова по тому же поводу, вырванный листикъ изъ дневника Добролюбова и письмо къ Чернышевскому М. Е. Салтыкова.

2 марта 1862 г., въ присутствіи многочисленной публики, на литературномъ вечерѣ, устроенномъ Литературнымъ Фондомъ, извѣстный профессоръ П. В. Павловъ, одинъ изъ основателей русскихъ воскресныхъ школъ, произнесъ рѣчь по поводу исполнившагося тысячелѣтія Россіи, а 5 марта его уже выслали за это въ Ветлугу. Тогда рѣшено было прекратить чтеніе систематическихъ лекцій въ залахъ Думы и этимъ выразить посильный протестъ по адресу правительства. Нѣкоторые профессора, и въ томъ числѣ извѣстный Н. И. Костомаровъ, не согласились на это. Молодежь собралась 8 марта на его лекцію и на заявленіе Н. И. о своемъ рѣшеніи продолжать курсъ отвѣтила скандаломъ... Большинство его коллегъ рѣшило тоже читать. Такъ или иначе, а надо было уладить возможность уже нѣсколькихъ и большихъ скандаловъ. За это взялся Чернышевскій.

Онъ рѣшилъ обратиться прежде всего къ профессору И. Е. Андреевскому, бывшему ближе другихъ къ комитету студентовъ, вѣдавшему лекціями.

Андреевскій отказался отъ предложенія Н. Г. „быть посредникомъ между публикою и читавшими лекціи профессорами“, потому что самъ принадлежалъ къ ихъ числу, и находилъ недостаточно удобнымъ „формальный юридическій способъ“, предлагаемый Н. Г. для разъясненія разногласій о причинѣ прекращенія лекцій.

На другой день Н. Г. отвѣтилъ Андреевскому:

„М. Г. Иван Ефимович. Из Вашего отвѣта на мое письмо от 17 марта я должен вывести слѣдующее заключеніе:

„Разъясненіе формальной стороны дѣла о прекращеніи лекцій было бы невыгодно для профессоров, читавших лекціи;

„еслибы Вы не находили этого, Вы, вѣроятно, не затруднились бы сообщить им желаніе, выраженное въ моем письмѣ.

„Этот вывод так натурален, что я буду считать его вѣрным, пока не будет доказано противное, и присваиваю себѣ формальное право публично выражать это мнѣніе.

„Съ истинным уваженіемъ имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою. *Н. Чернышевскій*“.

18-го марта
1862 г.

Андреевскій отвѣчалъ 19-го, что выводъ этотъ совершенно несправедливъ, что способъ не невыгоденъ для профессоровъ, а „не можетъ выяснитъ существа дѣла“, и заявлялъ, что Чернышевскій не имѣетъ права основывать свое мнѣніе на его письмѣ.

Н. Г. стремился поставить выясненіе дѣла на ясную почву и приготовилъ для Андреевскаго три вопроса, отвѣты на которые разрѣшали бы многое. Вотъ они: „1) Было ли во вторникъ, 6 марта, на квартирѣ профессора В. Д. Спасовича собраніе профессоровъ, читавшихъ публичныя лекціи? 2) Было ли на этомъ собраніи принято профессорами рѣшеніе прекратить чтеніе публичныхъ лекцій? 3) Были ли даваемы профессорами формальныя записки, сообщавшія распоряжавшимся лекціями студентамъ это намѣреніе дававшихъ записки профессоровъ прекратить чтеніе лекцій?“

А вотъ и любопытное письмо Николая Ивановича Костомарова къ Чернышевскому:

„Посѣщеніе Ваше навело на меня грусть... мнѣ стало больно; мнѣ глубоко запали въ душу Ваши слова... да, мы были когда-то друзьями ¹⁾. Три года я боролся самъ съ собой и, наконецъ, рѣшилъ и написалъ уже формулу, и готовился съ нею ѣхать къ Вамъ... Вдругъ курьеръ отъ Делянова съ извѣщеніемъ, что лекціи мои прекращены по распоряженію мин. н. просвѣщенія.

„Прощайте, Николай Гавриловичъ. Во многомъ, что Вы го-

¹⁾ Въ Саратовѣ, до перевѣзда Чернышевскаго въ Петербургъ.

ворили мнѣ сегодня, я слышалъ голосъ любви и правды... хотя, всетаки, не знаю, въ чемъ бы Вы могли упрекнуть мое поведеніе въ прошедшей печальной исторіи съ публичными лекціями: я дѣйствовалъ логически и справедливо; мнѣ такъ кажется; я такъ увѣренъ... а между тѣмъ Ваши слова такъ встревожили меня... неужели я ошибался? Я не вижу этого. А между тѣмъ Ваши слова звучали любовью и правдою...

„Прощайте, Николай Гавриловичъ; мы, дѣйствительно, были когда-то друзьями... что развело насъ? Не знаю. Но знаю, что болѣе никогда не будемъ! Наши дороги разныя. Вы меня разъ, другой обругаете въ вашемъ Свисткѣ ¹⁾, какъ уже было, со всѣми возможнѣйшими извращеніями дѣла, сообразно іезуитской мудрости, освящающей всякое средство для цѣли, а я въ своихъ нервныхъ увлеченіяхъ сдѣлаю еще два-три шага, которые удалятъ меня еще болѣе отъ Васъ, и такъ будетъ между нами пропасть поглубже, чѣмъ та, которая раздѣляла богача отъ убогаго Лазаря.

„О лекціяхъ я ни мало не сожалѣю. И однако, мнѣ ужасно грустно, такъ грустно, что хоть въ воду...

„Скучно на этомъ свѣтѣ. Вы пріѣзжали обвинять меня въ самолюбіи, въ измѣнѣ прежнимъ убѣжденіямъ: послѣднее совершенно ложно; первое мнѣ кажется ложнымъ... Да неужели же правѣе меня тѣ, которые теперь спасены прекращеніемъ (министерскимъ предписаніемъ) моихъ лекцій отъ послѣдствій, какія постичь ихъ могли за свистки, ругательства и бросаніе яблоками, какъ они общались? Неужели Вы можете ожидать чего-нибудь въ будущемъ отъ такихъ общественныхъ дѣятелей? Неужели, наконецъ, мы должны преклоняться передъ всякою пошlostью, потому только, что она одѣвается въ либеральную одежду? Воля Ваша, Николай Гавриловичъ; мнѣ кажется, ужъ если кому, такъ именно Вамъ слѣдовало бы такихъ героевъ бить по носу, а Вы ихъ по головкѣ гладите. Неужели вы раздѣляете такое мнѣніе, что закрытіе лекцій есть полезное дѣло, а не ребяческій фарсъ, капризъ дитяти, которое, разсердившись на няньку, разобьетъ объ полъ чашку, стаканъ, что ему попадетъ подъ руки? Неужели не было бы лучше, еслибы лекціи продолжались и публика пріучалась къ серьезному, живому, свободному слову? Утвердились бы онѣ

¹⁾ Издавался при „Современникѣ“.

въ Петербургѣ, принялись бы въ провинціяхъ, вошли бы въ обычаи, послѣ вошло бы въ обычаи говорить публично и слушать. Мнѣ кажется, это было бы одно изъ великолѣпнѣйшихъ орудій обновленія нашего общества, котораго мы равно желаемъ. Смотря съ такой точки зрѣнія, я старался во что бы то ни стало удержать отъ паденія учрежденіе, такъ недавно воздвигнутое... Оно пало; поднять его; я возобновлялъ свои лекціи; за мною уже готовились дѣлать три человѣка; можетъ быть, снова все связалось бы, все пошло бы попрежнему...

„Итакъ, вотъ что, а не мелкое самолюбіе руководило мною, какъ Вы хотѣли обличать меня. Хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ, но я высказываю Вамъ свое убѣжденіе; можетъ быть, ошибаюсь, но по крайней мѣрѣ говорю, чтò думаю. Прощайте, но знайте, что поруганія и клеветы, право, не хуже ссылки въ Саратовъ или въ Ветлугу, чѣмъ можетъ надѣлать Третье Отдѣленіе“.

Это письмо, воспроизводимое мною съ подлинника, несомнѣнно, должно имѣть большое значеніе, поскольку можетъ служить яркой иллюстраціей разницы въ настроеніи тогдашней молодежи и Костомарова. Писано оно очень нервнымъ почеркомъ, не датировано, безъ обращенія и подписи...

Листокъ, вырванный изъ дневника Добролюбова, не имѣетъ никакого отношенія къ данному дѣлу и потому не приводится мною.

Письмо Салтыкова къ Чернышевскому привожу полностью; изъ него видно, какъ высоко ставился литературный авторитетъ Николая Гавриловича.

„Милостивый Государь,
Николай Гавриловичъ.

„Вѣроятно, Вамъ извѣстно, что я вмѣстѣ съ Унковскимъ ¹⁾ и Головачевымъ ²⁾ задумалъ издавать съ будущаго года въ Москвѣ журналъ, который будетъ [выходить два раза въ мѣсяцъ. Независимо отъ официальной программы, уже поданной

¹⁾ А. М. Унковскій, извѣстный тверской дѣятель.

²⁾ А. А. Головачевъ, авторъ трудовъ по исторіи реформъ 60-хъ годовъ.

въ московскій цензурный комитетъ, мы предполагаемъ съ августа приступить къ печатанію объявленія, въ которомъ съ большою ясностью выразится какъ цѣль изданія журнала, такъ и самое направленіе его. Препровождая при семъ проектъ этого объявленія¹⁾, мы просимъ Васъ сообщить намъ Ваше искреннее мнѣніе о немъ и не оставитъ насъ Вашими совѣтами. Глубоко цѣня и уважая Вашу частную и общественную дѣятельность, мы заранѣе можемъ ручаться, что замѣчанія Ваши будутъ приняты нами съ величайшею благодарностью. Не думайте, прошу Васъ, чтобы я писалъ это письмо лишь отъ своего имени: А. И. Европеусъ можетъ удостовѣрить Васъ въ противномъ, но дѣло въ томъ, что я и будущіе мои соредакторы покуда разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ по лицу Россіи. Если Вы найдете свободную минуту, чтобы удовлетворить нашей покорѣйшей просьбѣ, то письмо Ваше прошу адресовать на имя Плещеева, для передачи мнѣ, такъ какъ я на будущей недѣлѣ уѣзжаю изъ Твери въ деревню и не могу еще окончательно опредѣлить свой адресъ. Впрочемъ, до 19 числа еще пробуду въ Твери.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте намъ заявить надежду, что, хотя по отношеніямъ своимъ къ „Современнику“ Вы и не можете принять дѣятельнаго участія въ нашемъ журналѣ, но не откажете намъ въ сотрудничествѣ, которое для насъ особенно важно, какъ доказательство Вашей симпатіи къ задуманному нами дѣлу.

„Теперь позвольте мнѣ обратиться къ Вамъ съ просьбой, лично до меня относящейся. Н. А. Некрасовъ, съ которымъ я видѣлся въ Москвѣ, сообщилъ мнѣ, что редакція „Современника“ предполагаетъ находящіяся въ ея распоряженіи три моихъ разсказа раздѣлить на два нумера, т. е. напечатать ихъ въ апрѣльской и майской книжкахъ. По словамъ Некрасова, это сдѣлано въ томъ вниманіи, что разсказы займутъ много мѣста. Но я убѣжденъ, что всѣ разсказы, вмѣстѣ взятые, не займутъ болѣе 3½ печатныхъ листовъ, и если это только возможно, то просилъ бы Васъ убѣдительнѣйше пустить ихъ всѣ въ апрѣльской книжкѣ. Это для меня необходимо по многимъ соображеніямъ, которыя я объяснилъ лично Н. А. Некрасову.

¹⁾ Рѣчь идетъ о журналѣ „Русская Правда“, который такъ и не былъ разрѣшенъ Салтыкову, яко бы подъ предлогомъ пересмотра цензурнаго устава. Къ сожалѣнію, при письмѣ нѣтъ проекта объявленія.

Но каково бы ни было рѣшеніе Ваше по этому предмету, во всякомъ случаѣ прошу Вашего распоряженія насчетъ высылки ко мнѣ цензорскихъ корректуръ: или въ Тверь, если онѣ уже готовы, или на имя Плещеева, если онѣ будутъ готовы не раньше 19 числа. Я возвращу ихъ съ первой почтой. Еще одна просьба: такъ какъ я выѣзжаю изъ Твери, то нельзя ли прекратить высылку „Современника“ на мое имя, а вмѣсто того прислать мнѣ билетъ на полученіе журнала изъ московской конторы.

„Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью имѣю честь быть Вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою“.

М. Салтыковъ“.

14 апрѣля

1862 г.

Тверь.

Кромѣ бумагъ самого Чернышевскаго, было взято довольно много чужихъ рукописей, бывшихъ у него на просмотрѣ. Неизвѣстно, что бы случилось съ ними, еслибъ Некрасовъ (въ серединѣ ноября) не подалъ прошенія о возвращеніи ихъ ему и не получилъ бы часть самъ, а часть, по его порученію,—Салтыковъ. При этомъ изъ 60 рукописей были задержаны двѣ, признанныя комиссіей неудобными для печати: анонимная—„Слѣдственное дѣло о хреяхъ и силлогизмахъ“, и „Изъ воспоминаній дѣтства“—Н. Аристова.

Итакъ, ясно—обыскъ не далъ, въ сущности, ничего, что такъ хотѣлось бы имѣть: бумаги Чернышевскаго обманули ожиданія и комиссін, и III Отдѣленія...

Но Потаповъ выходилъ и не изъ такихъ положеній...

1 августа онъ внесъ въ комиссію весьма любопытную „Записку изъ частныхъ свѣдѣній о титулярномъ совѣтникѣ Чернышевскомъ“, что, на языкѣ III Отдѣленія, значило: по донесеніямъ той или иной степени рачительныхъ агентовъ... „Записка“ эта, разумѣется, стоитъ того, чтобъ ее привести здѣсь полностью, исправляя по пути наиболѣе важныя ошибки „частныхъ свѣдѣній“.

„Отставной титулярный совѣтникъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій, будучи авторомъ многихъ журнальныхъ статей политическаго и экономическаго содержанія, въ которыхъ постоянно проводились свободныя идеи, пріобрѣлъ себѣ извѣ-

стность литератора-публициста и пользовался авторитетомъ между молодымъ поколѣніемъ, которое онъ, съ своей стороны, старался возвысить въ глазахъ общества, какъ, по его мнѣнію, дѣятелей. Онъ составилъ себѣ отдѣльный кругъ знакомства, по преимуществу изъ молодыхъ людей, и притомъ недовольныхъ правительствомъ, лжепрогрессистовъ и лицъ, сдѣлавшихся государственными преступниками ¹⁾; собранія у него постоянно отличались какою-то таинственностью и большею частью происходили въ ночное время. Доступъ къ нему постоянныхъ лицъ былъ чрезвычайно затруднителенъ. Корреспонденцію онъ имѣлъ огромную и велъ ее не только въ Россіи, но и за-границей. Вниманіе правительства обращено на Чернышевскаго послѣ безпорядковъ, происходившихъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ осенью 1861 г., когда получено было свѣдѣніе, что появившаяся между студентами прокламація, возбуждавшая молодежь къ сопротивленію властямъ, была составлена Чернышевскимъ ²⁾. Съ тѣхъ поръ за нимъ учреждено было постоянное наблюденіе, которымъ обнаружено:

„Въ концѣ 1861 года Чернышевскій почти постоянно бывалъ дома и спалъ не болѣе 2—3 часовъ въ сутки; иногда онъ уходилъ изъ дому рано утромъ, чуть свѣтъ, но въ 10 часовъ уже возвращался; по вечерамъ же уходилъ почти постоянно въ 10 час. и возвращался въ 12, принося часто съ собою бумаги. Писемъ онъ разсылалъ очень много, большею частью по почтѣ, но иногда съ поваромъ или швейцаромъ; 14 ноября онъ отправилъ два довольно толстыхъ письма въ Москву по желѣзной дорогѣ; 16 ноября Чернышевскій, противу всякаго обыкновенія, ушелъ со двора въ 12 час. дня и воротился въ 7 час. вечера. Когда же за нѣсколько передъ этимъ времени Чернышевскій потерялъ ключи отъ своего письменнаго стола, то, не

¹⁾ Очевидно, имѣлись въ виду В. А. Обручевъ и М. Н. Михайловъ.

²⁾ О такой прокламаціи до сихъ поръ ничего неизвѣстно. Несомнѣнно, въ связи съ начатымъ надзоромъ стоитъ и секретный циркуляръ нѣмъ губернаторамъ, данный Валувымъ 23 ноября 1861 года: „Покорѣйте прошу Ваше Превосходительство, въ случаѣ поступленія къ Вамъ просьбы отъ литератора Николая Чернышевскаго о снабженіи его заграничнымъ паспортомъ, не выдавать ему оного, а представить на разрѣшеніе внутренняго мнѣ министерства“. Вотъ, следовательно, когда для Чернышевскаго уже готовилась крѣпостная клітка.. (См. второе приложеніе къ сборникамъ „Государственные преступленія въ Россіи“, изд. подъ ред. В. Базилевскаго. Paris. 1905 г., стр. 105).

выходя изъ кабинета, велѣлъ позвать слесаря, подобрать къ столу ключъ и вмѣстѣ съ тѣмъ придѣлать замокъ къ двери кабинета, который съ тѣхъ поръ и запиралъ, когда уходилъ со двора. Напрасно жена его дѣлала ему замѣчаніе, что это лишняя предосторожность: онъ, всетаки, продолжалъ запираить комнату. Между тѣмъ замѣчено было, что Чернышевскій перемѣнился, сталъ задумчивъ, угрюмъ и малоразговорчивъ, избѣгалъ прислуги, тогда какъ прежде былъ ласковъ съ нею. Оказалось, что перемѣна эта произошла въ немъ послѣ поѣздки въ августѣ мѣсяцѣ въ Самарскую деревню его ¹⁾. 26 сентября Чернышевскій явился на сходку студентовъ около квартиры бывшаго попечителя округа генерала Филипсона. 20 ноября, въ день похоронъ литератора Добролюбова, Чернышевскій говорилъ рѣчь, въ которой видимо старался выразить, что Добролюбовъ былъ жертвою правительственныхъ распоряженій, мученикъ, убитый нравственно,—однимъ словомъ, что правительство уморило его ²⁾.

„Замѣчательно обстоятельство: за нѣсколько предъ симъ времени двери къ Чернышевскому въ комнату стала отпирать жена его, тогда какъ прежде это дѣлала ихъ гувернантка; когда же потомъ г-жа Чернышевская уѣхала, то двери къ себѣ отпиралъ уже самъ Чернышевскій. 8 декабря Чернышевскій получилъ изъ Парижа письмо слѣдующаго содержанія:

„Прошу васъ, Николай Гавриловичъ, постарайтесь выслать мнѣ деньги. Мнѣ очень деньги теперь надобны. Пишу Вамъ опять на всякій случай,—можетъ быть, Вы уже въ Петербургѣ. Прошу Васъ—не медлите. Уважающая Васъ М. Марковичъ“ ³⁾. Вскорѣ послѣ этого Чернышевскій вдругъ сталъ чрезвычайно остороженъ: онъ сталъ запираить кабинетъ свой, когда не только выходилъ со двора, но даже шелъ обѣдать или чай пить въ столовую; онъ никому не довѣрялъ, и единственное лицо, которое пользовалось еще довѣріемъ его, былъ метранпажъ изъ типографіи Вульфа, Иванъ Михайловъ Стругалевъ. Между литераторами составилось даже убѣжденіе, что Чернышевскій и Некрасовъ находятся подъ вліяніемъ какого-то паническаго

¹⁾ Въ Саратовѣ.

²⁾ Такой же смыслъ рѣчи передаютъ и Никитенко въ своемъ „Дневникѣ“, и г. Рейнгардтъ на стр. 452—453 „Рус. Стар.“ 1905 г. II.

³⁾ М. А. Марковичъ (Маркъ-Вовчокъ). Рѣчь шла о деньгахъ за собраніе ея сочиненій, которое Н. Г. устраивалъ у одного изъ издателей.

страха, который, впрочемъ, распространился и на другихъ ¹⁾. Поздно вечеромъ 22 декабря къ Чернышевскому пришли четверо мужчинъ,—изъ коихъ одинъ въ волчьей шубѣ, не покрытой сукномъ,—которые занимались съ нимъ въ кабинетъ до утра. Въ часъ ночи онъ приказалъ принести самоваръ, но людямъ велѣлъ лечь спать—и посѣтителей выпустилъ по черной лѣстницѣ. Судя по наружности, означенный посѣтитель въ волчьей шубѣ былъ, вѣроятно, изъ простого званія. Около же этого времени сестра г-жи Чернышевской принесла три пачки какихъ-то бумагъ и сама сожгла ихъ, оставаясь передъ печкою до тѣхъ поръ, пока онѣ сгорѣли, и мѣшая собственноручно въ печкѣ. Черезъ нѣсколько дней подобное же сожженіе бумагъ было повторено ²⁾. Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что жена г. Чернышевскаго развозила по городу какія-то небольшія книжки, завернутыя въ бумагу, и поручала кучеру своему, Никитѣ Тимофѣеву, спрятать ихъ въ сараѣ, но потомъ опять потребовала ихъ себѣ. Тогда полагали, что это были воззванія Герцена, подъ заглавіемъ „Что нужно народу“ ³⁾ и т. п. Справедливость этого подтверждается тѣмъ, что черезъ нѣсколько послѣ сего времени братъ жены его, студентъ Студенскій ⁴⁾, давалъ кучеру Чернышевскихъ брошюру „Что нужно народу“, и тотъ читалъ ее въ кухнѣ въ присутствіи всей прислуги и даже постороннихъ. Оказалось, что книжки эти г-жа Чернышевская возила на Вас. островъ въ 8 линію, на подворье къ монахамъ ⁵⁾. Въ мартѣ сего года Чернышевскій, будучи у Некрасова, рассказывалъ, что къ 26 августа по всей Россіи будутъ устроены манифестаціи, въ которыхъ будутъ выражены слѣдующія желанія всего образованнаго сословія:

„Прощеніе политическихъ преступниковъ, всѣхъ безъ исключенія, какіе только пахотятся въ живыхъ; дарованіе конституціи; свобода печати и уничтоженіе цензуры; отвѣтственность министровъ; гласное судопроизводство и т. п. Онъ гово-

¹⁾ Разумѣется, вздоръ.

²⁾ Рѣчь идетъ объ Е. С. Васильевой.

³⁾ Во-первыхъ, не Герцена, а Огарева; во-вторыхъ, не брошюра, а листокъ. Ольга Сократовна, конечно, никакой развозкой герценовскихъ изданій не занималась.

⁴⁾ Студенскій не былъ братомъ О. С.

⁵⁾ Тоже вздоръ.

рилъ также, что онъ видѣлся со многими лицами—коноводами въ провинціяхъ этихъ манифестацій, какъ-то: изъ Кіева, Харькова, Владиміра и др. городовъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ разнесся слухъ объ адресѣ въ пользу преступника Михайлова, и главными двигателями этого называли: Чернышевскаго и подполковника Шелгунова; на адресѣ видѣли даже въ числѣ другихъ подписъ Чернышевскаго. Въ маѣ Чернышевскій получилъ изъ-за-границы письмо отъ профессора Пыпина, который увѣдомлялъ его, что онъ началъ заниматься своими спеціальными изученіями, но болѣе отрицательно; что берлинскія матрикулы народнаго образованія лучше путятинскихъ, и что онъ приготовляетъ для „Современника“ статью о прусскомъ законѣ печатанія. Въ заключеніе же Пыпинъ просилъ отвѣчать ему немедленно.

„Наконецъ, Чернышевскій утратилъ совершенно сочувствіе къ себѣ въ литературномъ кругу ¹⁾. Тамъ положительно увѣряли, что если всѣ безпорядки въ городѣ и произведены молодежью, то, конечно, вслѣдствіе тѣхъ идей, которыя были развиты въ ней партією Чернышевскаго, Иероглифова ³⁾, Елисѣева ²⁾ и всѣхъ его сотрудниковъ. Арестаціи нѣсколькихъ изъ посѣщавшихъ Чернышевскаго лицъ и студентовъ ⁴⁾, имъ образовываемыхъ, подѣйствовали на него: онъ разстался со всѣми, отправилъ жену въ деревню, распродалъ вещи, экипажи и намѣревался уѣхать, но въ это время открыты положительно его сношенія съ Герценомъ—и онъ арестованъ. Посѣщавшихъ Чернышевскаго въ продолженіе этого времени лицъ было чрезвычайно много, по преимуществу литераторы, студенты и молодые офицеры артиллерійскаго и инженернаго вѣдомства. Покойный Добролюбовъ и Михайловъ были его друзьями; полковники Лавровъ и Шелгуновъ пользовались особымъ расположеніемъ его. Вообще Чернышевскаго можно считать главою партіи либеральныхъ литераторовъ.

¹⁾ Разумѣется, явный вздоръ: раздѣлившійся на-двое, литературный міръ относился къ Чернышевскому далеко не одинаково.

²⁾ Иероглифовъ ни въ какой связи съ Чернышевскимъ не стоялъ и былъ однимъ изъ мелкихъ газетныхъ дѣятелей.

³⁾ Григорій Захаровичъ Елисѣевъ, потомъ одинъ изъ членовъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“.

⁴⁾ Кое-кто, дѣйствительно, былъ арестованъ уже по разнымъ поводамъ, но не благодаря знакомству съ Чернышевскимъ.

„Кромѣ сего, извѣстно, что въ іюнѣ мѣсяцѣ 1859 г. Чернышевскій ѣздилъ за-границу, былъ въ Лондонѣ у Герцена, который до того, по денежнымъ дѣламъ Огарева съ Панаевымъ, бывшимъ редакторомъ „Современника“, былъ враждебенъ этому журналу, съ поѣздки же Чернышевскаго за-границу со стороны лондонской русской прессы стало проявляться сочувствіе къ оному“¹⁾.

Эта „записка“ явилась какъ нельзя болѣе во-время. Комиссія не считала, разумѣется, необходимымъ провѣрить „частныя свѣдѣнія“. На нихъ вѣдь былъ штемпель безупречной истины: самого III Отдѣленія...

Кромѣ того, большія надежды возлагались ею на иногороднюю и заграничную корреспонденцію Чернышевскаго, которую со дня его ареста приказано было доставлять прямо въ III Отдѣленіе, а оттуда въ комиссію. Ждали самой преступной переписки, надѣялись встрѣтить подготовленія манифестаціи

¹⁾ Полное незнаніе обстоятельствъ. Чернышевскій ѣздилъ вовсе не мириться, а объясняться насчетъ статьи Герцена „Very dangerous!!!“, прямо направленной по адресу „Современника“ и особенно Добролюбова. Объясненія эти ни къ чему не привели, и, возвратясь, Чернышевскій не разъ выражалъ сожалѣніе, что ѣздилъ въ Лондонъ... Отношенія ихъ съ Герценомъ остались острыя, несмотря на сочувственные потомъ замѣтки послѣдняго о Добролюбовѣ и т. п. Кое-что о поѣздкѣ рассказываетъ г-жа Тучкова-Огарева, но въ такихъ серьезныхъ событіяхъ на ея освѣщеніе и память совсѣмъ нельзя полагаться: что же касается ея сообщенія о переговорахъ по поводу изданія за-границей „Современника“, то оно положительно невѣрно. Иное дѣло—сообщеніе объ этомъ свиданіи двухъ великихъ писателей, какъ нельзя лучше представившихъ два послѣдующихъ поколѣнія русскаго общества, хорошо знавшаго Чернышевскаго г. Стаховича. Онъ твердо помнитъ, что, по разсказамъ самого Николая Гавриловича, сущность разговоровъ его съ Герценомъ была та, что Чернышевскій нападалъ на него за чисто обличительный характеръ „Колокола“, повторяя такимъ образомъ то же, что постоянно говорилъ и Добролюбовъ. „Еслибы наше правительство,—говорилъ Герцену представитель радикальной Россіи,—было чуточку поумнѣе, оно благодарило бы васъ за ваши обличенія; эти обличенія даютъ ему возможность держать своихъ агентовъ въ уздахъ, въ нѣсколько приличномъ видѣ, оставляя въ то же время государственный строй неприкосновеннымъ. А суть-то дѣла именно въ стрѣльбѣ, — не въ агентахъ. Вамъ слѣдовало бы выставить опредѣленную политическую программу, — скажемъ—конституціонную, или республиканскую, или социалистическую, и затѣмъ всякое обличеніе являлось бы подтвержденіемъ основныхъ требованій вашей программы; вы неустанно повторяли бы свое „Ceterum censeo Carthaginem esse delendam“. (С. Стаховичъ, — „Матеріалы для біографіи Н. Г. Чернышевскаго“, Закаспійское Обозрѣніе“ 1905 г. № 143).

26 августа и т. д. Но и здѣсь постигло серьезное разочарованіе.

Изъ-за-границы были получены сначала два письма Льва Мечникова, въ которыхъ онъ благодарилъ Чернышевскаго за вниманіе къ его литературнымъ предложеніямъ, посылалъ свою статью о Мадзини и разрабатывалъ планъ статей о революціи 1848 года въ Италіи. Потомъ, не получая, разумѣется, отвѣта, Мечниковъ вновь напоминалъ своему корреспонденту о сдѣланныхъ предложеніяхъ и просилъ написать въ первую же свободную минуту.

Изъ провинціи были письма Т. К. Гринвальдъ, просившей Чернышевскаго отвѣтить ей въ Дерптъ на два письма и все еще не вѣрившей возможности потерять умершаго Добролюбова, близкія ея отношенія съ которымъ Н. Г. были хорошо извѣстны; Ив. Захарьина (Якунина)—о передачѣ забракованной статьи въ редакцію „Времени“, и друга Добролюбова—М. И. Шемановскаго, посылавшаго статью „Плата за ученіе и училищный налогъ“ и просившаго выслать ему денегъ, безъ которыхъ невозможно было продолжать начатое путешествіе по югу Россіи.

А. Н. Плещеевъ писалъ изъ Москвы уже арестованному Чернышевскому:

„Добрѣйшій другъ, Николай Гавриловичъ. Въ бытность Суворина ¹⁾ въ Петербургѣ вы сказали ему, между прочимъ, чтобы онъ свою повѣсть доставилъ вамъ. Это подало намъ съ нимъ нѣкоторую надежду на возможность близкаго возобновленія „Современника“. Будьте добры, напишите, въ какой степени эта надежда осуществима. Дѣло вотъ въ чемъ. У Суворина повѣсть готова. Онъ, конечно, желалъ бы всего болѣе отдать ее въ „Современникъ“. Но онъ въ то же время въ такомъ положеніи, что едва-едва имѣетъ насущный хлѣбъ. Съ Краевскимъ ²⁾ онъ, разумѣется, не сошелся по очень уважительнымъ причинамъ и въ Петербургѣ, вѣроятно, не переселится. Значитъ, ему прежде всего нужны деньги за повѣсть. Еслибы онъ могъ теперь же получить ихъ, то отдалъ бы свою повѣсть въ редакцію „Современника“ и готовъ бы былъ ждать ея напечатанія сколько угодно. Мнѣ самому никуда не хотѣлось бы отдавать ничего своего. А у меня теперь кое-что на-

¹⁾ Рѣчь идетъ объ А. С. Суворинѣ, теперешнемъ королѣ черносотенцевъ.

²⁾ Издатель „Отечественныхъ Записокъ“.

копилось. Если „Современникъ“ будетъ выходить, то я никуда и не пошлю. Будьте добры, дорогой мой, не полѣнитесь написать. Намъ необходимо знать что-нибудь вѣрное, особливо Суворину. И еще напишите, въ Петербургѣ ли Некрасовъ? У меня есть до него дѣло.

Вашъ весь А. Плещеевъ“.

Все это прошло бы совершенно безъ вниманія, еслибы не первое недовольство комиссіи отсутствіемъ прямыхъ и положительныхъ уликъ. Письма Мечникова были исчерканы краснымъ карандашомъ, а письмо Шемановскаго обратило на себя вниманіе черезъ недѣлю, когда онъ прислалъ Чернышевскому нѣсколько лубочныхъ картинъ южнаго производства. Комиссія сейчасъ же пришла къ логическому заключенію, что Шемановскій не иначе, какъ „агентъ Чернышевскаго“, и просила III Отдѣленіе „обратить на него вниманіе“...

Остальная корреспонденція не стоила даже и такого вниманія, но, всетаки, вся доставлялась въ „Современникъ“ черезъ комиссію. Денежные пакеты—и тѣ не шли къ Некрасову непосредственно.

III.

А Чернышевскій терпѣливо сидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, гдѣ сосѣдями его были Писаревъ, Баллодъ и др.

Онъ хорошо зналъ и былъ твердо увѣренъ, что ни въ его бумагахъ, ни въ бумагахъ близкихъ ему лицъ не найдутъ ровно ничего, {могущаго служить матеріаломъ для сколько-нибудь добросовѣстно построеннаго обвиненія. Притомъ онъ вѣрилъ еще въ благоразуміе и элементарную порядочность правительства, не допуская мысли о возможности какихъ бы то ни было подлоговъ.

Поддерживая переписку съ женой (бывшей съ дѣтьми въ Саратовѣ), Н. Г. всячески ее ободрялъ и успокаивалъ. Надо ли говорить, что всѣ письма, и отправляемые, и получаемыя имъ, прочитывались предварительно въ комиссіи?

Послѣдняя обратила особое вниманіе на письмо Н. Г. отъ 5 октября, признала невозможнымъ отправленіе его женѣ и приобщила къ дѣлу, чтобы „имѣть въ виду при допросѣ Чернышевскаго“.

Вотъ оно полностью:

„Милый мой другъ, моя несравненная, золотая Ляличка.

„Цѣлую тебя, мой ангелъ. Я получилъ твои письма отъ 19 и 22 сентября. Теперь я имѣю основаніе думать, что довѣренность тебѣ вышло на-дняхъ,—тогда, моя милая, дѣлай, какъ тебѣ угодно, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что мнѣ будетъ казаться наилучшимъ именно то, что ты сдѣлаешь: если не станешь продавать домъ и останешься дожидаться меня въ Саратовъ,—значить, такъ было лучше; если продашь домъ и пріѣдешь въ Петербургъ,—значить, такъ лучше. Вѣдь ты знаешь, моя милая, что для меня самое лучшее то, что для тебя лучше. Ты умяѣ меня, мой другъ, и потому я во всемъ съ готовностью и радостью принимаю твое рѣшеніе.—Объ одномъ только прошу тебя: будь спокойна и весела, не унывай, не тоскуй; одно это важно, остальное все—вздоръ. У тебя больше характера, чѣмъ у меня,—а даже я ни на минуту не тужилъ ни о чемъ во все это время,—тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть твердой тебѣ, мой дружокъ. Скажу тебѣ одно: [[наша съ тобой жизнь принадлежитъ исторіи; пройдутъ сотни лѣтъ, и наши имена все еще будутъ милы людямъ; и будутъ вспоминать о насъ съ благодарностью, когда уже забудутъ почти всѣхъ, кто жилъ въ одно время съ нами. Такъ надобно же намъ не уронить себя со стороны бодрости характера передъ людьми, которые будутъ изучать нашу жизнь]].—Въ это время я имѣлъ досугъ подумать о себѣ и составить планъ будущей жизни. Вотъ какъ пойдетъ она: до сихъ поръ я работалъ только для того, чтобы жить. Теперь средства къ жизни будутъ доставаться мнѣ легче, потому что восьмилѣтняя дѣятельность доставила мнѣ хорошее имя. Итакъ, у меня будетъ оставаться время для трудовъ, о которыхъ я давно мечталъ. Теперь планы этихъ трудовъ обдуманы окончательно. Я начну многотомную „Исторію матеріальной и умственной жизни человѣчества“,—исторію, какой до сихъ поръ не было, потому что работы Гизо, Бокля (и Вико даже) дѣланы по слишкомъ узкому плану и плохи въ исполненіи. За этимъ пойдетъ „Критическій словарь идей и фактовъ“, основанный на этой исторіи. Тутъ будутъ перебраны и разобраны всѣ мысли обо всѣхъ важныхъ вещахъ, и при каждомъ случаѣ будетъ указываться истинная точка зрѣнія. Это будетъ тоже многотомная работа. Наконецъ, на основаніи этихъ двухъ работъ я составлю „Энциклопедію знанія и жизни“,—будетъ уже экстрактъ, небольшого объема, два-

три тома, написанный такъ, чтобы былъ понятенъ не однимъ ученымъ, какъ два предыдущіе труда, а всей публикѣ. Потомъ я ту же книгу переработаю въ самомъ легкомъ, популярномъ духѣ, въ видѣ почти романа, съ анекдотами, сценами, островами, такъ чтобы ее читали всѣ, кто не читаетъ ничего, кромѣ романовъ. Конечно, всѣ эти книги, назначенныя не для однихъ русскихъ, будутъ выходить не на русскомъ языкѣ, а на французскомъ, какъ общемъ языкѣ образованнаго міра. Чепуха въ головѣ у людей,—потому они и бѣдны и жалки, злы и несчастны; надобно разъяснить имъ, въ чемъ истина и какъ слѣдуетъ имъ думать и жить. Со времени Аристотеля не было сдѣлано еще никѣмъ того, что я хочу сдѣлать, и буду я добрымъ учителемъ людей въ теченіе вѣковъ, какъ былъ Аристотель.—А впрочемъ, я заговорилъ о своихъ мысляхъ: онѣ секретъ; ты никому не говори о томъ, что я сообщаю тебѣ одной (тѣхъ, которые будутъ читать это письмо прежде тебя, я не считаю, потому что они этими вещами не занимаются). Но я рассказалъ тебѣ это для того, чтобы ты видѣла, какъ далеко я отъ всякаго унынія,—о, нѣтъ, мой другъ, рѣдко когда бывалъ я такъ спокоенъ и доволенъ, какъ въ это время. Смотри же, будь и ты спокойна и бодра. Ты здорова—только это и нужно мнѣ, чтобы я былъ въ хорошемъ расположеніи духа.

„Но что тебѣ сказать о положеніи вздорнаго дѣла, которое служить причиною твоего огорченія и лишь по этому одному непріятно мнѣ? Рѣшительно ничего не могъ бы я тебѣ сказать объ этомъ, еслибы даже говорилъ съ тобой наединѣ, потому что самъ ровно ничего не знаю: до сихъ поръ мнѣ не сказано ни одного слова объ этомъ дѣлѣ, и оно остается для меня секретомъ, котораго не разгадалъ бы я при всемъ своемъ умѣ, которымъ такъ горжусь, не разгадалъ бы, еслибы и хотѣлъ думать о вздорѣ, о которомъ и не думаю, будучи увѣренъ, что важнаго тутъ не можетъ быть ничего. Когда это дѣло кончится?—тоже не знаю; по, вѣроятно, скоро—вѣдь не годы же оно будетъ тянуться. Ну, можетъ быть, протянется еще мѣсяць, другой,—вѣдь три цѣлыхъ мѣсяца уже прошло,—а можетъ быть, и одного мѣсяца не протянется,—я ровно ничего не знаю, мой дружочекъ. Можно только судить по здравому смыслу, что большая половина этого нашего времени разлуки уже прошла. Будь же умница, мой дружочекъ, будь весела и спокойна,—за это я поклонюсь тебѣ въ ножки и расцѣлую ихъ.—

Быть можетъ, мой милый ангелъ, ты вздумаешь, что лучше тебѣ дожидаться въ Саратовѣ довѣренности и выѣхать уже по продажѣ дома,—если такъ, то такъ; а впрочемъ, тебѣ виднѣе это; вѣдь тутъ все зависитъ отъ денегъ,—продавъ домъ, ты будешь имѣть ихъ; а теперь имѣешь ли? Напиши объ этомъ. Когда мнѣ скажутъ что-нибудь, я увѣдомлю тебя, а теперь ровно ничего не знаю и ужъ по этому одному долженъ все предоставлять единственно твоему разсужденію, моя золотая Ляличка, еслибы не былъ всегда расположенъ во всемъ думать, что ты лучше меня можешь судить, какъ и что надобно сдѣлать. Вѣдь ты у меня золотая умница, и за это я цѣлую тебя.

Твой *Н. Чернышевскій*.

„Чуть не забылъ приписать, что я здоровъ. Цѣлую дѣтишекъ. Будь здорова и спокойна. Тысячи и миллионы разъ цѣлую твои ручки, моя несравненная умница и красавица, Ляличка,—не тоскуй же смотри, будь (нѣсколько словъ на нижней строкѣ стерлись отъ времени съ бумагой.— *М. Л.*). А какая отличная борода отросла у меня: просто заглядѣнье“.

Прочтя письмо, читатель, что бы, вы думали, обратило на себя особое вниманіе комиссіи? Мѣсто, заключенное мною въ двойныя прямыя скобки. Комиссія увидѣла въ немъ непомѣрное самовозвеличеніе, преступную гордость! Она совершенно не поняла, что именно умный человѣкъ не могъ серьезно написать такого письма; что потому Чернышевскій и просилъ Ольгу Сократовну никому не рассказывать о его „планахъ“, что понималъ, какъ они должны показаться всякому смѣшными своею совершенною несбыточностью. Онъ просто убѣждалъ жену въ полномъ своемъ спокойствіи. Дальше читатель встрѣтитъ объясненіе этого письма, сдѣланное самимъ Чернышевскимъ.

Наконецъ, когда комиссія увидѣла, что если и можно что получить въ видѣ уликъ, то только путемъ допроса самого Чернышевскаго, который, конечно, де, проговорится,—она дала ему первый допросъ 30 октября, предварительно, слѣдуя общепринятой формѣ,—сдѣлавъ ему черезъ протоіерея Полисадова „священническое увѣщаніе“, „чтобы показывалъ сущую правду“.

Вотъ этотъ допросъ.

„Николай Гавриловичъ Чернышевскій; происхожу изъ ду-

ховнаго званія; имѣю чинъ титулярнаго совѣтника и нахожусь въ отставкѣ; вѣроисповѣданія православнаго. На исповѣди и у св. причастія бываю, но не ежегодно, пропуская иногда обычное время говѣнія по множеству занятій. Женатъ на дочери покойнаго коллежскаго (или статскаго—не помню) совѣтника Сократа Евгеніевича Васильева, служившаго врачомъ при Саратовской удѣльной конторѣ; имя моей жены Ольга Сократовна. Мы имѣемъ двухъ сыновей: Александра, 8 лѣтъ, и Михаила, 4 лѣтъ ¹⁾. Жена и дѣти мои находятся нынѣ въ Саратовѣ.

„Отъ роду мнѣ 34 года. Воспитывался сначала въ Саратовской духовной семинаріи, потомъ въ Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ кончилъ курсъ въ 1850 или 1851 году (скажется, въ 1850, но не ручаюсь, что именно тогда, а не годомъ позже) ²⁾.

„По окончаніи курса служилъ сначала преподавателемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, потомъ (весною 1851 года, кажется) уѣхалъ учителемъ гимназій въ Саратовъ ³⁾; весною 1853 года возвратился въ Петербургъ и служилъ года два опять преподавателемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ ⁴⁾; прослуживъ срокъ, требующійся для утвержденія въ чинѣ, вышелъ въ отставку,—кажется, въ началѣ 1856 или, можетъ быть, и въ началѣ 1855 года (послѣдняя цифра, вѣроятно, точнѣе, но не помню хорошенько) ⁵⁾; потомъ, черезъ годъ или годъ съ небольшимъ, причислился на службу въ С.-Петербургское губернскаго правленіе ⁶⁾, не принимая никакой должности въ немъ, лишь бы считаться на службѣ въ угожденіе отцу, которому это правилось. Такое зачисленіе на службу устроилъ тогдашній петербургскій вице-губернаторъ, г. Муравьевъ; когда онъ былъ переведенъ изъ Петербурга, и поступилъ новый вице-губернаторъ, незнакомый мнѣ, разумѣется, нельзя стало мнѣ числиться на службѣ, не неся никакихъ занятій по ней, и я

¹⁾ Оба сына въ настоящее время здравствуютъ. Былъ еще Викторъ, родившійся 31 января 1856 г., но потомъ вскорѣ умершій.

²⁾ Въ 1850 г., со степенью кандидата.

³⁾ Назначеніе туда произошло 6 января 1851 г.

⁴⁾ Тамъ и въ Саратовѣ преподавалъ русскую словесность.

⁵⁾ Высоч. приказомъ 1 мая 1855 г.

⁶⁾ Высоч. приказомъ 7 декабря 1856 г. зачисленъ канцелярскимъ чиновникомъ съ 13 ноября того же года.

вышелъ въ отставку—кажется, въ 1858 году, а можетъ быть и въ 1859,—не припомню хорошенько ¹⁾).

„Недвижимую собственность я имѣю: по наслѣдству отца своего и своей матушки домъ въ городѣ Саратовѣ и нѣсколь-ко десятинъ земли (должно быть, 25 или 30 десятинъ) въ Аткарскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи.

„Подъ судомъ не былъ.

„Съ 1854 года, т. е. почти съ самаго возвращенія своего въ Петербургъ изъ учительства въ Саратовѣ, занимался литературой“.

В. „Съ кѣмъ вы знакомы въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ Россіи, равно за-границею; когда и по какому случаю съ каждымъ изъ нихъ познакомились и въ какихъ находились сношеніяхъ?“

О. „Занимаясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ редакцію одного изъ большихъ журналовъ, я долженъ былъ быть знакомъ съ сотнями или тысячами лицъ въ Россіи. Пересчитывать ихъ всѣхъ здѣсь было бы слишкомъ долго, да и напрасно,—напрасно потому, что нужно только пересчитывать людей, писавшихъ въ журналахъ петербургскихъ и московскихъ,—и тотъ, кто потрудится пересчитывать ихъ, будетъ пересчитывать почти все знакомыхъ мнѣ. Отношенія эти у меня къ нимъ были чисто литературныя,—по помѣщенію статей въ журналѣ „Современникъ“ и по платѣ денегъ за статьи.—По случаю помѣщенія статей г. Мечникова въ „Современникъ“ я писалъ ему раза два или три въ Италію, гдѣ онъ тогда (въ первой половинѣ 1862 г.) жилъ. Содержаніе писемъ моихъ къ г. Мечникову было таково: „такая-то статья Ваша получена или напечатана мною. Деньги за нее Вамъ посылаются или будутъ посланы“ ²⁾).

В. „По имѣющимся въ комиссіи свѣдѣніямъ, вы обвиняетесь въ сношеніяхъ съ находящимися за-границею русскими изгнанниками и другими лицами, распространяющими злоумышленную пропаганду противъ нашего правительства, и съ

¹⁾ 4 марта 1859 г.

²⁾ По отвѣтамъ Мечникова видно, что, въ сущности, письма были, конечно, вовсе не такого казенно-шаблоннаго характера, но Чернышевскій зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и былъ увѣренъ, что письма къ Мечникову комиссія никогда не увидитъ.

сообщниками ихъ въ Россіи; равно въ содѣйствіи имъ къ достиженію преступныхъ ихъ цѣлей. Объясните: съ кѣмъ именно изъ этихъ лицъ вы были въ сношеніяхъ, въ чемъ заключались эти сношенія и ваши вслѣдствіе оныхъ дѣйствія, а также, кто участвовалъ съ вами въ этомъ дѣлѣ?“

О. „Мнѣ очень интересно было бы знать, какія свѣдѣнія могутъ имѣться о томъ, чего не было. Подъ русскими изгнанниками тутъ, вѣроятно, разумѣются гг. Герценъ и Огаревъ (это предположеніе я высказываю здѣсь потому, что ихъ фамилии были мнѣ сказаны лицомъ, предлагавшимъ мнѣ изустные вопросы, имени и фамилии котораго не имѣю чести знать)¹⁾—всему литературному міру извѣстно, что я нахожусь въ личной непріязни съ ними по дѣлу г. Огарева съ г-жею Панаевою изъ-за имѣнія, которымъ управляла г-жа Панаева, по довѣренности г. Огарева. Непріязнь эта давнишняя.

„Какихъ соумышленниковъ имѣютъ и имѣютъ ли или нѣтъ какихъ соумышленниковъ въ Россіи гг. Герценъ и Огаревъ—мнѣ неизвѣстно.

„Я принужденъ здѣсь выразить свое удивленіе тому, что мнѣ предлагаются подобные вопросы.

„Прибавлю, что и по дѣлу г. Огарева съ г-жею Панаевою я не имѣлъ ни съ г. Огаревымъ, ни съ г. Герценомъ никакихъ сношеній. Точно также не имѣлъ я сношеній ни съ кѣмъ другимъ изъ русскихъ изгнанниковъ“.

По прочтеніи вопросовъ Чернышевскому стало совершенно ясно, что онъ не ошибался, что за четыре мѣсяца усиленной работы комиссія не нашла никакихъ серьезныхъ уликъ, и потому онъ рѣшилъ держать себя съ нею совершенно определенно и притомъ вызывающе.

Мало того, что онъ написалъ приведенные отвѣты, но по окончаніи допроса заявилъ еще, что подастъ жалобу на дѣйствія комиссіи, какъ только кончится его дѣло. Можно себѣ представить, какъ обозлилась комиссія всемогущаго Голлицына...

Но она понимала свое неловкое положеніе.—На слѣдующій день она постановила признать послѣдніе отвѣты Чернышевскаго „неумѣстными“ и, имѣя въ виду статью закона, по которой отвѣты должны излагаться безъ всякихъ оцѣнокъ,

¹⁾ Генераломъ Огаревымъ.

положила „потребовать отъ Чернышевскаго, чтобы на предложенные ему вопросы далъ объясненіе, согласное съ требованіемъ закона“.

1 ноября Чернышевскій былъ вытребованъ въ комиссію и написалъ другой отвѣтъ на послѣдній вопросъ: „Ни съ кѣмъ изъ лицъ, распространяющихъ противъ правительства злоумышленную пропаганду, и ни съ кѣмъ изъ находящихся за-границею русскихъ изгнанниковъ, и ни съ кѣмъ изъ ихъ сообщниковъ въ Россіи я не былъ ни въ какихъ сношеніяхъ. Прибавлю, что мнѣ и неизвѣстно, находятся ли таковыя сообщники у нихъ въ Россіи“.

Повидимому, Чернышевскій надѣялся скоро быть выпущеннымъ и, когда увидѣлъ, что надежда эта становится несбыточной, 20 или 22 ноября рѣшилъ написать два письма: одно государю, другое петербургскому генераль-губернатору, кн. Суворову. Въ первомъ онъ, вѣроятно, объяснялъ всю незаконность правительства въ отношеніи къ себѣ, во второмъ—просилъ Суворова, почти единственнаго умнаго и порядочнаго представителя тогдашней придворной и бюрократической камарилы, пояснить государю дѣйствія комиссіи. Дальше читатель нѣсколько разъ встрѣтитъ упоминанія Чернышевскаго объ этихъ письмахъ, но познакомить его съ ними я не имѣю, къ сожалѣнію, возможности: въ сенатскомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ, въ комиссію они доставлены не были и, вѣроятно, припрятаны III Отдѣленіемъ, которое, конечно, получило ихъ отъ коменданта. Почему же оно ихъ скрыло? Разумѣется, потому, что считало справедливо рисующими картину собственнаго произвола и понимало, что, передавъ эти письма офиціально въ комиссію, должно будетъ пустить ихъ и дальше—въ сенатъ и государственный совѣтъ, а это не входило въ расчеты ни кн. Долгорукова, ни Потапова...

Недавно М. Н. Чернышевскому удалось ознакомиться съ подлиннымъ дѣломъ о своемъ отцѣ, хранившемся въ канцеляріи петербургскаго генераль-губернатора кн. Суворова. Все наиболѣе интересное изъ него онъ сообщилъ въ майской книгѣ „Былого“. Тамъ, между прочимъ, приведена и та переписка, которая возникла уже въ началѣ 1863 года по поводу дошедшихъ до Суворова слуховъ, что ему не доставлено письмо Чернышевскаго.

„...Считаю долгомъ заявить Вашему Превосходительству,—

писалъ онъ коменданту Сорокину,—что адресуемая на мое имя письма я обыкновенно распечатываю и прочитываю самъ и никому еще не давалъ права вскрывать и читать подобныя письма прежде меня; поэтому и письмо литератора Чернышевскаго слѣдовало доставить ко мнѣ нераспечатаннымъ.

„С.-Петербургская крѣпость, находящаяся въ губерніи и столицѣ, высочайше ввѣренныхъ моему управленію, состоитъ и въ моемъ вѣдѣніи, какъ здѣшняго военнаго генераль-губернатора; посему, если Ваше Превосходительство имѣете особую инструкцію, на основаніи которой письма, адресованныя на имя князя Суворова, отъ лицъ, содержащихся въ С.-Петербургской крѣпости, должны быть передаваемы не мнѣ, а кому-либо другому, въ такомъ случаѣ Вамъ слѣдовало, прежде чѣмъ разрѣшить г. Чернышевскому писать ко мнѣ, довести о такомъ намѣреніи его до моего свѣдѣнія, и тогда я испросилъ бы предварительно у Государя Императора разрѣшеніе, могу ли принять письмо отъ этого арестованнаго. Еслибы высочайшаго соизволенія на это не послѣдовало, въ такомъ случаѣ литератору Чернышевскому не представлялось бы и повода писать вышеупомянутое письмо. Дозволять же ему писать ко мнѣ, не предваривши, что письмо его не можетъ быть доставлено по адресу, по моему убѣжденію, значить злоупотреблять моимъ именемъ, потому что Чернышевскій, получивши такое предупрежденіе, безъ сомнѣнія, отказался бы отъ намѣренія обращаться ко мнѣ съ письмомъ“...

Сорокинъ отвѣчалъ, что Алексѣевскій равелинъ съ 3 іюля 1826 г. состоитъ въ вѣдѣніи III Отдѣленія, что всѣ письма арестованныхъ въ равелинѣ всегда передавались секретно въ III Отдѣленіе и что „на томъ же основаніи было поступлено и съ письмомъ содержащагося въ Алексѣевскомъ равелинѣ Чернышевскаго, адресованнымъ на имя Вашей Свѣтлости“.

Тѣмъ все и кончилось...

Досугъ свой Чернышевскій употреблялъ на работу.

Началъ онъ ее переводомъ 16-го тома „Всемирной исторіи“ Шлоссера, разобранной по томамъ имъ, Зайцевымъ, Обручевымъ и Серно-Соловьевичемъ. 15-й былъ готовъ еще до крѣпости и, по просьбѣ Чернышевскаго, былъ переданъ комиссіей въ типографію Огризко. 16-й былъ сначала данъ на просмотръ сенатору Гелда, а потомъ въ декабрѣ переданъ черезъ оберъ-полицеймейстера тоже Огризко, но тотъ отказался принять

его, не зная, у него ли будетъ печататься, и рукопись была сдана въ магазинъ Серно-Соловьевича.

15 января 1863 года Потаповъ передалъ комиссіи начало романа „Что дѣлать?“ и письмо Чернышевскаго женѣ. Рѣшено было романъ передать на просмотръ Каменскому, а письмо не посылать, пока не будетъ прочтена рукопись. 26 января она была послана оберъ-полицеймейстеру для передачи А. Н. Пыпину, съ правомъ напечатать ее „съ соблюденіемъ установленныхъ для цензуры правилъ“. Каменскій, слѣдовательно, не нашелъ въ ней ничего относящагося къ дѣлу Чернышевскаго, а комиссія и не думала смотрѣть на „Что дѣлать?“ съ точки зрѣнія цензора,—предполагалось, что эту обязанность будутъ нести профессиональные цензора.

Начатый такимъ образомъ свой романъ Чернышевскій рѣшилъ, однако, прервать энергичной борьбой съ комиссіей.

22 января онъ написалъ коменданту крѣпости, генералу Сорокину, слѣдующую записку:

„Надѣясь, что дѣло его достаточно разъяснено теперь, Чернышевскій имѣетъ честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство представить съ Вашимъ ходатайствомъ на разсмотрѣніе, кому слѣдуетъ, его желанія:

„1. Чтобы ему *немедленно* было разрѣшено видѣться съ его женою постоянно.

„2. Чтобы комиссія пригласила его для сообщенія ему тѣхъ свѣдѣній о положеніи его дѣла, которыя могутъ быть сообщены безъ всякаго нарушенія какой-либо слѣдственной тайны,—именно, въ какое приблизительно время дѣло Чернышевскаго можетъ быть окончено производствомъ. Чѣмъ оно окончится, этого онъ не спрашиваетъ; это ему извѣстно; но *когда* оно кончится.—это онъ желаетъ знать.

Н. Чернышевскій.

„22 января 1863 г.

„P.S. Если онъ не получитъ отвѣта до четверга вечера (24 ч. января), то онъ будетъ знать, что не нашли удобнымъ или нужнымъ обращать вниманіе на эти его желанія.—22 января 1863 года.

Н. Чернышевскій“.

Сорокинъ, по долгу службы, отправилъ эту записку въ III Отдѣленіе.

На слѣдующій день Потаповъ передалъ ее въ комиссію. Она положила „пріобщить къ дѣлу“ новый документъ—и... все. Чернышевскій терпѣливо прождалъ 22-е, 23-е и день 24-го; наконецъ, вечеромъ онъ послалъ Сорокину записку: „Чернышевскій имѣетъ честь покорнѣйше просить Его Превосходительство г-на коменданта извѣстить его, полученъ ли Его Превосходительствомъ какой-либо отвѣтъ на записку Чернышевскаго отъ 22-го числа этого мѣсяца.—Вечеръ 24-го января 1863 г.

Н. Чернышевскій“.

Сорокинъ послалъ и эту записку въ III Отдѣленіе. Отвѣта не получалось. 1 февраля комиссія и ее „пріобщила къ дѣлу“.

Чернышевскій прождалъ еще до утра 28 января и началъ голодовку...

Это было тогда совершенною новостью. Къ ней не были приготовлены.

Вотъ что рассказываетъ помощникъ смотрителя равелина: „Дѣло было такъ: нижніе чины караула да и самъ смотритель замѣтили, что арестантъ подъ № 9, т. е. Чернышевскій, замѣтно блѣднѣетъ и худѣетъ. На вопросъ о здоровьѣ онъ отвѣчалъ, что совершенно здоровъ. Пища, приносимая ему, повидимому, вся съѣдалась. Между тѣмъ дня черезъ четыре караульные доложили смотрителю, что въ камерѣ № 9 началъ ощущаться какой-то тухлый запахъ. Тогда, во время прогулки Чернышевскаго въ садикѣ, осмотрѣли всю камеру—и оказалось, что твердая пища имъ пряталась, а щи и супъ выливались... Стало очевидно, что Чернышевскій рѣшился умереть голодною смертию... Ни увѣщанія добряка-смотрителя, ни воздѣйствія со стороны III Отдѣленія долго не вліяли на него. Приказано было, однако, приносить ему въ камеру всю пищу попрежнему ежедневно, но онъ еще 3—4 дня не дотрагивался до нея и пилъ только по 2 стакана воды въ день. Соблазнительный ли запахъ пища, страхъ ли мучительной голодной смерти или другія побужденія, но на 10-й день Чернышевскій сталъ ѣсть, и недѣли черезъ двѣ онъ совершенно оправился“¹⁾.

Состоявшій при крѣпости докторъ Оксель 3 февраля донесъ коменданту, что Чернышевскій голодаетъ, вслѣдствіе чего

¹⁾ *Ив. Борисовъ*—„Алексѣевскій равелинъ въ 1862—1865 гг.“. („Русская Стар.“ 1901 г. XII).

„замѣтно слабѣ“, „цвѣтъ лица у него блѣдный, пульсъ нѣсколько слабѣе обыкновеннаго, языкъ довольно чистый; прописанныя ему капли для возбужденія аппетита онъ принималъ только два раза, а 3-го числа объявилъ, что не намѣренъ принимать таковыя, и что онъ воздерживается отъ пищи не по причинѣ отсутствія аппетита, а по своему капризу“.

Утромъ 6 февраля Чернышевскій прекратилъ голодовку, выдержавъ такимъ образомъ девять дней.

7-го Потаповъ довелъ обо всемъ этомъ до свѣдѣнія комисіи. Утромъ 6-го Чернышевскій писалъ коменданту:

„Такъ какъ только черезъ Ваше Превосходительство я имѣю сношеніе съ правительствомъ надежнымъ для меня образомъ и такъ какъ, безъ сомнѣнія, будетъ спрошено Ваше мнѣніе о случаѣ, возбужденномъ мною ¹⁾, то я съ Вашего согласія, изустно сообщеннаго мнѣ г. смотрителемъ, письменно прошу Васъ прямо сказать мнѣ, изустно или письменно: достаточно ли убѣждены Вы въ совершенной серьезности и твердости моей воли, которая была изустно объявлена мною Вамъ ²⁾. По неопытности въ различеніи симптомовъ страданія, я слишкомъ рано пріостановилъ продолженіе начатаго мною. Но я держу свой организмъ въ такомъ состояніи, что результаты, которыхъ я достигъ въ предыдущіе десять дней, нисколько не пропадаютъ; и если Ваше Превосходительство еще недостаточно убѣждены, я возобновлю свое начатое, безъ всякой потери времени, съ прежнимъ намѣреніемъ идти, если нужно, до конца. Мнѣ непріятенъ скандалъ, но не я причина его; вѣроятно, и Ваше Превосходительство также нисколько не причина его,—по крайней мѣрѣ, я въ томъ убѣжденъ, что Вы—не причина его.

„Прошу Васъ отвѣчать мнѣ—этого требуетъ ужъ и обыкновенная учтивость. Но если Вы не будете отвѣчать нынѣ (въ среду), это будетъ для меня значить, что Вы недостаточно убѣждены въ серьезности моего намѣренія. Въ такомъ случаѣ прилагаемая (запечатанная) записка моя къ его свѣтлости г. генералъ-губернатору не можетъ имѣть успѣха, и для меня все равно, какъ вы найдете нужнымъ распорядиться ею.

„Если же Вы достаточно убѣждены въ серьезности и твердости моей воли, я прошу Ваше Превосходительство помочь

¹⁾ Почему такъ осторожно говорить онъ о голодовкѣ—неизвѣстно.

²⁾ Очевидно, передъ голодовкой были разговоры лично съ комендантомъ.

мнѣ испытать послѣднее средство избѣжать мнѣ отъ развязки, гибельной для меня и невыгодной для правительства: я прошу Васъ передать его свѣтлости г. генераль-губернатору мою записку къ нему. Она запечатана, — это требуется деликатностью относительно его свѣтлости. Но копія записки остается у меня, и если Вамъ нужно или угодно. Вы можете взять у меня копію, которую я въ такомъ случаѣ пришлю Вамъ также запечатанною, какъ это письмо, — запечатанною потому, что я желаю избѣжать всякаго скандала. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга *Н. Чернышевскій*. 7-го февраля 1863“.

„P.S. Понятно, почему я пріостанавливаю начатое, когда въ послѣдній разъ пробую вступить въ переговоры, — это для того, чтобы по возможности не имѣть ненужнаго угрожающаго вида. *Н. Чернышевскій*. P.P.S. Прошу, Ваше Превосходительство, не пренебрегайте моею просьбою. Дѣло нисколько не шуточное. Съ этой минуты, если еще эта попытка не удастся, я уже не буду тревожить никого ни однимъ словомъ“.

А вотъ что писалось князю Суворову:

„Ваша Свѣтлость, я обращаюсь къ Вамъ, какъ человѣку, въ которомъ соединяются два качества, очень рѣдкія между нашими правительственными лицами: здравый смыслъ и знаніе правительственныхъ интересовъ. Моя судьба имѣетъ нѣкоторую важность для репутаціи правительства. Она поручена людямъ (членамъ слѣдственной комиссіи), дѣйствія которыхъ показываютъ — тупость ума или всѣхъ ихъ, или большинства ихъ, — говорю прямо, потому что это мое письмо вѣдь не для печати. Для меня жизненный вопросъ, а для репутаціи правительства не ничтожное дѣло, чтобы на мою судьбу обратилъ вниманіе человѣкъ, могущій здраво судить о правительственныхъ интересахъ, какимъ я знаю Вашу Свѣтлость.“

„Мои желанія очень умѣренны. Я могу указать средства, которыми правительство можетъ исполнить ихъ съ честью для себя, нисколько не принимая вида, что дѣлаетъ мнѣ уступку, — нѣтъ, видъ будетъ только тотъ, что оно узнало ошибку нѣкоторыхъ мелкихъ чиновниковъ и, какъ скоро узнало, благородно исправило ее.“

„Это объясненіе гораздо удобнѣе было бы сдѣлать изустно, чѣмъ письменно: въ разговорѣ всякія недоумѣнія съ той или другой стороны тотчасъ же могутъ быть устранены. Потому

я прошу Вашу Свѣтлость навѣстить меня. Но если Вы не имѣете времени исполнить эту мою просьбу, я прошу у Васъ разрѣшенія писать къ Вамъ, но лично къ Вамъ и только къ Вамъ,—потому что, какъ я сказалъ, я только въ Васъ вижу качества, какія нужны государственному человѣку для здраваго пониманія государственныхъ интересовъ и выгодъ правительства. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашей Свѣтлости покорнѣйшимъ слугою. *Н. Чернышевскій*. 7-го февраля 1863 г.“

Уже изъ того, что Чернышевскій считалъ свою голодовку въ десять дней и 6-е февраля счелъ за 7-е, которымъ и датировалъ оба документа, можно видѣть, какъ подѣйствовало на него самого исполнѣ оригинальный тогда протестъ...

Сорокинъ разсудилъ за лучшее вытребовать у Чернышевскаго и копію—и всѣ три документа тотчасъ отправилъ въ III Отдѣленіе. На слѣдующій день они были получены въ комиссію, а Суворовъ опять ничего не получилъ. 7-го числа Сорокинъ передалъ свой отвѣтъ Чернышевскому весьма неопредѣленно, и Н. Г. пишетъ ему: „Отвѣтъ Вашего Превосходительства переданъ мнѣ въ неясномъ видѣ,—это обыкновенное неудобство сношеній черезъ третье лицо. Я спрашивалъ Васъ: совершенно ли Вы убѣждены въ твердости моего намѣренія? Прошу Васъ прислать въ отвѣтъ одно изъ двухъ словъ: „да“ или „нѣтъ“, не прибавляя къ этому одному слову ничего, чтобы опять не вышло путаницы. Итакъ — „да“ или „нѣтъ“. 7 февраля 1863. *Н. Чернышевскій*“.

Неизвѣстно, что отвѣтилъ на это комендантъ.

11 февраля комиссія положила „всѣ эти документы пріобщить къ дѣлу“.

12-го Чернышевскій посылаетъ Пыпину уже 35 убористо написанныхъ страницъ продолженія „Что дѣлать?“ и полулистъ замѣтокъ о необходимыхъ поправкахъ при корректурѣ. Все это было получено комиссіей на слѣдующій день. Разсмотрѣніе рукописи было поручено генералу Слѣпцову, и потомъ она была отправлена Пыпину.

Оригинально, что писаніе романа Чернышевскій прерывалъ, и довольно на продолжительные сроки, переводомъ исторіи Гервинуса и Маколея, которые разсматривались обычнымъ порядкомъ и доставлялись полиціей Пыпину.

Должно быть, отвѣтъ коменданта на вопросъ: „да“ или

„нѣтъ“ заключалъ въ себѣ какую-нибудь угрозу, потому что, выждавъ семь дней, 14 февраля Чернышевскій пишетъ ему: „Вотъ недѣля проходитъ послѣ моего свиданія съ Вами, и мнѣ кажется, что ждать больше было бы напрасною потерей времени, и что Вамъ пора принимать противъ меня мѣры строгости, о которыхъ Вы говорили. — 14 февраля 1863 г., утро. *Н. Чернышевскій*“.

18 февраля комиссія, наконецъ, рѣшила не вызывать Чернышевскаго на вторичную голодовку и разрѣшить свиданіе съ женою въ присутствіи своихъ нѣкоторыхъ членовъ.

23 февраля, черезъ семь съ половиною мѣсяцевъ послѣ ареста, Чернышевскій, наконецъ, впервые увидѣлъ свою жену.

Передъ этимъ онъ былъ посѣщенъ въ казематѣ членами комиссіи, но объ этомъ ниже мы прочтемъ его собственный рассказъ. Они обѣщали черезъ нѣсколько дней его освободить. Възя обѣщанію, Н. Г. пишетъ комиссіи: „Чернышевскій просилъ бы увѣдомить его, когда будетъ назначено новое свиданіе его жены съ нимъ, и, если это не представляетъ неудобствъ, назначить его завтра, въ четвергъ. — Среда, 27 февраля 1863. *Н. Чернышевскій*“.

Обѣщаніе и просьба, разумѣется, не были исполнены.

Ольга Сократовна поспѣшила прислать мужу довольно много книгъ, рукописей изъ редакціи и новыхъ журналовъ: въ первыхъ числахъ февраля вышли уже первыя книжки „Современника“ и „Русскаго Слова“, отбывшихъ наложенію на нихъ кару. Комендантъ адресовался къ Потапову, а послѣдній сообщилъ комиссіи, прибавивъ, что, „для доставленія арестантамъ Алексѣевскаго равелина развлеченія чтеніемъ, разрѣшено давать имъ книги изъ библіотеки, заведенной для сего при крѣпости“. Комиссія нашла, что все присланное Чернышевскому женою можно ему выдать, исключая современныхъ журналовъ.

4 марта Н. Г. пишетъ вторично въ комиссію: „Чернышевскій имѣетъ честь напомнить о той просьбѣ, которую онъ выражалъ въ своей запискѣ отъ 27 февраля. — Марта 4, 1863 г. *Н. Чернышевскій*“.

Комиссія рѣшила молчать.

Тогда 7 марта Н. Г. пишетъ Сорокину:

„Ваше Превосходительство, со мною опять начинаютъ шалить. Задерживаютъ письма моей жены; не обращаютъ вниманія на мои желанія, о которыхъ я знаю, что для исполне-

нія ихъ нѣтъ препятствій; даже не отвѣчаютъ на мои желанія, что уже просто невѣжливо; наконецъ, я не вижу исполненія того, что мнѣ было сказано въ глаза 23 февраля о *нѣсколькихъ* дняхъ.

„Сдѣлайте одолженіе, Ваше Превосходительство, употребите Ваше вліяніе на то, чтобы убѣдить другихъ въ напрасности и неудобствѣ этихъ шутокъ. Я не знаю, кто это шутитъ; но, вѣроятно, лица, говорившія со мною 23 февраля, поддержать Ваше мнѣніе, что шутки эти пора прекратить.

„Когда мое терпѣніе истощится, я, по своему обѣщанію, предупрежу Ваше Превосходительство. Теперь пока, я думаю, что его еще достанетъ на нѣсколько времени. Но вѣрнѣе было бы не испытывать его. Нынѣ *восемь* мѣсяцевъ, какъ его испытываютъ,—кажется, этого довольно.

„Боже мой, что у насъ какъ все неловко и неумѣстно шалить надъ людьми! Пора бросить эту старую привычку, — ея надѣлано довольно уже много такого, чему вовсе не слѣдовало быть, и что, конечно, не приноситъ пользы правительству. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою. *Н. Чернышевскій*. 7 марта 1863 г.“.

Но комиссія знала, почему шутила. У Потапова созрѣлъ смѣлый планъ, и дѣло изъ фазиса полного отсутствія уликъ вотъ-вотъ должно было перейти въ другой.

III Отдѣленіе работало...

ЧАСТЬ II.

Два лжесвидѣтеля и одинъ подложный документъ.

I.

Въ августѣ 1861 года въ Москвѣ было открыто тайное печатаніе противоправительственныхъ изданій. Привлеченными оказались отставной корнетъ Всеволодъ Костомаровъ, Иванъ Гольцъ-Миллеръ, Петръ Петровскій-Ильенко, Александръ Новиковъ, Яковъ Сулинъ, Леонидъ Ященко, Сваричевскій и др. Въ результатѣ разбора въ 6-мъ (московскомъ) департаментѣ сената дѣла „о составленіи и распространеніи злоумышленныхъ сочиненій“, опредѣленіе котораго было утверждено государственнымъ совѣтомъ, конфирмировано государемъ и объявлено обвиняемымъ 2 января 1863 года, Костомаровъ былъ разжалованъ въ рядовые и назначенъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ, а передъ этимъ долженъ былъ просидѣть въ крѣпости шесть мѣсяцевъ. Другіе понесли тоже серьезныя кары.

Съ біографіей Костомарова читатель познакомится хорошо впоследствии, а теперь я только напому ему, что этому господину М. И. Михайловъ обязанъ былъ своей каторгой. Онъ занимался литературой и потому имѣлъ въ ней много знакомствъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ. Шелгуновъ говоритъ, что у него былъ „какъ бы подавленный, нѣсколько жалкій видъ; въ немъ чувствовались бѣдность и не то какая-то робость, не то какая-то зависимость. Вообще онъ на свое положеніе жаловался и, какъ видно, очень пуждался. У Костомарова былъ узкій кверху и убѣгающій назадъ, совершенно ровный, безъ возвышеній лобъ и подъ гребенку остриженная голова. Костомаровъ обыкновенно смотрѣлъ внизъ и рѣдко заглядывалъ въ глаза, а если это и случалось, то онъ сей-

часть же опускалъ глаза книзу. Разговаривалъ Костомаровъ мало, да и вообще говорилъ немного и имѣлъ видъ человѣка молчаливаго и сосредоточеннаго. На меня эта молчаливость, глаза, опущенные книзу, и убѣгающій узкій, гладкій лобъ производили впечатлѣніе силы и рѣшимости. Нужно думать, что такое впечатлѣніе производилъ Костомаровъ и не на меня одного. Во всякомъ случаѣ, ему вѣрили, его жалѣли, ему старались помочь и помогали въ дѣйствительности¹⁾.

Эта часть характеристики написана до приговора надъ Костомаровымъ общественнаго мнѣнія, вслѣдъ за начатіемъ названнаго выше процесса. А вотъ какъ онъ характеризовался Шелгуновымъ послѣ: „Главными отличительными чертами характера Костомарова, какъ мнѣ кажется, были трусость и хвастливость. Хвастливость довела его и до либеральныхъ стишковъ, и до ихъ печатанія. Вообще эта натура была при-давленная, приниженная и пассивная. И вотъ, когда ужъ и такъ урѣзанная жизнь Костомарова кончилась заключеніемъ и солдатчиной, этого оказалось слишкомъ, чтобы онъ могъ вынести безъ протеста, но протеста въ формѣ жалобы и обвиненія другихъ. Это обыкновенная форма протеста всѣхъ слабыхъ людей, привыкшихъ повиноваться чужой волѣ. Слабый и неумный, Костомаровъ, потерявъ душевное равновѣсіе, потерялъ и способность правильно понимать и свои поступки. Личное чувство, и такъ ужъ въ немъ, должно быть, безмѣрное, въ заключеніи развилось еще больше; онъ преувеличивалъ свое несчастіе и озлобился. Неоспоримо, что это былъ человѣкъ больной и несчастный“¹⁾.

Чернышевскій говорилъ, что былъ увѣренъ въ душевной болѣзни Костомарова, въ его психической ненормальности и даже просилъ артиста М. И. Писарева говорить объ этомъ всѣмъ, кто о немъ вспомнить²⁾.

Итакъ, этотъ самый Костомаровъ сидѣлъ въ „Петропавловкѣ“. Повидимому, III Отдѣленіе еще раньше, во время процесса, оцѣнило его. Неизвѣстно, въ какую форму выливались ихъ взаимныя отношенія, насколько они были трогательны и платоничны, но, такъ или иначе, по обстоятельствамъ

¹⁾ Изъ неизданной части воспоминаній, по уцѣлѣвшему отъ сожженія печатному экземпляру.

²⁾ *Рейтардтъ*, н. с. („Рус. Стар.“. 1905 г., 11, 473, 475).

дѣла Чернышевскаго *понадобилось* извлечь Костомарова изъ каземата и выпустить на свѣжій воздухъ, подѣ менте суровый и бдительный присмотрѣ. Для этого III Отдѣленіе пошло на освобожденіе его изъ крѣпости еще въ концѣ февраля, т. е. продержавъ тамъ Костомарова мѣсяцъ съ небольшимъ вмѣсто полугода. 28 февраля его отправили къ мѣсту новаго служенія, на Кавказъ, но не въ сопровожденіи, какъ бы слѣдовало, двухъ нижнихъ чиновъ, а одного изъ выдающихся тогда расторопностью и „способностями“ жандармскаго капитана Чулкова...

1 марта они прибыли въ Москву и, какъ доносили Чулковъ, „по слабости здоровья Костомарова“, остановились тамъ на сутки. Къ нимъ явился бывший переписчикъ Костомарова—Яковлевъ и сдѣлалъ весьма важное открытіе въ разговорѣ съ бывшимъ своимъ принципомъ: ему—де извѣстны всѣ отношенія Чернышевскаго къ Костомарову. Чулковъ, приготовленный еще раньше къ приходу этого гостя, явившагося по вызову Костомарова особой запиской, очень предупредительно подаль Яковлеву бумагу и просилъ задокументировать все рассказанное. Яковлевъ, разумѣется, исполнилъ просьбу безъ особыхъ приглашеній...

Надо было, конечно, и дѣйствовать, и благодарить.

Для этого Чулковъ тутъ же написалъ Потапову: „Вашему Превосходительству осмѣливаюсь рекомендовать подателя сего, московскаго мѣщанина Петра Васильева Яковлева, который очень можетъ быть полезенъ во многихъ случаяхъ,—онъ мнѣ уже оказалъ услугу,—и покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство принять его подѣ милостивое Ваше покровительство“¹⁾. Вручивъ Яковлеву эту многозначительную рекомендацію, Чулковъ далъ ему на дорогу въ Петербургъ. Костомаровъ, въ свою очередь, написалъ матери: „Я въ Москвѣ уже, по обыкновенію веселъ, здоровъ и благополученъ. Петръ Васильевичъ оказалъ мнѣ весьма важную услугу—и сообразно этому будетъ, конечно, принять тобою. Я подарилъ ему свое пальто—пожалуйста, отдай. Ну, больше я ничего тебѣ не пишу: во-

¹⁾ Потомъ, когда дѣло было передано въ сенатъ, Чулковъ донесъ Потапову, что подѣ „услугой“ Яковлева онъ разумѣлъ полную его готовность объяснить извѣстныя ему отношенія Костомарова къ разнымъ лицамъ и назвать ихъ.

первыхъ, нечего, потому что я ни съ кѣмъ еще не видѣлся, во-вторыхъ... ты догадаешься, почему. Au revoir. Крѣпко цѣлую тебя и мою милую Моху“...

Радостный Яковлевъ отправился на Николаевскій вокзалъ.

Что же онъ написалъ по просьбѣ Чулкова и Костомарова?

„Лѣтомъ 1861 года, около іюля мѣсяца, будучи переписчикомъ бумагъ и разныхъ сочиненій у г. Всеволода Костомарова и занимаясь у него постоянно, я очень часто видалъ у него изъ Петербурга какого-то знаменитаго писателя подъ именемъ Николая Гавриловича Чернышевскаго, и, переписывая бумаги по случаю лѣтняго времени въ бесѣдкѣ сада дома г. Костомарова, когда они, ходя между собою подъ руку и разговаривая между собою, произносили слова, изъ которыхъ мнѣ удалось запомнить слѣдующія фразы, произнесенныя г. Чернышевскимъ: „Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ“. „Вы ждали отъ царя воли, ну вотъ вамъ и воля выпла“. Называя эту статью своею, г. Чернышевскій упрасивалъ г. Костомарова о скорѣйшемъ ея напечатаніи. Не только не находя въ этихъ фразахъ ничего противозаконнаго, но даже не имѣя рѣшительно никакой возможности понять точнаго смысла статьи, о которой у нихъ шелъ разговоръ, ибо до моего смысла доходило только нѣсколько отрывочныхъ фразъ,—я не считалъ тогда своимъ долгомъ довести это ни до чьего свѣдѣнія. Но когда же услыхавъ впослѣдствіи, что г. Костомаровъ осужденъ будто бы за какія-то противу правительства незаконныя дѣйствія, и чтобы оградить себя отъ всякой могшей бы впослѣдствіи возникнуть отвѣтственности и считая себя въ непремѣнной обязанности и долгѣ всякаго честнаго гражданина, обязаннаго не скрывать предъ правительствомъ лицъ, ему вредящихъ, доводить до свѣдѣнія этотъ разговоръ, неясно слышанный имъ между гг. Чернышевскимъ и Костомаровымъ, хотя и теперь не понимая настоящаго его значенія, но единственно догадываясь, что лицу, повидимому, стоящему въ такихъ близкихъ отношеніяхъ, какъ г. Чернышевскій къ г. Костомарову, можетъ быть, были извѣстны и преступныя, какъ оказалось, замыслы друга его г. Костомарова. Московскій мѣщанинъ *Петръ Васильевъ Яковлевъ*“.

На другой день, 2-го, Костомаровъ яко бы сказалъ Чулкову, что ему хуже, и потому, по просьбѣ своего провожатаго, былъ отправленъ на гауптвахту, какъ въ свободное казенное помѣ-

щеніе. Тамъ у него были профессоръ Назарьянцъ съ сыномъ, прапорщикъ Ростовскаго полка Охотскій, докторъ того же полка Меншиковъ, прапорщикъ Днѣпровскаго полка Шостакъ, братъ Костомарова Алексѣй—прапорщикъ резерв. бат. Либавскаго полка, фотографъ Суловъ и содержатель нотнаго магазина Юргенсонъ. Общество, какъ видимъ, довольно разнообразное... 4-го Костомаровъ почувствовалъ себя лучше, и они выѣхали изъ Москвы, прибывъ 5-го утромъ въ Тулу. Тамъ Костомаровъ „снова заболѣлъ“ и просилъ остановиться на два дня. Чулковъ, разумѣется, исполнилъ и эту просьбу.

Но два дня оказались нужны совсѣмъ для другихъ цѣлей...

5-го же Костомаровъ сѣлъ писать письма роднымъ, и вотъ Чулковъ замѣчаетъ у него одно довольно толстое, беретъ прочитать, видитъ, что въ немъ масса матеріала къ начатому дѣлу о Чернышевскомъ, и спѣшитъ послать его въ тотъ же день Потапову. 7-го они „хотѣли“ двинуться изъ Тулы дальше, но, конечно, какъ и было условлено, получили телеграмму Потапова о немедленномъ возвращеніи въ Петербургъ...

Что же это за письмо?

II.

Адресованное въ „Петербургъ, Николаю Ивановичу Соколову, оставить на почтѣ впредь до востребованія“, оно состояло изъ 5 листовъ почтовой бумаги большого формата и было написано очень мелкимъ почеркомъ по частому транспаранту и почти безъ помарокъ.

Привожу его полностью.

„Тула. 5 марта.

„Ну вотъ, наконецъ, я и дождался возможности говорить съ вами на свободѣ, безъ разныхъ цензурныхъ стѣсненій со стороны агентовъ—хранителей души и тѣла нашихъ. И я дождался этого, какъ видите, гораздо скорѣе, чѣмъ предполагалъ. Уѣзжая, я обѣщалъ писать къ вамъ съ мѣста, до котораго вы знаете, не рукой подать; слышно такъ, что въ Тулѣ приключилась мнѣ болѣзнь иѣкая, такъ что, не имѣя никакой возможности продолжать свое странствіе, мы остановились здѣсь на нѣсколько дней.

„Итакъ, пользуясь этимъ неожиданнымъ отдыхомъ, я, не

откладывая до неизвѣстнаго намъ будущаго, принимаюсь за обѣщанный вамъ комментарий на нашу юридическую войну.

„Принимаюсь... а съ чего начать? Pour le commencement,— конечно, какъ говорятъ французы, или, по древней поговоркѣ, ab ovo—съ яицъ Леды... Но вотъ тутъ-то и камень преткновения... Съ яицъ... съ которыхъ же именно? Ихъ такъ много... Въ такомъ случаѣ всего лучше было бы начать съ самой Леды, необъятное чрево которой... но это слишкомъ далеко заведетъ насъ, а у меня слишкомъ мало времени и... бумаги. Поэтому я начну съ Чернышевскаго. „Что за чортъ,—говорите вы (à peu près):—Ледя, яйца и Чскій! Гдѣ же тутъ Witz, гдѣ-жъ тутъ послѣдовательность, логическая связь, etc?..—Mais, mon ami, toutes ces choses paraîtront en temps et lieu; къ тому же я вѣдь собираюсь писать къ вамъ чуть ли не цѣлую эпопею, а—la plupart des poètes épiques se jettent tout d'abord *in medias res*: Horace fait de ce précepte le grand chemin de l'épopée... (изъ этого вы видите, между прочимъ, что я никакъ не могу отстать отъ своей несчастной привычки подражать въ своихъ письмахъ вавилонскому смѣшенію языковъ).

„Итакъ—начнемъ... Но васъ, можетъ быть (я бы даже долженъ былъ сказать „конечно“), удивляетъ, что я начинаю прямо съ лица, о которомъ нѣтъ и помину въ томъ разсказѣ объ юридической войнѣ, на которую я, en nouveau Cézair, пишу свои комментарии... Но въ томъ-то и штука, другъ мой. Слушайте и рукоплещите явленіямъ всероссійской Θεμиды... Говорю: рукоплещите—plaudite!—и не „удивляйтесь“, потому что дивиться тутъ нечему, nil mirari. Смиренномудрая богиня правосудія не скрываетъ ни отъ кого, что она носитъ на глазахъ повязку и держитъ въ рукахъ фальшивые вѣсы... Въ такомъ видѣ, in blinde Kuh, ее можно видѣть ежедневно на одномъ изъ интереснѣйшихъ зданій нашей сѣверной пальмиры ¹⁾...

„Но, боже мой—я написалъ ужъ цѣлую страницу и все еще ничего не написалъ. Mais dût mon premier vers me coûter une heure,—я все-таки не начну своей исторіи прежде, чѣмъ познакомлю васъ съ милой личностью моего „потайнаго“ героя.

„Разумѣется, я буду очень коротокъ и скажу вамъ только

¹⁾ На сенатѣ.

то, что необходимо знать вамъ пока, чтобы вамъ не показалось страннымъ то озлобленіе, съ которымъ я, при всемъ моемъ желаніи быть сдержаннымъ, не могу не говорить объ этомъ человѣкѣ. Впослѣдствіи, когда я буду имѣть болѣе *свободнаго* времени, я непременно поговорю съ вами о его литературной дѣятельности, тайной и явной,—чтобъ показать вамъ, откуда подулъ тотъ вѣтеръ, который, какъ вы справедливо, хоть и немножко увѣсисто, замѣтили (ну, да вы, чай, не совсѣмъ забыли реторику Кошанскаго-то),—который наслалъ столько жалкихъ жертвъ въ казематы россійскихъ крѣпостей и въ тѣ злачныя мѣста, куда отсылаютъ „по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ шефомъ жандармовъ“... тогда вы увидите, откуда на святомъ знамени свободы появился тотъ скверный девизъ, во имя котораго дѣйствуютъ наши доморощенные агитаторы, нишутся всѣ эти „Великоруссы“ и „Молодая Россія“, всѣ эти бесполезныя прокламаціи съ красными и голубыми печатями. Вы слишкомъ хорошо меня знаете, чтобы заподозрить меня въ ультра-ренегатствѣ, въ подкупленномъ или вымученномъ каждаго деспотизму, въ малодушномъ отступничествѣ отъ Христа, „иже свобода есть“, по словамъ Павла, отъ Христа—не идущаго во славу судить вселенную, но Христа заушеннаго и угнетеннаго, идущаго на казнь крестную... Вы знаете, чего ищу я; вы знаете, чему я поклоняюсь. Вы знаете, въ чемъ я вижу свободу, и знаете, какимъ путемъ, хотѣлось бы мнѣ, дошла до нея моя родина. Вы давно знаете это, мой старшій, мой сердечный другъ,—поэтому-то я такъ смѣло говорю съ вами, увѣренный, что омерзеніе къ лжепроповѣдникамъ свободы вы не назовете іудинимъ лобзаніемъ Христа. Да, я буду и могу говорить съ вами съ чистымъ сердцемъ, съ покойною совѣстью. Вы не имѣете ничего общаго ни съ тѣмъ человѣкомъ, о которомъ я буду говорить вамъ, ни съ той средой, въ которой онъ дѣйствуетъ; вы не имѣете ровно никакого вліянія правительственнаго, поэтому, можетъ быть, слишкомъ рѣзкія, слишкомъ желчныя слова мои не будете объяснять ни личнымъ моимъ озлобленіемъ, ни желаніемъ очернить Чекаго, для того, чтобы самому рядомъ съ нимъ казаться бѣлѣе (потому что ваше мнѣніе составилось обо мнѣ твердо, и его, я увѣренъ, не измѣнитъ никакая сплетня): вы увидите въ письмѣ моемъ только желаніе, рассказавъ вамъ одинъ изъ подвиговъ нашего агит-

татора,—спросить васъ вмѣстѣ съ евангелистомъ Матѳеемъ: „Какъ же могутъ добро глаголатъ, зли суще?“ (Я знаю, вы, старый ханжа, любите читать свою старую книгу въ темномъ кожаномъ переплетѣ съ уродливыми мѣдными застѣжками).

„Вотъ какое длинное вышло предисловіе. Ну, зато я постараюсь сдѣлать какъ можно короче текстъ.

„Чскій—такъ, по крайней мѣрѣ, я его понимаю—человѣкъ съ самолюбіемъ необъятнымъ. Онъ, безъ сомнѣнія, считаетъ себя самымъ умнымъ человѣкомъ въ мірѣ (онъ даже и не думаетъ дѣлать секрета изъ такого самопризнанія) ¹⁾. Вслѣдствіе этого безцеремоннаго взгляда на самого себя, ему, разумѣется, кажется, что все, что сдѣлано не имъ, никуда не годится. И такъ какъ, кромѣ пагубы нѣсколькихъ десятковъ нашихъ лучшихъ юношей, до сихъ поръ пока еще ничего не сдѣлано, то и выходитъ, что все, елика на небеси горѣ и на землѣ низу и въ водахъ и подъ землею,—не годится ни къ чорту. Молодое поколѣніе воспиталось не въ его школѣ (по крайней мѣрѣ, не все)—молодое поколѣніе дрянъ; общество устроилось не по его методѣ—ну, и оно дрянъ; да нечего тутъ пересчитывать,—однимъ словомъ, все *существующее* идетъ въ бракъ, въ ломку („всѣ права и блага общественной жизни находятся теперь въ нелѣпомъ положеніи“,—наприм., говоритъ онъ), и все, имѣющее существовать, должно созидаться по его методѣ, если хочетъ, чтобъ оно на что-нибудь годилось. Итакъ—„давайте все разрушать“... Но, надѣленный отъ природы такими воинственными наклонностями, нашъ Thalaba the Destroyer не одаренъ, къ сожалѣнію, большой храбростью. Онъ, какъ новый Самсонъ, во что бы то ни стало хочетъ разрушить зданіе нашего общественнаго устройства... Только видите ли... старый, сильный израильтянинъ былъ такъ непрактиченъ, что втемяшился въ самую середину зданія и—расшатавъ столбы of his Commonweal—повалилъ всѣ обломки на свою голову:

The poor, blind slave, the scoff and jest of all,
Expired,—and thousands peris in the fall...

„Это и коротко, и ясно. Но нашъ Самсонъ разсуждаетъ иначе. Онъ такъ полагаетъ: чѣмъ мнѣ погнѣбать подъ облом-

¹⁾ Вспомните, читатель, письмо Н. Г. къ жепѣ. Не видѣлъ ли его Костомаровъ?..

ками стараго зданія, я лучше пошлю другихъ развалить его: а самъ посижу пока въ сторонкѣ... Коли развѣлять—хорошо: я займусь тогда постройкой новаго (и, вы уже видите, что *такой* архитекторъ, составляя смѣты, конечно, не обидитъ своего кармана); а не развѣлять—надорвутся. толкая крѣпкіе еще столбы,—такъ мнѣ-то что? Я-то всячески цѣль останусь. И пошлю новыхъ работниковъ; авось же найдется когда-нибудь такой крѣпкій лобъ, что и прошибетъ стѣну... и въ писаніи сказано: толцые—и отверзется, и греческая пословица (которую, помните, зубрили мы когда-то въ грамматикѣ Кюнера) говорить: капля долбитъ камень не силою, но часто падая...

„Я сказалъ, что разрушитель нашъ не оларенъ большой храбростью. Не знаю, отчего это я такъ сказалъ. Можетъ быть, для того, чтобы фраза вышла покрасивѣе. Надо было бы сказать: „онъ просто жалкій трусъ“. Это вѣрнѣе. Но многіе — вотъ что удивительно—видятъ въ немъ, напротивъ, чудо храбрости, просто какого-то черкесскаго делибаша или скандинавскаго берсеркера. Но это вотъ отчего: *ces braves gens* немножко перепутываютъ два понятія: наглость, нахальство, охаверничество съ храбростью, самоотверженіемъ, геройствомъ. Въ „Полемическихъ красотахъ“ ¹⁾ они видятъ, напримѣръ, цѣлую Илліаду храбрости. Отщелкать какого-нибудь Альбертини ²⁾ они считаютъ подвигомъ, равнымъ убіенію гидры Лернейской. Написать подъ всеохраняющей эгидой матери-цензуры статейку объ іюльской монархіи (т. е. перефразировать Луи-Блана, и въ ней, съ разрѣшенія какого-нибудь Загибенина ³⁾), поглумиться надъ людьми, *восторгающимися настоящимъ*, надъ отчаяніемъ людей *нетвердыхъ духомъ* или *не терпѣливыхъ* (ты-то твердъ) — въ этомъ они видятъ цѣлый крестовый походъ противъ настоящаго порядка вещей, цѣлую революцію,—тогда какъ это, съ одной стороны, шишъ въ карманѣ, а съ другой—просто поддразниваніе. Но, боже мой! Неужели Аполлонъ сдѣлалъ великій подвигъ, содравъ кожу съ бѣднаго Марсіаса за то, что бѣдный настухъ *осмѣлился* лучше его играть на флейтѣ? Неужели Чскій взаправду совершилъ великій подвигъ, отвѣлявъ на обѣ корки Альбертини, кото-

¹⁾ Известная статья Чернышевскаго.

²⁾ Н. В. Альбертини, сотрудникъ „Отечественныхъ Записокъ“.

³⁾ Фамилія цензора.

раго самъ же называетъ ребенкомъ... въ сравненіи съ собой? Нѣтъ, воля ваша, это пакость, а не подвигъ. Отодрать чело-вѣка въдесятеро слабѣйшаго да еще хвастаться: „вотъ, дескать, господа, смотрите, такъ будетъ со всѣми, кто не со мной идетъ, ибо кто не со мной, тотъ противъ меня... милыя дѣти, слушайте меня и избѣгайте полемическихъ встрѣчъ со мною, не то выпорю васъ, каналы, обругаю и сотру съ лица земли. А ужъ кого я обругаю, тотъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ“... Вотъ вамъ и рыцарь духа, и апостолъ свободы, и проповѣдникъ равенства! Да вѣдь это просто застрачиваніе; это хуже всякаго III Отдѣленія; хуже... чортъ знаетъ чего! А потомъ это науськиванье въ его безконечныхъ видоизмѣненіяхъ... этотъ поддѣльный, искусственный скептицизмъ, которымъ онъ такъ удачно бьетъ всегда по двумъ цѣлямъ разомъ: подстрекаетъ *нервнительныхъ*, которые видятъ въ этомъ скептицизмѣ глумленіе надъ собой, и отводитъ глаза кому слѣдуетъ... Вотъ, дескать, смотрите, добрые люди: я всѣмъ говорю, что „изъ этого ничего не выйдетъ“; меня даже не разъ въ тунеядствѣ укоряли за это... о, этотъ скептицизмъ, это науськиванье, эта дрессировка бульдоговъ!.. Знаю я, хорошо знаю и этотъ скептицизмъ, и эту дрессировку, и это науськиванье: „сей есть ученикъ, свидѣтельствуй о сихъ, иже и написа сія“.

„И вотъ вы, ворчливѣе, чѣмъ когда-нибудь, въ сотый разъ предлагаете мнѣ свой сердитый вопросъ: „за что-жъ ты, душень, щадилъ его, этого нехорошаго чело-вѣка? За что-жъ ты взялъ на себя его вину? Вѣдь въ твоихъ рукахъ были всѣ средства увязить его на свое мѣсто! Вѣдь я же самъ видѣлъ эти письма... что-жъ ты теперь-то, снявши голову, плачешь по волосамъ?“—Да, другъ мой, вы правы въ томъ отношеніи, что въ рукахъ моихъ всегда была возможность сдѣлать то, чтобы текстъ моей септенціи: „за составленіе возм. воззв. къ б. кр. 1) осуждается на то-то“—относился не ко мнѣ, а къ Чскому. Но вы ошибетесь, если увидите въ письмѣ моемъ груный „плачъ по волосамъ, снявши голову“. Тогда я долженъ былъ молчать... даже передъ вами, чтобъ въ жалобѣ моей *даже вы* не видали малодушнаго моленія о чапѣ; теперь, когда уже consummatum est, „совершилось“, говорить во мнѣ горькая боль оскорбленнаго сердца. Вы поймете меня. Вы

1) Т. е. „Къ барскимъ крестьянамъ“.

знаете, что это не фраза. Вы можете быть судьей между мною и ими. Вы слышали, что они говорятъ обо мнѣ *на основаніи* какой-то *сплетни*, и видѣли, что я могъ сдѣлать *на основаніи* неоспоримаго *факта*. Вы знаете, что было въ моихъ рукахъ, и какъ я *этимъ* воспользовался ¹⁾. Меня обвиняли въ малодушіи, подозрѣвали въ предательствѣ. Многіе, подхвативъ на лету нелѣпую сплетню, молча оставили меня; другіе были почестнѣе и говорили мнѣ, въ чемъ меня обвиняетъ молва. Передъ *этими* мнѣ легко было оправдаться, точно такъ же, какъ *было бы* легко оправдаться передъ закономъ. У меня были письма, которыя въ *моихъ рукахъ* служили мнѣ оправданіемъ передъ тѣми, кто меня обвинялъ въ предательствѣ, а въ *рукахъ правительства* могли служить мнѣ полнымъ оправданіемъ передъ лицомъ закона. Вы знаете, чѣмъ я выбралъ, *какое* оправданіе я предпочелъ и что сдѣлалъ съ этими письмами... Нечего и говорить, что, выгораживая такимъ образомъ Чскаго и Шнова ²⁾ изъ этого дѣла, я болѣе щадилъ себя, чѣмъ ихъ. Я не стану объяснять вамъ этой фразы; вы ее поймете и такъ. Знаю я, что, загораживая собою Ч. и ему подобныхъ, я глубоко виноватъ—не говорю: передъ правительствомъ—потому что я не связанъ съ нимъ ничѣмъ,—но передъ обществомъ, для котораго дѣятельность кружка, созданнаго ученіемъ Чскаго, принесла и приносить такіе горькіе, такіе отравленные плоды.

„Не говоря уже о множествѣ личностей, сдѣлавшихся жертвою его науськиванія, я твердо убѣжденъ, что всѣмъ этимъ печальнымъ поворотомъ къ старому порядку, этими тяжелыми цѣпями, которыя снова наложили на наше слово и на нашу мысль, мы обязаны дѣятельности этихъ господъ. Они не избавили насъ отъ того, что они называютъ „рабствомъ египетскимъ“, но своими безумными кривляніями сдѣлали то, что насъ закрѣпощаютъ въ еще большее рабство. Въ 60-мъ году, напримѣръ, пресса наша была въ положеніи, которое можно было назвать весьма близкимъ къ разумной свободѣ. Что же они сдѣлали? Они сейчасъ же воспользовались этой свободой для своего науськиванія (я стою на этомъ словѣ, потому что рѣшительно не признаю въ ихъ писаніяхъ апо-

¹⁾ Нижѣ мы увидимъ, что разумѣлъ здѣсь Костомаровъ.

²⁾ Т. е. Шелгуновъ.

стольства свободы); они сдѣлали литературу орудіемъ своихъ личныхъ страстей, видѣли въ свободѣ слова только возможность скандальничать и оправдывались тѣмъ, что свобода, „дарованная“ нашей прессѣ, не шла далѣе этого позволенія (но вы хорошо знаете, что это вздоръ). Пр-во, конечно, не могло долѣе терпѣть этого безчинства, оставаясь самимъ собой, т. е. „императорско-россійскимъ“ пр-омъ. Но оно поступило не совсѣмъ справедливо (ради Бога, да останется это между нами), отнявъ свободу слова (т. е. ту долю свободы, которую мы имѣли въ 60-мъ г.) у *всѣхъ*, а не у тѣхъ только, кто не умѣлъ ею пользоваться, хотя, съ другой стороны, нельзя и порицать его за это безусловно. (Я знаю, что его никакъ нельзя порицать, хотя бы оно засмаливало людей и зажигало ихъ вмѣсто факеловъ; но вѣдь... да останется это между нами, другъ мой). Правительство наше постоянно смотрѣло на литературу только издали, считая ее выраженіемъ не общественнаго мнѣнія, а посетельницей идей того или другого кружка литераторовъ. Такъ оно и въ самомъ дѣлѣ было,—да и не могло быть иначе,—пока цензура подводила всѣ мнѣнія подъ одинъ общій уровень, мѣра котораго указана была выше, дана была извнѣ, а не вышла изъ внутренней потребности самого общества. Пр-во имѣло тогда полное право не интересоваться положеніемъ нашей литературы, потому что, давая ей тонъ, оно знало напередъ, что найдетъ въ ней. Но когда оно значительно ослабило цѣпи, тяготѣвшія на нашемъ словѣ, оно должно бы было нѣсколько внимательнѣе присматриваться къ тому, что дѣлается въ литературѣ. И тогда... (тутъ я дѣлаю большой пропускъ; тутъ многое слѣдовало бы сказать, но ни время, ни мѣсто не позволяютъ этого)... тогда оно увидѣло бы, что голосъ Чскаго и братія его, раздававшійся, правда, крикливѣе всѣхъ голосовъ въ нашей литературѣ,—не есть голосъ общественнаго мнѣнія; оно увидѣло бы, что этотъ голосъ, изъ-за котораго нашу литературу снова вернули въ тотъ душный казематъ, въ которомъ она задыхалась со дня своего рожденія, снова отдали подъ солдатскій надзоръ разныхъ Фрейганговъ и Флеровыхъ ¹⁾, прогонявшихъ „вольный духъ“ даже изъ поваренныхъ книгъ, какъ—не есть голосъ, выражающій обще-

¹⁾ Фамиліи цензоровъ.

ственное мнѣніе, а, напротивъ, идущій наперекоръ ему; оно поняло бы, что, говоря словами нѣмецкаго поэта,

Die öffentliche Meinung schreit und klagt:
Ihr habt von mir erborget eure Kraft:
Durch mich geschah, was Grosses ihr geschafft,
Durch mich gelang, was siegreich ihr gewagt.

Und nun ich euch erhöht, wollt ihr als Magd
Mich züchtigen mit Ruthen und mit Haft:
Ihr schämt euch flüchtigen Genossenschaft
Und habt mir, eurer Herrin, widersagt?

Und doch, ihr hörtet meine Donner rollen,
Und der Koloss der Zeit war schon zerstoßen,
Von dessen Joch ich kam euch zu erlösen.

Ihr Seifenblasen, die mein Ich geschwollen,
Und flücht'gen Schimmers meine Huld gehoben,
Ihr eitle Seifenblasen—seid gewesen!..

„Но обо всемъ этомъ, *en temps et lieu*, мы еще будемъ говорить съ вами. Въ сотый разъ принимаюсь за „прерванную нить моего разсказа“ (какъ говорилось когда-то) и на этотъ разъ уже съ положительнымъ общашіемъ допрять ее какъ можно скорѣе.

„Итакъ, если вы что-нибудь поняли изъ моихъ безсвязныхъ словъ (я удивляюсь еще, какъ въ послѣднее время я окончательно не утратилъ всякую способность мыслить и говорить)—вамъ будетъ понятно и то ожесточеніе, съ которымъ я говорю объ этихъ людяхъ, и та глубокая скорбь, которая разрываетъ теперь мое сердце... потому что

„Nessun maggior dolore“—

„Нѣтъ муки больше той, какъ страдать за идею, которой не служишь, и „положить душу свою“ за людей, которыхъ не уважаешь, которымъ не имѣешь что сказать, кромѣ словъ нашего великаго апостола: „Гробъ отверзтъ гортани ихъ—языки своими мѣшаху; ядъ асидовъ подъ устнами ихъ. Ихъ же уста клятвы и горести полна суть: скоры ноги ихъ проліяли кровь! Сокрушеніе и озлобленіе на путяхъ ихъ, и пути мирнаго не познаша“...

„Я выбралъ этотъ текстъ не наудачу, другъ мой. Съ глубокимъ убѣжденіемъ, не измѣняя ни одной іоты въ этихъ горь-

кихъ словахъ великаго апостола, я примѣняю ихъ къ людямъ, которыхъ называютъ моими учителями, моими сообщниками...

„Я никому не говорилъ этого,—ни даже вамъ,—пока исповѣдь моего сердца могла быть перетолкована въ малодушное желаніе отвертѣться отъ казни; но теперь, когда для меня уже все кончено, я имѣю полное право говорить съ вами такъ, какъ говорю; мнѣ нужно высказаться—„или разорвется грудь отъ муки“... Я не могу молчать долѣе, потому что

„i miei pensieri s'io me dormir non posso“...

„Я долженъ *все* сказать вамъ. Я слишкомъ дорожу вами, мой вѣрный другъ, и не хочу, чтобъ *вы* смѣшивали меня съ людьми, которые не познали мирнаго пути, но съ сокрушеніемъ и озлобленіемъ дѣйствуютъ, „ибо скоры ноги ихъ проліяли кровь!“

„Само собою разумѣется, кровь чужую.

„Зная мой миролюбивый и отъ природы кроткій характеръ, вы хорошо поймете, какъ тяжело было и тогда мнѣ смотрѣть на этихъ проповѣдниковъ „крещенія кровью и огнемъ“, на этихъ людей, говорившихъ, что „незачѣмъ тратить слова тамъ, гдѣ штыкъ скорѣе возьметъ то, что намъ надо“... но тогда, по крайней мѣрѣ (насколько это было возможно), меня мирила съ этими людьми мысль, что каковъ бы ни былъ путь, избранный ими, но они руководятся на немъ общей намъ цѣлью—исцѣленіемъ язвъ нашей страдающей родины; а теперь... съ какимъ глубокимъ омерзеніемъ смотрю я теперь на этихъ кровавыхъ людей, когда я убѣдился, что они вооружились огнемъ и мечомъ не во имя благой идеи, а только за тѣмъ, чтобъ, обрубивъ головы всѣмъ, кто выше ихъ, стать такимъ образомъ выше всѣхъ и господствовать, хотя бы и надъ обезглавленными трупами... Да, я имѣю полное право говорить это; я имѣю твердое основаніе называть этихъ людей проповѣдниками крещенія кровью и огнемъ: такъ называли бы ихъ и вы, такъ называли бы ихъ всякій, кто прочиталъ бы первыя редакціи этихъ несчастныхъ воззваній, авторство которыхъ такъ обязательно приписывалъ мнѣ московскій сенатъ! Я не могъ, конечно, на-память возобновить ихъ первоначальнаго текста, но живо помню то впечатлѣніе, которое они произвели на меня. Это было какое-то странное, ошьяняющее впечатлѣніе. Словно кровавый туманъ застилалъ глаза; казалось, онъ

входилъ въ самый мозгъ; страшно и мерзко становилось мнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ зарождалось какое-то безотчетное удалство,—такъ и подмывало схватить топоръ или ножъ, такъ и хотѣлось рубить и рѣзать, не разбирая, кого и за что... Какъ Фету при видѣ обоза русскихъ мужичковъ сталъ понятенъ мнѣ объ Амфіонѣ, подъ звуки флейты котораго сами собой складывались египетскія стѣны, такъ мнѣ впервые стала понятна тогда сила тиртеевыхъ пѣсень, сила марсельезы... такъ обаятельна была сила ихъ лукаваго слова! Потомъ, какъ и всякое опьяненіе, впечатлѣніе это, конечно, разсѣялось скоро... Черезъ нѣсколько часовъ я уже былъ въ состояніи понять, что такое въ самомъ дѣлѣ эти прокламаціи, и потомъ (какой вздоръ я написалъ-было) ¹⁾ уговорить Ч. совершенно передѣлать и значительно смягчить текстъ воззванія къ Б. К. (Но, говоря потомъ со мною объ этихъ измѣненіяхъ, Ч. признавался мнѣ, что онъ согласился на эти измѣненія только потому, что иначе я не соглашался печатать ихъ; что онъ остался при своемъ убѣжденіи, что *мужикамъ* не толковать слѣдуетъ, не вразумлять ихъ, а только кричать почаще—„въ топоры, ребята!“: что въ такомъ дрябломъ видѣ, какой, по нашему убѣжденію, приняло воззв. къ б. к., изъ него ничего не выйдетъ“... вотъ ужъ не это ли называютъ *скептицизмомъ*?). Впрочемъ, о воззваніяхъ этихъ рѣчь впереди. Мнѣ уже рѣшительно пора кончить бесѣдовать съ вами, а я съ ужасомъ замѣчаю, что я еще и не принимался за исполненіе своего обѣщанія—сдѣлать нѣсколько поправокъ въ юрисдикціи моихъ нелегитимныхъ судей, которымъ, по словамъ того же апостола Павла, „даде Богъ духъ умиленія, очи не видѣти и уши не слышати, даже до сего дня“...

„Итакъ, вотъ какъ было дѣло.

„Какъ и когда я сблизился или, лучше сказать, сошелся съ Ческимъ—это все равно. Выступая на такъ называемое „литературное поприще“, я искалъ случая пристроиться къ какому-нибудь журналу,—чего *безъ протекціи*, особенно мнѣ, съ моими, какъ вы знаете, весьма и весьма скромными способностями, сдѣлать было нельзя. Особенно хотѣлось мнѣ пристроиться какъ-нибудь къ „Совр.“, направленію котораго (въ томъ видѣ, какъ оно проявлялось явно) я горячо сочувствовалъ. Больше

¹⁾ Нѣсколько словъ вычеркнуто.

всего мнѣ хотѣлось сблизиться съ Мих. ¹⁾—и я былъ такъ счастливъ, что случай къ этому представился скоро... Я сердечно полюбилъ этого человѣка... и теперь горячо люблю его, несмотря на то, что мы пошли съ нимъ въ разныя стороны... ну, да объ этомъ говорить нечего.

„Первый визитъ мой къ Ч. былъ крайне неудаченъ. Меня привезъ Михайловъ. У Ч. было много народу въ тотъ вечеръ,—говорили все большею частью о такихъ важныхъ матеріяхъ, въ которыхъ въ то время я былъ совсѣмъ еще homo novus; говорили все люди для меня новыя, незнакомыя, говорили такъ горячо, такъ самоувѣренно обсуживали и рѣшали все такіе важные вопросы, что я—человѣкъ, какъ вы знаете, вообще до смѣшного застѣнчивый—только конфузился и молчалъ... Изобразивъ на лицѣ своемъ, вѣроятно, что-нибудь вродѣ весьма глупаго умиленія, я долго сидѣлъ, забившись въ уголъ дивана. Наконецъ, хозяинъ сжалился надо мною и подошелъ ко мнѣ. Очевидно, онъ затруднялся тоже, не зная, о чемъ ему говорить со мной. Я не помню ужъ, о чемъ онъ заговорилъ со мной—только, коротко, conversation наше опять не удалось, потому что я снова уткнулся въ уголъ дивана, а Ч., оставшись, впрочемъ, рядомъ со мной, на креслѣ, заговорилъ съ кѣмъ-то о чемъ-то другомъ. Такъ шло время. Я глупо молчалъ; Чскій, какъ-то странно оставшись въ своемъ креслѣ, безпрестанно хихикалъ своимъ визгливо-дребезжащимъ, непріятнымъ голосомъ... Наконецъ, вышелъ Мих. изъ другой комнаты и, моргнувъ Чскому, увелъ его въ кабинетъ. Минуть черезъ пять онъ вернулся и вызвалъ меня. Тутъ-то и началось наше настоящее знакомство... Я не стану, конечно, передавать вамъ нашего разговора; *словъ* его не помню, а *смыслъ*—понятенъ. Со стыдомъ сознаюсь, что результатъ его на первыхъ порахъ—сталъ благоговѣть передъ Ч., какъ передъ человѣкомъ, который, казалось мнѣ, держитъ въ рукахъ своихъ судьбы всея Руси. Тогда-то и происходило чтеніе „воззв. къ б. к.“ въ первоначальномъ его видѣ. (Надо вамъ сказать, что Мих., зпавшій уже отъ меня, что въ Москвѣ есть возможность печатать безъ цензуры, на томъ станкѣ, на которомъ отпечатана была книга о Корфѣ ²⁾, и предварительно переговоривъ съ Ч.,

¹⁾ М. И. Михайловъ.

²⁾ Сочиненіе Огарева—„14 декабря 1825 г. и императоръ Николай“, изд. въ Лондонѣ, въ 1858 г., было напечатано въ Москвѣ въ 1861 г.

привезъ меня къ Ч. именно съ той цѣлью, чтобы переговорить о возможности напечатанія воззванія). О впечатлѣннѣ, какое произвело на меня это воззваніе, я уже говорилъ... Я не былъ въ состояніи ничего отвѣтить Ческому. Я окончательно, что называется, потерялъ голову, исчезъ, какъ Семелла въ величіи Юпитера. Замѣтивъ это (т. е. не Семеллу и Юпитера, а мое плачевное состояніе), Мих. увезъ меня отъ Ч., захвативъ съ собою и рукопись воззванія.

„На другой день утромъ мы вмѣстѣ съ М. еще разъ прочли воззваніе. Впечатлѣніе было уже совершенно иное. Мнѣ просто было тошно слушать этотъ аннибальскій призывъ къ рѣзнямъ... Миху тоже очевидно было неловко и тяжело. Одинъ Шлгновъ, тоже присутствовавшій на чтеніи, скакалъ и восклицалъ, какъ Давидъ передъ ковчегомъ завѣта... Много и долго говорили мы съ Мвымъ объ этомъ воззваніи. Оба мы признавали полную необходимость помочь, какъ умѣемъ, крестьянскому горю, вразумить мужика, что его—какъ намъ казалось тогда—во многомъ обошли и обманули; но вразумить вовсе не съ тѣмъ, чтобы онъ съ топоромъ въ рукахъ сталъ добывать себѣ „землю и волю“; поэтому мы положительно осудили текстъ воззванія, составленнаго Чскимъ. Мы покончили, наконецъ, тѣмъ, что Мих. долженъ былъ отправиться къ Ческому съ положительнымъ отказомъ, съ моей стороны, способствовать напечатанію брошюры, если въ ней не будутъ сдѣланы предложенныя нами измѣненія и поправки.

„Мих. съѣздилъ къ Ч., и что они тамъ говорили—не знаю. Въ слѣдующее свиданіе наше Мих. сказалъ, что Ч. съ трудомъ согласился на измѣненія, говоря, что, напротивъ, слѣдовало бы усилить тонъ, но что ужъ если *нельзя* печатать брошюру въ томъ видѣ, какой онъ проектировалъ, онъ, пожалуй, сдѣластъ измѣненія, только ужъ за усилѣхъ не ручается, и даже думаетъ, что въ *такомъ видѣ* прокламація будетъ совсѣмъ бесполезна (скептицизмъ).

„Прошло нѣсколько дней. Домашнія дѣла отозвали меня въ Москву. Я уѣхалъ, не дождавшись измѣненной брошюры.

„Въ Петерб. остался Сороко, пріѣхавшій вмѣстѣ со мной для распродажи своего изданія ¹⁾ и стоявшій на одной квартирѣ со мной.

¹⁾ Названной книги Огарева.

„Черезъ нѣсколько дней въ Москвѣ вдругъ я узнаю стороной, что Сулинъ рассказывалъ какому-то своему пріятелю, будто Ч. поручилъ ему (Сулину) отпечатать одну чрезвычайно важную брошюру. Извѣстіе это, дошедшее до меня, можетъ быть, уже черезъ двадцатыя руки, очень понятно, и удивило меня, и встревожило. Я сейчасъ же отыскиваю Сна—и узнаю слѣдующее: Ско, оставшись въ Пб. для окончанія своихъ дѣлъ, отыскиваетъ Миха и, явившись къ нему познакомиться отъ моего лица, рекомендуетъ себя однимъ изъ владѣльцевъ тайнаго станка. Михайловъ отдалъ ему рукопись воззванія, „какъ человѣку, который говорилъ ему, что имѣетъ возможность напечатать рукопись въ Москвѣ“ (такъ, à peu près Мих. говоритъ въ своемъ показаніи, которое я запомнилъ очень хорошо; но сѣнать принялъ во вниманіе не совершенно одинаковое показаніе двухъ лицъ, которыя не могли и не имѣли никакой надобности стаянуться между собою, а совершенно невѣроятное показаніе самого Срко), и, отдавая рукопись, „желалъ, чтобъ она была напечатана“. Но это только *официальныя* показанія. Въ самомъ же дѣлѣ вотъ какъ было: познакомившись съ С-кой, Мих. повезъ его къ Чскому, и уже самъ Чскій, лично, передалъ Сорокѣ и рукопись воззванія, и деньги (200 р.) для ея напечатанія. Когда я пришелъ къ Сну, я увидѣлъ, что деньги эти тратились совсѣмъ не на то, на что онѣ были даны Чскимъ. Но, вѣроятно, устыдившись моихъ нареканій, С. и С. сейчасъ же принялись за приготовленіе къ устройству станка. Шрифты и станокъ немедленно были куплены, помѣщеніе я далъ имъ у себя наверху—и работа началась. Тутъ я не могу не остановиться на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, „слѣдствіемъ обнаруженныхъ“. Сулинъ показалъ, что я „обѣщалъ помочь его положенію“, если онъ, Слнъ, „согласится, въ свою очередь, оказать содѣйствіе къ напечатанію одной бездѣлицы“... и Слнъ согласился, будто бы даже не полюбопытствовавъ у меня, что это за бездѣлица. Посмотримъ теперь, что же это было за содѣйствіе, за которое я, повидимому, обѣщалъ заплатить Слну такъ щедро, ибо какимъ-нибудь пятиалтыннымъ помочь бѣдственному положенію человѣка нельзя же. А по показанію Слна (на которомъ, очевидно, основанъ и приговоръ судей)—только наборомъ пяти или шести строкъ, потому что, когда Слнъ набралъ эти пять-шесть строкъ, я будто бы сказалъ, что теперь я выучился набирать и *могу обойтись безъ него*.

Какъ все правдоподобно,—не правда ли? Но пойдемъ далѣе. Когда получена была предостерегательная записка, я (по тому же показанію) принялся за *уничтоженіе* станка (должно, принялся его жевать и проглатывать); но при этомъ я (будто бы) хотѣлъ сохранить набранныя строки, но Сулинъ схватилъ ихъ (схватилъ!) и разсыпалъ... а потомъ взялъ нѣкоторыя части машины (да вѣдь я же принялся за ея *уничтоженіе*) и перевезъ на квартиру Кистера. Хорошо. Стало быть, станокъ, частью мною *уничтоженный*, частью отвезенный на квартиру Кистера, работать не могъ. Зачѣмъ же мнѣ было желать сохраненія набранныхъ строкъ, тѣмъ болѣе, что ихъ было набрано такъ мало? Могъ ли, наконецъ, я желать сохраненія у себя чего-либо, могущаго компрометировать, если я, по показанію Слва, такъ искренно повѣрилъ его предостерегательной запискѣ, что *немедленно принялся за уничтоженіе станка*, т. е. сталъ его жевать и проглатывать? *Ce pauvre diable*—Сулинъ, конечно, вопыхахъ не могъ сообразить всей нелѣпости своихъ показаній: его въ продолженіе всего слѣдствія была лихорадка; но послушайте,—что же *patres conscripti*?.. Но мы никогда не кончимъ, если я буду останавливаться на всѣхъ подробностяхъ нашего дѣла (у меня нѣтъ на это ни времени, ни охоты). Поэтому, „оставивъ мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ“, мы переходимъ къ другой брошюрѣ, озаглавленной такъ же вычурно, какъ и первая: „Русскимъ солдатамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ“.

„Призывая крестьянъ къ бунту (если и не прямо, то возбуждая между ними такіе вопросы, къ разрѣшенію которыхъ крестьянинъ, очевидно, не могъ найти другого средства, кромѣ топора), составители манифеста естественно должны были позаботиться о томъ, что противопоставить тѣмъ мѣрамъ, которыя правительство приметъ для подавленія бунта. Съ Чскаго довольно было только заварить кашу; какъ и кому придется ее расхлебывать, объ этомъ онъ не заботился. Ясно, что самое естественное, самое близкое и самое вѣрное орудіе пр-ва есть солдатъ. Стало быть, надо дѣйствовать на солдата, надо его смазать на крестьянскую сторону. И вотъ проектируется „Русскимъ солдатамъ отъ ихъ доброж. поклонъ“. Манифестъ этотъ берется составить Шелгуновъ. Но изъ его писаній вышло чортъ знаетъ что,—такая чепуха, что въ ней и мужикъ реветъ, и корова реветъ, и самъ чортъ не разберетъ, кто кого деретъ.

Недовольные этимъ опытомъ, пробовали и мы съ Мих. написать что-нибудь, но у насъ вышло едва ли даже не хуже. У Млова — какой-то философскій трактатъ, вродѣ пресловутаго *dei doveri degli Uomini*, а у меня — не то полковой приказъ, не то марсельеза. Такъ что, за неимѣніемъ лучшаго, поневолѣ приходилось удовольствоваться произведеніемъ Шнова. Между тѣмъ самъ авторъ твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что его воззваніе есть именно то, „что нужно солдату“. И чтобы убѣдить насъ въ этомъ, предложилъ мнѣ походить вмѣстѣ съ нимъ по солдатамъ, поговорить съ ними и, если представится возможность, прочесть имъ воззваніе, чтобы посмотрѣть, какое оно произведетъ на нихъ впечатлѣніе. Сказано — сдѣлано. Шел. пошелъ въ одніѣ казармы, меня послалъ въ другія. Сговорились сойтись въ какой-то харчевнѣ. Но я, конечно, не пошелъ въ казармы (вы знаете, что особеннымъ удалствомъ я вообще не отличаюсь), а, побродивъ по улицамъ, пришелъ прямо въ харчевню, гдѣ уже сидѣлъ Ш. со своими знакомыми солдатами. Я, поздоровавшись съ Ш., подсѣлъ къ нимъ и молча слушалъ ихъ мудрую бесѣду. Ш. завосился; солдаты были такіе глупые, глупые, — пыхтѣли за чаемъ и поддакивали, какъ видно, ровно ничего не понимая и, всего скорѣе, не слушая. Мнѣ (признаюсь въ своей трусости) была крайне непріятна эта глупая и опасная комедія, — и я скоро уговорилъ Ш. уйти изъ харчевни. Дорогой онъ сообщилъ мнѣ, что солдаты слушали его съ восторженнымъ участіемъ и сдѣлали ему много очень дѣльныхъ замѣчаній; а я — что его знакомаго солдата не нашель, а другіе, съ которыми я пробоваль-было заговаривать, чуть меня не приколотили. Я поздравилъ его съ успѣхомъ; онъ посмѣялся надъ моею трусостью и неспособностью къ политическому агитаторству... Таковы были наши экспедиціи въ полярныя страны. Ну, потому Ш., вразумленный опытомъ, еще разъ десять переписывалъ свое посланіе; Мих. поубавилъ въ немъ метафизики, повикинулъ слишкомъ яркіе санкюлотизмы, — и я взялъ рукопись съ собою. Впрочемъ, мнѣ, всетаки, это посланіе не нравилось, особенно начало, гдѣ доказывалась несправедливость завладѣнія Польшей, было, по моему мнѣнію, очень глупо. То есть не глупо само по себѣ, но глупо обращенное къ солдату, не имѣющему ровно никакого понятія ни о народномъ правѣ, ни объ „исторической необходимости“...

„Ну, теперь *посланіе третье*.—Вы знаете, что у насъ на Руси есть общины, внѣшнія формы которыхъ довольно близко подходятъ къ идеалу коммуны. Это раскольники, на которыхъ съ такой любовью останавливаются наши современные реформаторы. Отреченіе отъ собственности (у духоборцевъ), общее пользованіе женами на б омъ положеніи, отвращеніе отъ наружныхъ обрядовъ церкви, неуваженіе къ предписаніямъ гражданской власти и пр., и пр.—вотъ тѣ *attrait*s, которые привлекаютъ къ русскому расколу любовные взгляды нашихъ коммунистовъ. Они, конечно, не могутъ не видѣть во всемъ этомъ одного тупого религіознаго фанатизма; они очень хорошо понимаютъ, что ненависть къ наружной церкви явилась у раскольниковъ не потому, чтобъ имъ были тѣсны формы, данныя Никономъ, но потому, что эти формы не во всемъ соотвѣтствовали заскоруждому преданію; люди, провозгласившіе расколъ свободою отъ оковъ, наложившихъ формами, не могли забыть фанатической привязанности раскольниковъ къ своимъ старымъ книгамъ, къ своимъ копченнымъ образамъ, къ своему двуперстному знаменію; въ этихъ тупыхъ изувѣрахъ, которые считаютъ для себя оскверненіемъ даже пить воду изъ одного колодца съ „погаными“ никонцами, они никакъ не могутъ, въ самомъ дѣлѣ, видѣть людей, руководящихся правиломъ: что „въ сущности всѣ люди равны, ибо всѣ равно грѣшны и всѣ подлежатъ искушенію“. Нѣтъ, не „живая сила духа“ дорога мнѣ въ расколѣ, а дорога его непримиримая фанатическая ненависть къ обществу; дорого то, что они называютъ „позываніемъ ума и совѣсти и всего чловѣка къ свободѣ“, но что для „имѣющихъ уши слышати“ значитъ то, что въ расколѣ никогда не умиралъ зародышъ пугачевщины. Поэтому для нашихъ агитаторовъ расколъ есть желанный и ожидаемый Мессія бунта.

„Само собою разумѣется, что мы не забыли *подоброжелательствовать* и расколу. „Поклонъ старообрядцамъ“ былъ составленъ тѣмъ же „доброжелателемъ“, который составлялъ и манифестъ къ крестьянамъ. Жаль, что онъ не сохранился у меня. Онъ былъ писанъ мною подъ диктовку Ческаго (жаль, что нѣтъ ни охоты, ни мѣста, ни времени, а то я рассказалъ бы вамъ, съ какими смѣшными предосторожностями совершалось это таинство... но—увы!—ничто же тайно есть, еже не откроется).—и я сжегъ его вмѣстѣ со многими другими бума-

гами, во время торговъ съ Николкой ¹⁾ о доносахъ. Впрочемъ, это была страшная дребедень—скучная, сухая, длинная рацея; во время ея писанья я съ трудомъ преодолевалъ сонъ. Помнится, это было безконечное разглагольствованіе во вкусъ Ламеннэ; нелѣпая болтовня объ антихристѣ и его печатѣхъ, пересыпанная самой наглою лестью и самыми лживыми обѣщаніями...

„Такимъ образомъ мы, казалось, ничего не упустили изъ виду... кромѣ одной мудрой пословицы: не шути огнемъ—обожжешься...

„А вы, Чскій, забыли еще одну пословицу, тоже очень глупую. Когда-нибудь я вамъ ее припомню.

„Это было во время второй моей поѣздки въ Птб.,—кажется, во время *последней добровольной* поѣздки... съ тѣхъ поръ—но эта исторія еще впереди.

„Во время самага печатанія манифеста къ крестьянамъ Чскій посѣтилъ меня въ Москвѣ, сдѣлалъ кое-какія поправки въ текстѣ воззванія и, оставшись доволенъ работою, благословилъ меня на новые и новые подвиги...

„Потомъ, какъ вы уже знаете, я бросилъ печатаніе брошюры, не кончивъ ея. Мих. уѣхалъ за-границу. Этимъ роль моя политическаго агитатора и кончилась... навсегда.

„Весна и лѣто прошли тихо. Я предпринялъ изданіе исторіи всемірной литературы и, углубившись въ изученіе греческихъ и римскихъ классиковъ, совсѣмъ-было забылъ о крестьянахъ барскихъ и о солдатахъ царскихъ,—какъ на меня былъ сдѣланъ доносъ Николкой... Меня взяли. Судили. Приговорили и вотъ...

„Вотъ и все.

„Т. е. все, о чемъ я хотѣлъ и общалъ писать вамъ. А тамъ—что пережилося, что передумалось въ это время, это... что говорить объ этомъ! Это ужъ *мое* дѣло. Были у меня и другія столкновенія и съ этими, и со многими другими людьми... „Суть же йна многа, яже сотвори, яже аще бы поединому писана быша, ни самому мнѣ всему міру вмѣстите пишемыхъ книгъ“...

„Я общалъ написать вамъ комментарий на производство

¹⁾ Братъ Всеволода Костомарова, Николай, который, по его словамъ, довелъ на него въ 1861 г., не получивъ просимой за педоносительство суммы.

моего дѣла въ сенатѣ. Ну вотъ онъ вамъ. Теперь выводите, меня ли слѣдовало бы подвергнуть наказанію за *составленіе* „возмут. воззв. къ б. к.“, меня ли должно было признать „*зачинщикомъ* содѣяннаго преступленія, управлявшаго дѣйствіями онаго“... Не говорю ужъ о другихъ обвиненіяхъ: логичность ихъ говоритъ сама за себя. Вотъ, напримѣръ, образчикъ: „К-въ по собственному его сознанію (любопытно было бы мнѣ прочесть это *собственное* сознаніе) и обстоятельствомъ дѣла (о!!!) *оказывается* (!!!) виновенъ въ участіи въ... (въ чемъ бы вы думали?) въ составленіи и распространеніи разбора книги бар. Корфа“ и т. д. Какъ это вамъ нравится? Я *оказываюсь* (разумѣется, какъ положительно это говорится) виновенъ въ *составленіи* книги, напечатанной давнымъ-давно за-границей, съ *именемъ автора* (Огаревъ), и только *перепечатанной* въ Москвѣ, да и то въ то время, когда я жилъ въ Петербургѣ. (Когда я пріѣхалъ въ Москву и познакомился съ Сулинымъ, допечатывался уже *последній* листъ разбора). Или вотъ еще: *По 6-й категоріи* (насъ раздѣлили на 7 категорій по числу гимназическихъ классовъ или, можетъ быть, по числу чиновъ небесныхъ) К-въ состоитъ подсудимымъ за... *распространеніе* воззваній „къ барскимъ крестьянамъ“ и „къ солдатамъ!“ За *распространеніе* воззваній, которыхъ (это ужъ точно, по обстоятельствамъ дѣла *оказалось*) не было отпечатано ни одного экземпляра и которыхъ даже въ рукописи ни у кого не было найдено ¹⁾.

„Ну, да будетъ, — всего не пересчитаешь. Да и незачѣмъ.

„Итакъ, вотъ вамъ истина во всей наготѣ ея, — истина, которой я не позволилъ прикрыть никакимъ фиговымъ листкомъ даже самыхъ зазорныхъ частей тѣла...

„Но, — спросите вы меня (т. е. я это предполагаю, въ самомъ же дѣлѣ вы, вѣрно, не спрашиваете, потому что болтовня моя надоѣла вамъ давно), — какую роль я игралъ во всей этой комедіи съ *переодѣваніемъ*, которая, однако, для меня окончилась такъ трагически? Что же руководило мною? Желанье ли втереться въ кружокъ, въ который не пускали безъ извѣстнаго лозунга: желанье ли пощеголять въ роли политическаго агитатора; наконецъ, можетъ быть, искреннее сознаніе въ по-

¹⁾ Не вѣрно: къ солдатамъ напечатана, а къ крестьянамъ вѣрста, въ рукописи, въ офиціальное дѣло Костомарова.

лезности всѣхъ этихъ прокламацій? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!— „Ну такъ что же?“—Mais si voulez savoir ce que c'est... demandez—le au pourceau qui voit le vent!.. (quoique cette figure est banale et stupide, mais elle est empruntée on psaumes).

„Sur ce, mon ami, en vous souhaitant tous les biens possibles et impossibles.

Je suis
celui, qui Suis.

„PS. Письмо это я имѣю случай написать и послать вамъ, что называется, „воровскимъ манеромъ“; завтра или послѣ-завтра буду писать къ вамъ ужъ *открыто* и тогда поговорю съ вами о нашихъ домашнихъ дѣлахъ и о кое-какихъ порученіяхъ, о которыхъ я хочу просить васъ. Valete... et plaudite“¹⁾.

III.

Зная, что, кромѣ самого Костомарова, долженъ еще вскорѣ появиться и документъ, вполне подтверждавшій приведенное письмо, III Отдѣленіе озаботилось, съ одной стороны, обфлить Костомарова передъ общественнымъ мнѣніемъ, а съ другой—внушить комиссиі сознаніе, что тотъ документъ, который скоро предстанетъ предъ нею, еще пустякъ въ сравненіи съ другими, которые есть у Костомарова, но запрятаны имъ очень далеко...

Съ этою цѣлью братъ Костомарова, Алексѣй, прислалъ Потапову письмо, въ которомъ сообщалъ о полученіи на его имя, во время его отсутствія изъ Москвы, какого-то пакета, по вскрытіи котораго оказался листъ, исписанный какими-то цифрами... Потаповъ отложилъ этотъ листъ до прибытія Всеволода Костомарова въ Петербургъ... Когда послѣдній прибылъ въ столицу и былъ помѣщенъ уже не въ крѣпость, а въ комфортабельные апартаменты III Отдѣленія, ему предложили дешифровать присланное братомъ.

Вотъ что писалъ какой-то И. С. Алексѣю Костомарову:

„26 января. Г. Костомаровъ,—совершенно нечаянно до меня

¹⁾ Г. Рейнгардтъ сообщаетъ объ этомъ письмѣ совершенно невѣрные свѣдѣнія (см. „Русск. Стар.“ 1905 г., II, 463). А ужъ совсѣмъ что-то непонятное и спутанное сообщилъ, со словъ какого-то товарища Чернышевскаго по ссылке, г. Пекарскій въ № 77 „Нашей Жизни“ за 1905 г.

дошли слухи, что вы уже давно ищете меня съ письмомъ отъ брата вашего, въ которомъ онъ поручаетъ взять у меня ввѣренный имъ конвертъ съ бумагами извѣстнаго вамъ содержанія. Очень жалѣю, что я не могъ ни его посѣтить въ Сущ. ч. ¹⁾, ни встрѣтиться съ вами послѣ. Впрочемъ, въ послѣднемъ едва ли даже и предстояла какая-нибудь надобность послѣ того, какъ съ заключеніемъ въ крѣпость братъ вашъ совершенно пересталъ нуждаться въ довѣренныхъ имъ мнѣ бумагахъ, ибо не можетъ уже (извлечь?) изъ нихъ той нравственной пользы, какую онъ приносили ему, когда онъ былъ на свободѣ. Но, если вы найдете возможность, увѣрьте брата вашего, что бумаги его будутъ у меня цѣлы, какъ нигдѣ, и что я строго и свято держу данное мнѣ слово возвратить ему эти бумаги тотчасъ же, какъ онъ самъ будетъ возвращенъ обществу и, стало быть, получить возможность дѣлать изъ нихъ то употребленіе, какое до сихъ поръ дѣлалъ, а не то, какое по слабости природы человѣческой могъ бы сдѣлать теперь, въ минуту отчаянія и скорби.

..Я повторяю его же слова, которыя онъ сказалъ мнѣ, отдавая эти писъма: онъ благородно созналъ, что обезсиленный страданіями, самый честный человѣкъ можетъ быть иногда очень неразборчивъ въ средствахъ къ своему спасенію,—чего потомъ уже никогда не простить себѣ, и, презираемый самимъ собой, отвергнутый (всеми?) честными людьми, всю жизнь свою будетъ мучительно раскаиваться въ своей малодушной слабости. Вотъ это-то благородное сознаніе и заставило многоуважаемаго брата вашего отдать бумаги свои человѣку, образъ мыслей котораго былъ ему, конечно, извѣстенъ, но настоящей фамилии и адреса котораго онъ не зналъ,—чтобы отнять у себя такимъ образомъ всякую возможность сдѣлать подлое дѣло на „пристрастномъ опросѣ“, который, къ стыду нашему, уничтоженный *de jure*, продолжаетъ существовать *de facto*. Все это я къ тому говорю, чтобъ показать вамъ (что?) мой образъ дѣйствій вполне согласуется съ желаніемъ брата вашего и, я увѣренъ, не можетъ быть ему непріятенъ. Да и оставя все это, онъ самъ же связать меня клятвой, нарушить которую меня не заставитъ ничто; въ силу этой клятвы, я обязанъ

¹⁾ До отправки въ крѣпость Костомаровъ сидѣлъ, въ концѣ 1862 года, въ Сущевской части Москвы

возвратить письма брату вашему немедленно по его водвореніи (тамъ?), куда онъ будетъ посланъ въ солдаты. И я сдержу свое слово, ибо, благодаря Бога, до сихъ поръ никогда не нарушалъ его. Тогда я умываю руки. Мое дѣло будетъ сдѣлано, а тамъ братецъ вашъ можетъ сдѣлать со своими письмами, что ему угодно. Мы внимательно слѣдимъ за судьбою его (потому что принимаемъ въ немъ большое участіе), и, повѣрьте, что, куда бы судьба ни забросила его, письма, довѣренныя мнѣ имъ, немедленно найдутъ его. Я сегодня же долженъ уѣхать изъ Москвы, по дѣламъ своимъ, мѣсяца на три; а то, повѣрьте, никакъ бы не отказалъ себѣ въ удовольствіи познакомиться съ вами. Но это, конечно, не помѣшаетъ мнѣ знать все о братѣ вашемъ; я буду къ нему даже нѣсколько ближе. И. С.“

Итакъ, ясно,—думало III Отдѣленіе: все, что расторопнымъ Чулковымъ найдено у Костомарова при обратномъ слѣдованіи въ Петербургъ, все это вовсе не было съ нимъ по дорогѣ изъ Петербурга и тѣмъ болѣе въ крѣпости, а получено вернувшимся раньше, по какимъ-то случайнымъ обстоятельствамъ, въ Москву „И. С.“, и „честный Костомаровъ“ даже при всемъ желаніи свалить свою вину на другихъ, во время хода его процесса, не могъ этого сдѣлать, потому что еще раньше отдалъ всѣ компрометирующіе другихъ документы въ постороннія, но вѣрныя руки...

Какъ я уже сказалъ, Чулковъ и Костомаровъ прибыли въ Петербургъ 10 марта. Тотчасъ способный капитанъ явился къ Потапову и, рассказавъ ему, какъ было дѣло, вручилъ извѣстный читателю доносъ Яковлева и все „найденное“ при Костомаровѣ. Почему Потаповъ обманулъ комиссію, пославъ ей доносъ Яковлева, какъ полученный имъ яко бы отъ него самого,—неизвѣстно; вѣдь по позднѣйшимъ бумагамъ эта лоякъ, какъ на ладони. На слѣдующій день, 11-го, онъ сообщилъ комиссіи о рапортѣ Чулкова и послалъ всѣ отобранные у Костомарова документы.

Особенно драгоцѣненъ былъ одинъ уже пожелтѣвшій листочекъ, на одной сторонѣ котораго видны были написанные рукой Костомарова какіе-то стихи и подборъ рифмъ, а на другой—рукой, *похожей* на почеркъ Чернышевскаго, карандашомъ значилось буквально слѣдующее: „В. Д. Въмѣсто „срочнообяз.“ (какъ это по непростительной оплошности поставлен

у меня) набирайт вездѣ „временнообяз.“, какъ это называется в положеніи. Вашъ Ч.“ Послѣдняя буква сдѣлана весьма неискусно и очень походитъ больше на „С“. Я долго сравнивалъ почеркъ записки съ почеркомъ Чернышевскаго и категорически утверждаю, что поддѣлка не удалась.

Затѣмъ два письма Чернышевскаго къ Костомарову.

1. Отъ 20 апрѣля 1861 г. „Вчера моя жена видѣла, Всеволодъ Дмитріевичъ, одного юношу, который, отправляясь за границу, нуждается въ спутникѣ-руководителѣ его неопытнаго ума. Этотъ юноша показался женѣ порядочнымъ человѣкомъ. и она выразила ему предположеніе, что спутникомъ его, быть можетъ, согласитесь быть Вы. Онъ очень обрадовался и далъ намъ адресъ своего брата, живущаго въ Москвѣ, съ которымъ Вы можете переговорить относительно условій и т. д. Онъ напишетъ къ брату, а меня просилъ написать Вамъ. Вотъ адресъ юношина брата: въ Москвѣ, на Моховой, въ домѣ Скворцова, Григорій Григорьевичъ Устиновъ. Пожалуйста, познакомьтесь съ этимъ Г. Г. Устиновымъ, — быть можетъ, Вы и сойдетесь. Вашъ Н. Чернышевскій“.

2. Отъ 2 іюля 1861 г. „Добрый другъ, Всеволодъ Дмитріевичъ, Ваша пьеса „Мостъ вздоховъ“ (или, какъ это иначе называется? объ утопленницѣ-то) печатается въ VII книжкѣ „Современника“ (за іюль). О Вашей благотворительности въ пользу дворовыхъ пишу къ Алексѣю Николаевичу ¹⁾.—Но что-то поддѣливаете Вы въ свою пользу? Я все возвращаюсь къ мысли объ урокахъ въ одномъ изъ корпусовъ. У меня теперь тамъ, кромѣ Котляревскаго, есть еще добрый знакомый, Свириденко, человѣкъ вполне порядочный, подобно Котляревскому (хоть Алексѣй Николаевичъ его и не долюбливаетъ, говоря попросту, но вѣдь это только несходство темпераментовъ и пріемовъ, а люди они очень хорошіе). Мнѣ хотѣлось бы познакомить Васъ съ ними,—конечно, въ томъ случаѣ, еслибы Вы думали похлопотать при ихъ содѣйствіи объ урокахъ въ одномъ изъ корпусовъ.

„Спишу, по обыкновенію,—и опять выходитъ отъ этого лапидарный слогъ. Жму Вашу руку. Вашъ преданный Н. Чернышевскій“.

Три письма М. Н. Михайлова къ Всеволоду Костомарову и

¹⁾ Плещеву, жившему въ Москвѣ.

привелъ выше, въ статьѣ „Процессъ М. И. Михайлова“. Приведу еще письмо къ Костомарову А. Н. Плещеева отъ 3 іюня 1861 года:

„Дражайшій полиглотъ!

„Во-первыхъ, напишите мнѣ тотчасъ же по городской, что цензурный комитетъ и прошеніе наше? ¹⁾. Вы объ этомъ меня не увѣдомили. Крыжовъ вашъ дачу смотрѣлъ, но у меня не былъ. Записку отдала мнѣ бабуса. Дѣло въ томъ, что вы, кажется, напутали. Соколовъ вѣдь самъ будетъ жить и хочетъ сдать только комнату, а Крыжовъ рассчитываетъ, вѣроятно, на всю избу. Вы ему скажите, чтобъ онъ побывалъ у Соколова, если онъ не церемонный господинъ. (Въ Гагаринскомъ переулкѣ, близъ Успенья на Могильцахъ, домъ Копановскаго).

„Въ субботу жду васъ непременно. У меня созрѣлъ еще проектъ изданія. Стихъ одинъ написанъ. А вы ужъ, чай, въ эту недѣлю цѣлую библіотеку навалаете. Зачѣмъ вы Шеллея ²⁾ нѣмецкаго увезли? Это гнусно съ вашей стороны. Реализмъ прочесть. Хорошо составлено, но о Мейснерѣ мало. Больше о Грековѣ. Привезите Шеллея; я жду Агастора. Я писалъ къ Чернышевскому—если онъ отвѣтитъ черезъ васъ,—то дайте знать. Изъ Гартмана я перевелъ двѣ странички (frei bearbeitet), но къ вашему приѣзду, авось, еще переведу. Скучно ужасно, и потому именно скучно, что это *служба*, что хочется другое дѣлать. А очень, кажется, его путешествія замѣчательны, только не все идетъ въ географическую книгу. Будьте здоровы. Что переведете—привезите,—прочтемъ. Если я буду раньше, то заѣду къ вамъ и васъ увезу. Это можетъ случиться.

„Весь вашъ А. Плещеевъ“.

IV.

Итакъ, 7 марта комиссія узнала, что наконецъ-то III Отдѣленіемъ найденъ путь къ вѣрному обвиненію Чернышевскаго по любому числу преступленій. Въ этотъ-то день она и получила письмо Н. Г. къ коменданту Сорокину... Очевидно каждому, какъ она могла реагировать теперь на подобный документъ.

¹⁾ Они просили о разрѣшеніи имъ какого-то періодическаго изданія.

²⁾ Въмѣсто Шелли (Schelley).

9-го Потаповъ прислалъ въ комиссію нѣсколько листовъ рукописи перевода Гервинуса. Значить, Чернышевскій работалъ, несмотря на все больше обострившіяся отношенія со своими обвинителями.

10-го, въ день вѣзда въ Петербургъ Костомарова, ничего еще не подозрѣвавшій Н. Г. писалъ Сорокину: „Я не понимаю, Ваше Превосходительство, чего добиваются господа, упорствующіе не отвѣчать мнѣ. Чего они хотятъ? Прошу ихъ бросить шалить,—извольте взглянуть на подчеркнутыя мною строки письма моей жены отъ 8-го марта. Вы видите, что здоровье бѣдной женщины разстраивается съ каждымъ днемъ отъ каприза какихъ-то шалуновъ. Прошу ихъ отвѣчать мнѣ, чтобы не отвѣчать передъ правительствомъ, которое раньше или позже пойметъ, какую плохую шутку играютъ надъ нимъ эти шалуны. Что это за мальчишество въ людяхъ, которымъ правительство поручаетъ важныя обязанности? Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою. *Н. Чернышевскій*. P. S. Шутя, по своей обыкновенной догадливости, шалуны опять вздумаютъ задерживать письма моей жены и мои, какъ столько разъ принимались дѣлать,—не совѣтую имъ дѣлать этого“.

Но теперь комиссія уже не намѣрена была спускать Чернышевскому все, что онъ прямо или косвенно писалъ по ея адресу. Теперь она хорошо понимала, что съ помощью Потапова сумѣетъ отомстить дерзкому арестанту за все его издѣвательства и оскорбленія... На слѣдующій же день было предложено просить коменданта крѣпости „сдѣлать Чернышевскому строгій выговоръ за неумѣстныя и неприличныя выраженія, употребленныя въ запискѣ, со внушеніемъ при томъ, что если онъ и на будущее время позволить себѣ неумѣстныя выраженія, то ему будетъ воспрещена всякая вообще переписка“.

Когда комендантъ объявилъ письменно этотъ выговоръ, Чернышевскій написалъ на той же бумагѣ:

„Тѣ выраженія, на которыя комиссія выражаетъ свое неудовольствіе, употреблены были мною не по какому-нибудь желанію выражаться грубо,—этой наклонности нѣтъ въ моемъ характерѣ,—но это было нужно, чтобы доказать, что я слишкомъ твердо знаю свою правоту, и что я очень хорошо понимаю отношенія, которыя, по винѣ неизвѣстныхъ мнѣ лицъ, имѣютъ такое тяжелое вліяніе на мою судьбу и—я имѣю

право просить вниманія къ этимъ слѣдующимъ моимъ словамъ—вводятъ правительство въ продленіе напрасной несправедливости. — Что касается до рѣшенія комиссіи сдѣлать мнѣ строгій выговоръ, то, не имѣя подъ руками свода законовъ, я не могу знать, имѣетъ ли она на это право,—если имѣетъ, то я не имѣю противъ этого ничего сказать, кромѣ того, что одними выговорами не должно ограничиваться, а слѣдуетъ вникать въ сущность дѣла и удовлетворять справедливымъ требованіямъ. — Что касается до угрозы воспретить мнѣ вообще переписку, то мнѣ кажется, что въ письмахъ моихъ женѣ и г. А. Пыпину (моему родственнику) очень давно не было ничего, дающаго основаніе для такой угрозы,—я въ этихъ письмахъ не выражалъ ровно никакихъ чувствъ или мнѣній, оскорбительныхъ для комиссіи, и, кажется, можно изъ этого видѣть, что я хорошо понимаю разницу между официальными записками, въ которыхъ высказываюсь прямо и вполнѣ, и моею частною перепиской, въ которой я соблюдаю канцелярскую тайну. Но важнѣе всѣхъ этихъ моихъ замѣчаній, имѣющихъ только формальное—не интересующее меня—значеніе, будетъ слѣдующее мое желаніе: пусть же, наконецъ, сдѣлаютъ по моему дѣлу то, что обязаны сдѣлать по закону и по совѣсти,—пусть же, наконецъ, прекратятъ несправедливость, тяжелую для меня, не приносящую ничего полезнаго правительству,—пусть вспомнятъ, что я испытывалъ всѣ пути для этого: пять мѣсяцевъ терпѣлъ молча, потомъ просилъ (въ письмахъ 20—22 ноября), наконецъ, вотъ уже три мѣсяца дѣйствовалъ возбужденіемъ самолюбія, обидчивости,—и все было до сихъ поръ напрасно. Неужели же въ самомъ дѣлѣ никакъ и ничѣмъ не можетъ добиться у насъ человѣкъ, чтобы ему оказана была справедливость? Отставной титул. совѣтникъ *Н. Чернышевскій*. 13 марта 1863. Р. С. Можетъ, для формы нужно прибавить, и потому прибавляю: это отношеніе за № 61-мъ читалъ отстав. титул. совѣт. *Н. Чернышевскій*“.

13-го съ Костомарова былъ снятъ первый допросъ.

Онъ показаль, что воспитывался въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ, а потомъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, не кончивъ которое, поступилъ юнкеромъ въ Малороссійскій кирасирскій полкъ, а потомъ въ 1856 г. былъ произведенъ корнетомъ въ Смоленскій уланскій. Въ 1860 г. вышелъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ. Мать,

отца и двухъ сестеръ содержать на свой литературный заработокъ¹⁾. Жилъ въ Москвѣ, но часто прѣзжалъ въ Петербургъ.

Чина и званія Соколова, которому адресовалъ письмо изъ Тулы, не знаетъ, какъ и тогдашняго его адреса. Познакомился съ нимъ въ 1851 г., по рекомендаціи одного изъ своихъ учителей, и бралъ у него уроки греческаго и санскритскаго языковъ. Одно время былъ съ нимъ очень близокъ и неразлученъ. Въ 1859 г. они встрѣтились въ Парижѣ, гдѣ Соколовъ жилъ въ качествѣ гувернера въ какомъ-то русскомъ семействѣ. Писалъ ему туда до августа 1861 г., а потомъ ничего о немъ не слышалъ до декабря 1862 г. Въ это время Соколовъ посѣтилъ его ужъ въ Сущевской части, въ Москвѣ, гдѣ Костомаровъ, въ ожиданіи приговора, и общалъ-де ему разсказать всю истинную подкладку своего дѣла.

Письмо свое онъ писалъ вовсе не для того, чтобы свалить вину на Чернышевскаго и Шелгунова. „Скрывъ отъ правительства настоящихъ виновниковъ преступленія, я совершенно сознаю всю виновность свою передъ закономъ, и поэтому я прошу комиссію въ настоящемъ отказѣ моемъ „представить доказательства на все написанное мною въ письмѣ къ Н. Н. Соколову“—видѣть не желаніе остаться при своемъ прежнемъ образѣ дѣйствій, а только физическую невозможность доказывать такія вещи, которыя большею частью происходили съ глазу на глазъ между мною и обвиняемыми мною людьми или совершались въ присутствіи такихъ людей, фамиліи которыхъ были мнѣ или совершенно неизвѣстны, или въ настоящее время мною забыты. Если же изъ какихъ бы то ни было источниковъ комиссія найдетъ какое-нибудь стороннее подтвержденіе словамъ моимъ, то и я, со своей стороны, изъявляю полную готовность подтвердить ихъ даже, если нужно, подъ присягой“.

¹⁾ Курьезно, что когда Костомаровъ увидѣлъ сильную перемѣну въ отношеніи къ себѣ въ литературномъ мірѣ, онъ сталъ присылать свои стихотворенія и статьи, подписываемыя разнообразными и всегда новыми псевдонимами, со невозможными пріятелями, которые и называли себя авторами. Потомъ это было обнаружено, и постепенно печатать его уже никто не сталъ, кромѣ грязныхъ задворковъ. Любопытно также, что, приняты въ „Русскій Вѣстникъ“, онъ напечаталъ свой „Сопѣ Евгенія Арама“ какъ разъ рядомъ съ гнусной „Замѣткой для надателя „Колокола“ Каткова.

Сколько въ этомъ тонкости и знанія обстоятельствъ...

Знакомство его съ Михайловымъ было чисто литературное. „Что же касается до моего выраженія, что „мы *пошли съ нимъ въ разныя стороны*“, то я теперь повторяю то же, что писалъ въ письмѣ Соколову, т. е. что „говорить объ этомъ нечего“... особенно послѣ настоящаго приключенія съ этимъ письмомъ (sic!). Впрочемъ, пусть лучше первый камень въ меня будетъ брошенъ самымъ мною, а не другими. Вотъ въ чемъ въ настоящее время мы *не сходимся* съ Михайловымъ: Михайловъ до конца остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и своимъ друзьямъ, а я сдѣлался врагомъ тѣхъ, которые называли меня своимъ другомъ, и навсегда отказался отъ того, на что когда-то смотрѣлъ, какъ на лучшую цѣль моей жизни... не потому, чтобы я струсилъ передъ опасностями этого пути, не потому, чтобы меня соблазнили пріятности другой дороги, болѣе торной,—а только потому, что я имѣлъ несчастіе убѣдиться вполне, что мы сѣяли на совершенно безплодную почву. Михайловъ *до конца* вынесетъ на себѣ, вмѣстѣ со своимъ грѣхомъ, грѣхъ другихъ; а и въ своемъ-то грѣхѣ онъ признался только изъ состраданія ко мнѣ; а я, хотя и совершенно невольно, являюсь безъ всякой надобности обвинителемъ другихъ“. „Михайлову будутъ все сочувствовать,—сознается Костомаровъ,—а меня отвергнуть *всѣ*“. И, разумѣется, былъ вполне правъ...

Когда Михайловъ везъ его къ Чернышевскому, то сказали, что тамъ они переговариваютъ съ хозяиномъ о прокламаціи къ крестьянамъ. „Что воззваніе къ барскимъ крестьянамъ“ сочинено Чернышевскимъ,—говорилъ мнѣ и самъ авторъ, говорилъ и Михайловъ“. Кто былъ тогда у Н. Г.—онъ не помнилъ уже. „Почеркъ прокламаціи мнѣ былъ незнакомъ“.

Свидѣтелей при передачѣ ему Михайловымъ разговора его съ Чернышевскимъ по поводу необходимыхъ измѣненій въ прокламаціи не было.

Когда Костомарову предъявили рукопись этой прокламаціи, онъ показалъ: „Эго не та рукопись, которую читалъ Чернышевскій въ первое наше свиданіе,—это уже окончательная редакція манифеста, сдѣланная г. Чернышевскимъ, вслѣдствіе моихъ убѣжденій, и переданная г. Чернышевскимъ Сорокъ. Переписана она Михайловымъ“ ¹⁾.

¹⁾ Прокламацію эту я приведу дальше.

Съ Шелгуновымъ познакомился у Михайлова, жившаго тогда у него.

„О знакомствѣ моемъ съ Михайловымъ Сороко зналъ, а о воззваніи, написанномъ Чернышевскимъ, а равно и о самомъ Чернышевскомъ, разговора у насъ не было“.

Сороко самъ ему рассказалъ, какъ былъ у Чернышевскаго и получилъ отъ него воззваніе и деньги на печатаніе. „Относительно *доказательствъ* повторяю: что не имѣю ихъ да и вообще не считаю возможнымъ представлять какія-нибудь доказательства на то, что говорится въ дружескомъ, частномъ письмѣ, а не писалось для судебного показанія“...

„Мы втроемъ (т. е. Костомаровъ, Михайловъ и Шелгуновъ.— М. Л.) разсуждали о манифестѣ къ крестьянамъ (на другой день моего перваго визита къ Чернышевскому) и потомъ всѣ трое принимались за составленіе воззванія къ солдатамъ. Шелгунову, какъ человѣку въ солдатскомъ дѣлѣ болѣе насъ компетентному, мы предоставили только формулированіе общей идеи. Развѣтіе этой идеи, примѣненіе ее къ венгерцамъ и полякамъ, наконецъ, тонъ всего посланія—неотъемлемо принадлежать одному Шелгунову. Рукопись его я получилъ отъ Шелгунова изъ рукъ въ руки при Михайловѣ“. Писалъ Шелгуновъ измѣненнымъ почеркомъ; поправилъ потомъ Михайловъ.

Солдатъ, бывшихъ съ Шелгуновымъ въ трактирѣ, не знаетъ ни по полку, ни по фамиліямъ, но могъ бы узнать, пожалуй, въ лицо. Харчевню тоже, вѣроятно, нашелъ бы.

Привезя въ Москву прокламацію къ солдатамъ, Костомаровъ спряталъ ее въ столъ, откуда она была украдена братомъ его Николаемъ и представлена имъ въ III Отдѣленіе.

Воззваніе къ раскольникамъ писалось въ Петербургѣ, въ Знаменской гостиницѣ, весной 1861 г., разумѣется, безъ свидѣтелей, но [крайней мѣрѣ, замѣтныхъ. Костомаровъ и потомъ никому никогда не показывалъ этой рукописной прокламаціи.

„Котораго мѣсяца и числа прѣзжалъ Чернышевскій въ Москву во время печатанія воззванія—не помню. Гдѣ онъ останавливался, сколько времени прожилъ—не знаю. Я къ нему не ходилъ; Чернышевскій бывалъ у меня всегда одинъ и у меня никого не встрѣчалъ“.

На вопросъ комисіи, что это за литературная дѣятельность Чернышевскаго, о которой Костомаровъ хотѣлъ еще написать Соколову особо,—онъ отвѣчалъ: „Ни мое здоровье, ни

мое положеніе не позволяютъ мнѣ принять на себя такой обширный и такой щекотливый трудъ“. „Я убѣдительноше прошу комиссію обратить вниманіе на то, что въ письмѣ къ Соколову я высказывалъ только свой *личный* взглядъ на литературную дѣятельность Чернышевскаго (какъ публициста) и его школы (или кружка, какъ я неосторожно выразился въ письмѣ къ моему пріятелю, передъ которымъ, разумѣется, я не старался быть слишкомъ разборчивымъ и осмотрительнымъ въ выраженіяхъ); и я нисколько не намѣренъ упорно отстаивать непогрѣшимость моего мнѣнія, а, напротивъ, всегда готовъ согласиться съ тѣми, кто убѣдитъ меня въ противномъ“...

Бездна благородства и... подлости...

Что касается замѣчанія въ письмѣ къ Соколову о средствахъ „увязить Чернышевскаго“, то Костомаровъ показалъ: „Въ рукахъ комиссіи, вѣроятно, уже находится записка Чернышевскаго, отнятая у меня, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ писемъ, сопровождавшимъ меня на Кавказъ капитаномъ Чулковымъ. Я полагаю (можетъ „быть, я и ошибаюсь,—не знаю), что этой записки, еслибъ я представилъ ее въ комиссію (1-ю), было бы совершенно достаточно, чтобы сложить съ меня всякое обвиненіе въ *составленіи* воззванія къ барскимъ крестьянамъ“.

На слѣдующій день Костомарова допросили о кое-какихъ мелочахъ. Такъ, кто нанималъ номеръ въ Знаменской гостиницѣ?—„Чернышевскій“.—Какъ, Яковлевъ могъ слышать ихъ бесѣду?—„Не понимаю“.—Кого считалъ онъ жертвами науськиванія Чернышевскаго?—„Прежде всего самого себя, а потомъ всѣхъ тѣхъ молодыхъ людей (лично мнѣ неизвѣстныхъ), которые агитировали, *какъ мнѣ кажется*, подъ вліяніемъ Чернышевскаго“.—Какъ онъ получилъ карандашную записку?—„Чернышевскій заѣхалъ къ нему, но не засталъ дома, и написать на первомъ попавшемся клочкѣ бумаги, оставивъ записку на столѣ“.

Достаточно прочесть всѣ эти показанія, чтобы понять окончательно, съ кѣмъ имѣете дѣло. Ясно было, что Костомаровъ не постоитъ ни за чѣмъ и продастъ все на свѣтѣ, лишь бы исполнить обѣщанное Потапову...

V.

Наканунъ перваго допроса Костомарова Чернышевскій послалъ коменданту сразу три записки.

Первая:

„Ваше Превосходительство, будучи очень благодаренъ Вамъ за Ваши прежнія хлопоты обо мнѣ, я теперь утруждаю Васъ новыми,—извините, но что-жъ дѣлать, когда шалуны доводятъ до этого?

„Я думалъ написать раньше двѣ записки, которыя прошу Васъ представить по начальству (не въ комиссію, потому что этотъ безтолковый омутъ совершенно глупъ, и имѣть съ нимъ дѣло значить только терять время,—нѣтъ, не въ комиссію, которая вѣдь и не начальство Вамъ,—а прямо по начальству),—но я въ эти дни былъ нѣсколько нездоровъ; болѣзнь была ничтожная, конечно, не имѣвшая вліянія на настроеніе моихъ мыслей; но, всетаки, могли бы сказать: онъ писалъ это въ болѣзненномъ раздраженіи. Я ничего не дѣлаю иначе, какъ по зрѣлому разсчету, и въ особенности никогда ничего важнаго не дѣлаю безъ разсчета. Потому я отправляю только нѣтъ записки, которыя, еслибы не было у меня рѣдкаго терпѣнія, отправилъ бы еще въ прошлый вторникъ. Вчера былъ у меня докторъ и сказалъ, что моя болѣзнь совершенно прошла. Значить, можно и не говорить о болѣзненномъ раздраженіи.

„Первая записка, гдѣ я говорю о себѣ въ первомъ лицѣ, имѣетъ только полуофициальную форму, и это потому, что иначе она вышла бы длинна. Если Вы найдете, что 6-й пунктъ ея имѣетъ видъ излишней угрозы, я предоставляю Вамъ право вычеркнуть его: Вамъ виднѣе, нужно ли повторять то, что я рѣшительно не хочу оставаться долго и не останусь въ настоящемъ моемъ положеніи—здоровье жены погибло бы все равно, а въ такомъ случаѣ мнѣ непріятно было оставаться гдѣ бы то ни было,—такъ или иначе, я буду свободенъ очень скоро ¹⁾; но если напоминать объ этомъ лишнее, если въ этомъ достаточно убѣждены, то, конечно, не къ чему грозить лишній разъ.

¹⁾ Намекъ на смерть.

„Во всякомъ случаѣ смѣю увѣрить Васъ въ двухъ вещахъ : 1) я не буду ничего особеннаго дѣлать, не предупредивши Васъ, чтобы Вы могли заранѣе сложить съ себя отвѣтственность; 2) я не намѣренъ повторять того, что дѣлалъ однажды, потому что повтореніе скучно ¹⁾).

„Правила, которыя Вы обязаны соблюдать, такъ дики, что, кажется, нѣтъ средства избавить Васъ отъ труда лично навѣстить меня, чтобы я могъ узнать о ходѣ дѣла,—извините, что я обременяю Васъ этимъ, но это—единственное средство отклонить недоразумѣнія, конечно, непріятныя для Васъ, какія-было произошли однажды. На то, чтобы Вамъ имѣть случай для доклада и полученія отвѣта, я полагаю, достаточно будетъ, если я подожду три-четыре дня. Но Вы согласитесь, что нужно же знать потомъ, что намѣрены дѣлать, и слѣдуетъ ли ждать дальше.

„Я—человѣкъ очень мягкій, всегда любящій извиняться: потому прошу у Васъ извиненія въ томъ, что обременяю Васъ своими просьбами. Я очень цѣню Вашу добрую волю и очень радъ былъ бы жить смирно, какъ жилъ прежде, не дѣлая Вамъ хлопотъ. Но обстоятельства принуждаютъ меня, и потому не будьте въ претензіи на мою видимую безпокойность,—спросите прислугу,—я точно такъ же спокоенъ и отчасти веселъ, какъ всегда. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою. *Н. Чернышевскій.*

„P. S. Это мое письмо, конечно, ужъ совершенно неофициальное; оно имѣетъ единственною цѣлью только показать собственно Вамъ, что Вамъ я очень благодаренъ и на Васъ нисколько не претендую, а, напротивъ, отчасти совѣщусь передъ Вами, что надоѣдаю Вамъ вещами, которыя могутъ казаться Вамъ странными, но въ самомъ дѣлѣ нисколько не странны“.

Вторая:

„Ваше Превосходительство. Я хотѣлъ писать Его Свѣтлости длинную записку, но разсудилъ, что она именно своею длиннотою могла бы затянуть развязку. Потому я предпочитаю просить Васъ при докладѣ Его Свѣтлости прилагаемой моей записки къ Вамъ—сообщить изустно Его Свѣтлости изъ сообщавшихся мною Вамъ моихъ мыслей, какія понадобятся

¹⁾ Очевидно, рѣчь идетъ о голодовкѣ.

по ходу Вашего разговора; изъ нихъ я осмѣливаюсь напомнить Вамъ тѣ, которыя, можетъ быть, важнѣе другихъ, и прибавить еще двѣ-три замѣтки, которыхъ я не сообщалъ Вамъ, потому что еще не видѣлся съ Вами послѣ того, какъ онѣ сдѣланы мною 23 февраля.

„1) Съ перваго же раза я говорилъ Вамъ, что меня арестовали по какимъ-нибудь пустымъ сплетнямъ; что тотчасъ по моемъ арестованіи лица, виновныя въ немъ, убѣдились, что слишкомъ сильно промахнулись своими сплетнями, и просто боятся сказать правительству, что ввели его въ ошибку; что поэтому они дѣлають только съ тою цѣлью, чтобы самими выпутаться изъ него, заглушивъ его длиннотою времени (я писалъ это однажды съ тою цѣлью, чтобы комиссія прочла и увидѣла, что не смѣетъ потребовать у меня отказа отъ такого дурного для нея утвержденія моего, и чтобы въ моемъ дѣлѣ остался документъ объ этомъ).

„2) Вообще я дѣлалъ все возможное, чтобы возбудить комиссію вызвать меня для объясненій, для сдѣланія мнѣ замѣчаній,—съ этою цѣлью я нѣсколько разъ писалъ рѣзкія дерзости—это вовсе не въ моемъ характерѣ, но это было нужно, чтобы доказать ей, что она боится или совѣстится взглянуть мнѣ въ лицо. И, дѣйствительно, она уличила себя въ этомъ. Вы сами были свидѣтель, что отъ одного воспоминанія о моихъ рѣзкостяхъ корчились и теряли хладнокровіе,—значить, чувствовали ихъ; а вызвать для требованія отвѣта или для отреченія отъ нихъ—все-таки, не посмѣли ни разу. Комиссія можетъ объяснять такую ангельскую свою терпѣливость какими ей угодно причинами — пренебреженіемъ, снисхожденіемъ, но, конечно, никто изъ людей съ здравымъ смысломъ не повѣритъ возможности другого мотива, кромѣ того, который привожу я.

„3) Вѣрность этого моего объясненія терпѣливости комиссіи къ обидамъ отъ меня совершенно подтвердилась тѣмъ, что я видѣлъ во время разговора моего 23 февраля съ членами комиссіи: я началъ говорить, по своей привычкѣ, легко и шутя, любезно,—и лица членовъ приняли и сохранили во все время разговора выраженіе, говорившее: „Ну, слава Богу, какъ легко мы отъ него отдѣливаемся“; они могутъ признаваться или не признаваться въ этомъ,—какъ имъ угодно, но вѣдь я былъ въ очкахъ и потому видѣлъ выраженіе ихъ лицъ.

„4) Я официально заявилъ въ комиссіи при первомъ (и

единственномъ) моемъ допросѣ, что по окончаніи моего дѣла я подамъ жалобу на дѣйствія комиссіи.

„5) Прежде, чѣмъ въ эти послѣдніе дни я сталъ писать Вамъ записки съ дерзкими выраженіями о комиссіи (Вы теперь знаете цѣль этихъ рѣзкостей—заставить комиссію уличать себя саму въ томъ, что совѣстится или труситъ видѣть меня)—я два раза писалъ мягкія, формально-мирныя просьбы о разрѣшеніи мнѣ новыхъ свиданій съ моею женою.

„6) Да вообще я всегда начинаю мягко и мирно, желая избѣжать скандала; только вынуждаемый крайностью, я прибѣгалъ къ другимъ средствамъ; но въ этихъ другихъ средствахъ я съ каждымъ новымъ разомъ шелъ дальше и дальше. Теперь у меня въ запасѣ остается только одно изъ этихъ тяжелыхъ для меня средствъ,—не то, которое было употреблено мною въ концѣ января и началѣ февраля,—нѣтъ, повтореніе было бы скучно; этого послѣдняго моего средства я вовсе не желаю употреблять,—думаю, что мнѣ не придется употреблять его; но Вы согласитесь, что я не сталъ бы писать такъ, какъ пишу, еслибы не зналъ, что я ни отъ кого не въ зависимости, если такъ понадобится. Пожалуй, вычеркните эти строки, чтобы не было вида угрозы. Но неужели эти глупцы до сихъ поръ не поймутъ, что со мною шутить—вещь рискованная? (NB. Обыска не стоитъ производить,—у меня нѣтъ ни ядовъ, ни кинжаловъ, никакихъ подобныхъ штукъ,—я до нихъ вообще не охотникъ). Повторяю: я вовсе не угрожаю,—я только говорю, что я дѣйствую по расчету: если я горячусь, я горячусь по расчету; если я терплю, я терплю до рассчитаннаго срока. Если кому кажется, что я дѣйствую по увлеченію, то я на это замѣчу, что всѣ называютъ меня человѣкомъ умнымъ,—слѣдовательно, очень можетъ быть, что я поступаю не безъ нѣкотораго соображенія...

„7) Еслибы стали говорить, что свиданія мои съ женою моею не допускались въ видахъ соблюденія знаменитой нашей канцелярской тайны (которая у насъ вовсе не соблюдается лицами, которыми должна охраняться,—напримѣръ, за двѣ недѣли до моего ареста мнѣ сдѣланъ былъ очень явный намекъ,—конечно, вовсе незамѣченный лицомъ, дѣлавшимъ его и думавшимъ, что дурачить меня, тогда какъ я издѣвался надъ нимъ,—намаекъ вовсе не произвольный со стороны этого лица, но очень понятный для меня,—что меня хотятъ аресто-

вать; я пренебрегъ этимъ, думая: нѣтъ, вы не посмѣете такъ компрометировать правительство,—кто это лицо, вы можете догадаться: я Вамъ говорилъ о немъ нѣсколько разъ, какъ о болтунѣ ¹⁾),—еслибы стали говорить, что моихъ свиданій съ женою не допускали въ видахъ соблюденія канцелярской тайны,—это пустяки: во-1-хъ, мнѣ не о чемъ разспрашивать, потому что противъ меня нѣтъ обвиненій; во-2-хъ, у меня нѣтъ нужды рассказывать что-нибудь для того, чтобы узнали это въ городѣ, — разбалтываніе дѣлается (очень давно) лицами, которыя были бы обязаны молчать по долгу службы. Я, на-примѣръ, былъ довольно пріятно изумленъ, когда прежде, чѣмъ успѣлъ вымолвить хоть одно слово женѣ, услышалъ отъ нея вопросъ: „Зачѣмъ тебя держать? Вѣдь противъ тебя нѣтъ никакихъ обвиненій“.—Да ты почему-жъ это знаешь?—спросилъ я ее.—„Да какъ же, —вѣдь это давно всѣмъ извѣстно; объ этомъ такъ давно говорили, что ужъ и говорить устали“. Вотъ вамъ канцелярская тайна! Это курамъ на смѣхъ.

„8) Собственно для меня рѣшительно все равно, сидѣть ли въ заключеніи, или въ своемъ кабинетѣ. Но мнѣ необходимо скорое освобожденіе потому, что здоровье моей жены требуетъ этого.

„9) Въ моемъ дѣлѣ, кромѣ общей несправедливости, есть много частныхъ очень неблагоприятныхъ. Назову двѣ изъ нихъ: во-1-хъ, пропажа золотого кольца во время второго обыска, дѣлавшагося безъ меня. Кольцо лежало въ запертой шкатул-кѣ; шкатулка стояла въ комнатѣ, запечатанной при первомъ обыскѣ,—какова эта штука? А вотъ какова эта, во-2-хъ: моей жепѣ долго не выдавали вида на проживаніе въ Петербургѣ, чтобъ вытѣснить ее полицейскими придирками изъ Петербурга,—а вѣдь она не только для свиданій со мной пріѣхала: ей приказали ѣхать въ Петербургъ медики,—это было необходимо для лѣченія. Однажды Вы сказали мнѣ, что невыдаваніе вида ей могло быть слѣдствіемъ ошибки или недоразумѣнія,—нѣтъ, у меня есть доказательство противнаго, доказательство того, что это было дѣлано съ умысломъ. Такихъ милыхъ вещей я могу подобрать не одинъ десятокъ.

„10) Вообще, каждое изъ моихъ словъ я могу подтвердить

¹⁾ Должно быть, рѣчь идетъ объ А. Л. Потаповѣ.

фактами. Я не такъ глупъ, чтобъ говорить въ подобной запискѣ что-нибудь, кромѣ того, что могу доказать.

„Само собою разумѣется, что Ваше Превосходительство, передавая эти мои мысли и замѣчанія, нисколько не принимаете на себя ручательства за ихъ вѣрность, — я прошу Васъ только передать ихъ Его Свѣтлости, какъ мои мысли. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою. *Н. Чернышевскій*“.

Третья записка:

„Чернышевскій имѣетъ честь покорнѣйше просить Его Превосходительство Г. Коменданта С.-Петербургской крѣпости доложить Его Свѣтлости Г. С.-Петербургскому Генераль-Губернатору слѣдующее:

„1. Чернышевскій приносить Его Свѣтлости благодарность за то, что имѣлъ свиданіе со своею женою (23 февраля).

„2. Передъ этимъ свиданіемъ Чернышевскій имѣлъ разговоръ съ нѣкоторыми изъ гг. членовъ комиссіи. Чернышевскій говорилъ имъ: „Какъ же это комиссія можетъ поступать со мною такимъ образомъ, какимъ поступала?“ Ему на это отвѣчали: „Съ вами поступали жестоко, но не кладите отвѣтственности за то на комиссію; это дѣйствовала не она“. Чернышевскій говорилъ: „Если вы полагаете, что я когда-нибудь могъ вѣрить, что противъ меня существовали какія-нибудь обвиненія, то вы ошибаетесь“. Ему отвѣчали: „Это такой случай, какъ противъ меня (члена комиссіи, отвѣчавшаго Чернышевскому) могли бы быть подозрѣнія въ убійствѣ“ (Чернышевскій увѣренъ, что дѣйствительно противъ лица, говорившаго съ нимъ, могли бы быть только вздорныя подозрѣнія въ убійствѣ, изъ которыхъ никакъ не могло бы произойти никакого обвиненія, — вѣдь отъ подозрѣнія до обвиненія, по законамъ о слѣдственномъ производствѣ, очень далеко, и отъ обвиненія до ареста — тоже очень далеко: чтобы арестовать, нужно, по закону, хорошенько разсмотрѣть солидность обвиненія; а чтобы составилось обвиненіе, нужно бы, по закону, разсмотрѣть основательность подозрѣній). Чернышевскій говорилъ: „Да когда же это кончится? Когда вы освободите меня?“ Ему отвѣчали: „Черезъ нѣсколько дней“. Вообще весь характеръ разговора (дружелюбнаго и веселаго, по привычкѣ Чернышевскаго до послѣдней крайности выдерживать такой тонъ и составлять другихъ понимать его) былъ таковъ, что Чернышев-

скій винилъ и укорялъ, а передъ нимъ извинялись и слагали съ себя отвѣтственность на другихъ.

„3. Еслибы кто-нибудь,—но здравому смыслу, этого нельзя ждать, но съ Чернышевскимъ сдѣлано довольно много такого, чего нельзя ждать по здравому смыслу,—еслибы кто-нибудь осмѣлился сказать, что Чернышевскій не съ совершенною точностью передаетъ или хотя одно изъ приводимыхъ имъ словъ разговора, или общій смыслъ, характеръ разговора, то Чернышевскій бросаетъ въ лицо такому человѣку названіе лжеца и требуетъ очной ставки съ тѣмъ, чтобы доказать, что справедливо клеймить его такимъ названіемъ.

„4. Послѣ этого Чернышевскій, кажется, имѣетъ право сказать, что то лицо (или тѣ лица), которое внушило (или котораго внушили) или Его Величеству, или Его Свѣтлости сомнѣніе въ совершенной справедливости просьбы Чернышевскаго о его освобожденіи по недостатку обвиненій противъ него, выраженной въ письмахъ Чернышевскаго къ Его Величеству и къ Его Свѣтлости отъ 20 — 22 ноября прошлаго года, что это лицо виновно (или эти лица виновны) передъ правительствомъ, которое они ложными своими увѣреніями ввели въ напрасное продленіе напрасной несправедливости.

„Н. Чернышевскій.

„12 марта 1863 года“.

Разумѣется, комиссія бумаги эти „пріюбила къ дѣлу“ и только.

VI.

Наконецъ, 16 марта Чернышевскій понялъ, почему съ нимъ „шутили“ такъ пастойчиво и пагло. Въ этотъ день съ него былъ снятъ допросъ, и Н. Г. ясно увидѣлъ, какимъ „козыремъ“ обладала комиссія...

На вопросы ея, почему Герценъ писалъ Серпо-Соловьевичу объ изданіи „Современника“ за-границей, и когда Чернышевскимъ было дано на это согласіе,—Н. Г. отвѣчалъ: „Подтверждаю-прежнее показаніе и совершенно не знаю, на какомъ основаніи г. Герцену вздумалось, что я могъ согласиться издавать съ нимъ журналъ, ибо никакихъ сношеній

съ нимъ не имѣлъ, ни прямыхъ, ни черезъ какое-либо посредство“.

Относительно письма Огарева и Герцена онъ показалъ:

„Письмо это я получилъ по городской почтѣ весною (или въ началѣ лѣта) 1862 г. ¹⁾; къмъ оно было мнѣ прислано—не знаю. По тону рѣчи и языку видно, что оно писано гг. Огаревымъ и Герценомъ (почерковъ ихъ я не знаю, потому сужу только по содержанію письма); къ кому оно писано—неизвѣстно мнѣ. Къмъ и для чего и какія слова выскоблены въ немъ—я не знаю,—оно было прислано ко мнѣ со словами, уже выскобленными (вѣроятно, посылавшій его ко мнѣ хотѣлъ, чтобы не зналъ я его фамиліи и другихъ: вѣроятно, выскобленные слова—фамиліи). Лицо, которому я поручалъ передать Герцену, чтобы онъ не увлекалъ молодежь въ политическія дѣла,—г. М. И. Михайловъ, ѣздившій за-границу лѣтомъ 1861 года. Слова, что я „имѣю вліяніе на юношество“, означаютъ, что я, какъ журналистъ, пользовался уваженіемъ въ публикѣ. „Знамя“, о которомъ упоминается въ письмѣ,—наше обычное общинное землевладѣніе, которое я постоянно защищалъ, но относительно котораго всетаки выражалъ сомнѣніе, удержится ли оно противъ расположенія къ потомственному землевладѣнію,—это объясняется въ статьѣ „Современника“ (моей), которою Герценъ остался недоволенъ; выраженіе „ѣхали вмѣстѣ“ относится къ тому, что я, подобно Герцену, защищалъ обычное наше общинное землевладѣніе. Порученіе М. И. Михайлову отклонять Герцена отъ вовлеченія молодежи въ политическія дѣла основывалъ я на общеизвѣстныхъ слухахъ о томъ, что Герценъ желаетъ производить политическую агитацію,—я поручалъ Михайлову сказать Герцену, что изъ этого не можетъ выйти ничего хорошаго, ни съ какой точки зрѣнія, что это повело бы только къ несчастію самихъ агитаторовъ“ ²⁾.

О картонныхъ полоскахъ съ алфавитомъ и цифрами Чернышевскій отзывался: „Эти лоскутки заключаютъ въ себѣ ка-

¹⁾ Значить, долго спустя послѣ полученія этого письма адресатомъ.

²⁾ 19 марта Чернышевскій къ этому добавилъ: „М. И. Михайловъ, отправляясь за-границу, упомянулъ мнѣ, что если онъ поѣдетъ въ Англію, то, можетъ быть, увидится съ Герценомъ. Больше мнѣ ничего не было извѣстно. О намѣреніяхъ Михайлова издавать что-нибудь тайное я не зналъ. О сообщникахъ его тоже не зналъ и самъ никакого участія ни въ какихъ замыслахъ Михайлова не принималъ“.

кую-то азбучную шалость, составленную неизвестно мнѣ кѣмъ изъ моихъ родственниковъ, живавшихъ у меня“.

„Съ Михайловымъ я познакомился, когда былъ студентомъ, а онъ—вольнослужающимъ; потомъ видывался и почти всегда по журнальнымъ дѣламъ (г. Михайловъ читалъ корректуры „Современника“, по желанію г. Некрасова). Съ г. Шелгуновымъ я былъ знакомъ уже черезъ г. Михайлова; кромѣ того, онъ помѣщалъ статьи въ „Современникъ“; это знакомство было слишкомъ неблизкое. Г. В. Костомарова я видѣлъ нѣсколько разъ по тому случаю, что онъ помѣщалъ статьи въ „Современникъ“. У г. Михайлова и г. Шелгунова я бывалъ; къ г. Костомарову заѣзжалъ однажды отдать деньги за стихи (когда проѣзжалъ черезъ Москву въ Саратовъ). Гг. Михайловъ и Шелгуновъ бывали у меня по журнальнымъ дѣламъ. Собственно журнальными дѣлами ограничивалось мое знакомство и съ гг. Костомаровымъ и Шелгуновымъ. О распространеніи возмутительныхъ сочиненій г. Костомаровымъ я ничего не зналъ; о преступленіи г. Михайлова—точно также ничего. Подъ журнальными дѣлами, которыя имѣлъ я съ гг. Шелгуновымъ и Костомаровымъ, я разумѣю то, что г. Шелгуновъ приносилъ мнѣ свои статьи, а г. Костомаровъ—свои стихи для помѣщенія въ „Современникъ“; я никому изъ нихъ никакихъ порученій не давалъ“.

„Изъ лицъ, жившихъ въ Москвѣ, я былъ знакомъ съ г. Плещевымъ. Въ 1861 г. весной я ѣздилъ въ Москву хлопотать по цenzурнымъ дѣламъ и прожилъ тамъ дня три; въ 1862 г. я проѣзжалъ черезъ Москву въ Саратовъ и пробылъ тамъ нѣсколько часовъ. Бывши въ 1861 г. въ Москвѣ, я бывалъ у г. Каткова. Жилъ въ гостиницѣ противъ дома Шитова,—вѣроятно, на Лубянкѣ. Г. Плещеевъ—литераторъ, постоянно помѣщавшій повѣсти въ „Современникъ“; другихъ отношеній къ нему у меня нѣтъ и не было“.

Относительно воззванія къ барскимъ крестьянамъ Чернышевскій показаль: „Ничего подобнаго я не писалъ. Эти свѣдѣнія неосновательны. Г. Сороко я не знаю; ни съ Михайловымъ, ни съ г. Костомаровымъ, ни съ Шелгуновымъ ничего подобнаго не говорилъ и никакихъ статей для тайной печати не писалъ. Г. Костомарову никакой статьи о крестьянскомъ дѣлѣ не передавалъ. Все, что я писалъ, печаталось въ „Современникъ“. Г. Костомаровъ не имѣлъ никакого участія въ

моей дѣятельности, которая всегда была открыта и законна. Никогда не имѣлъ я никакихъ сношеній съ Костомаровымъ по тайному печатанію и ничего не поручалъ печатать. Но подарилъ ему сборникъ рукописный—лирическія стихотворенія, которыя когда-то хотѣлъ издать съ книгопродавцемъ Вольфомъ, и который валялся у меня брошенный“.

„О воззваніи къ русскимъ солдатамъ я ничего не знаю“.

Что касается составленія прокламаціи къ раскольникамъ въ гостиницѣ, Н. Г. отвѣчалъ: „Ничего такого не было. Эти свѣдѣнія неосновательны“.

Когда комиссія, въ опроверженіе показанія о поверхностномъ знакомствѣ съ Костомаровымъ, предъявила Чернышевскому его письма къ послѣднему, то Н. Г. отвѣтилъ: „Мои слова не имѣли того смысла, что я знакомъ въ Москвѣ *только* съ *однимъ* г. Плещеевымъ,—я вспомнилъ о немъ потому, что больше знакомъ съ нимъ, чѣмъ съ кѣмъ другимъ, хотя, все-таки, не слишкомъ близко; будучи знакомъ съ г. Костомаровымъ только по журнальнымъ дѣламъ, я, по своей привычкѣ помогать всякому нуждающемуся, принималъ человѣческое участіе въ его стѣсненномъ положеніи, — просто по чувству доброты Г. Котляревскій—преподаватель въ какомъ-то московскомъ кадетскомъ корпусѣ ¹⁾; я былъ знакомъ съ нимъ, какъ съ литераторомъ и человѣкомъ умнымъ. Г. Свириденко—служить въ книжномъ магазинѣ Кожанчикова; я былъ нѣсколько знакомъ съ нимъ, какъ съ человѣкомъ образованнымъ; онъ искалъ моего знакомства, — я не могу отказываться отъ посѣщеній, мнѣ дѣлаемыхъ,—у меня такой характеръ, слишкомъ деликатный. Ни съ г. Котляревскимъ, ни съ Свириденко я не былъ близокъ“.

Наконецъ, дѣло дошло до центрального пункта: Чернышевскому предъявили карандашную записку къ Костомарову. Онъ отвергъ ее, написавъ: „Предъявленная мнѣ записка не моего почерка; я не признаю ее своею и потому остаюсь при прежнемъ отвѣтѣ“. А на самой запискѣ написалъ: „Эта записка была мнѣ предъявлена комиссіею, и я не признаю ее своей. Этотъ почеркъ красивѣе и ровнѣе моего. Отставной тит. сов. Н. Чернышевскій. 16 марта 1863 г.“.

19-го Чернышевскому была дана очная ставка съ Костомаровымъ.

¹⁾ Отецъ нынѣшняго профессора, Н. А. Котляревскаго.

Ваше письмо
получено. Благодарю
вас за участие в
дело издательства.

Ваша
Знаю замечания Ваши и по поводу
на Комитетом и не признаю ее
своей. Дрожа потеряю право и рече-
ние свое. Вручу
свободу и Чернышевский
14 марта 1863.

Подложная карандашная записка (въ настоящую величину).

Приведу протоколъ о ней полностью. Онъ очень характеренъ и необходимъ для яснаго пониманія дальнѣйшаго.

Костомаровъ: „Я съ своей стороны подтверждаю свои прежнія показанія:

а) „что былъ введенъ въ домъ къ г. Чернышевскому Михайловымъ; что г. Чернышевскій въ присутствіи Михайлова читалъ мнѣ возмутительное воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“, написанное имъ, Чернышевскимъ“;

Чернышевскій: „Я съ своей стороны остаюсь при прежнихъ своихъ отвѣтахъ:

А) „Кѣмъ и когда я былъ познакомленъ съ г. Костомаровымъ—я не помню. Воззванія „Къ барскимъ крестьянамъ“ въ присутствіи г. В. Д. Костомарова вмѣстѣ съ г. М. И. Михайловымъ я не читалъ и этого воззванія не писалъ“.

К.: b) „что впослѣдствіи я получилъ отъ г. Сороко это воззваніе въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, причемъ Сороко мнѣ сказалъ, что получилъ это воззваніе отъ Чернышевскаго вмѣстѣ съ 200 р. на издержки по тайному печатанію брошюры“;

Ч.: B) „Съ г. Сороко я незнакомъ,—потому денегъ я ему не давалъ ни на тайное печатаніе, ни на что другое; не давалъ ему и воззванія „Къ барскимъ крестьянамъ“.

К.: с) „что печатаніе воззванія началось у меня въ домѣ, и г. Чернышевскій, посѣтивъ меня, видѣлъ наборъ этого воззванія и оставилъ мнѣ денегъ на дальнѣйшее производство работы“;

Ч.: C) „Набора у г. Костомарова я не видѣлъ, денегъ на работу ему не оставлялъ“.

К.: d) „что, придя ко мнѣ въ другой разъ, онъ не засталъ меня дома и оставилъ на столѣ предъявленную мнѣ записку, въ которой просилъ меня исправить въ своей брошюрѣ невѣрно написанное имъ выраженіе „срочнообязанные“ и замѣнить его словомъ „временнообязанные“;

Ч.: D) „Записка эта не писана мною“.

К.: e) „что весной 1861 г. въ Знаменской гостиницѣ г. Чернышевскій диктовалъ мнѣ воззваніе „Къ раскольникамъ“, съ тѣмъ, чтобы я напечаталъ и его; но я этого не исполнилъ“;

Ч.: E) „Въ Знаменской гостиницѣ я не былъ съ г. Костомаровымъ и воззванія „Къ раскольникамъ“ ему не диктовалъ“.

К.: f) „что я писалъ къ г. Чернышевскому о томъ, что онъ

поступилъ весьма неосторожно, поручивъ печатаніе своей брошюры Сороко;

Ч.: F) „Такого письма отъ г. Костомарова я не получалъ“.

К.: g) „передъ поѣздкой въ Знаменскую гостиницу г. Чернышевскій заѣхалъ въ квартиру моего отца, на Поварскую; номеръ Знаменской гостиницы я запомнилъ тѣмъ, что изрѣзалъ подоконникъ перочиннымъ ножомъ, взятымъ нами въ числѣ принадлежностей для писанія“.

Ч.: G) „На квартирѣ у бабушки г. Костомарова въ Поварскомъ переулкѣ я былъ, но оттуда отправился прямо домой“.

Комиссія, разумѣется, торжествовала свою побѣду, видя, какимъ „молодцомъ“ держится ея союзникъ, Костомаровъ.

Что чувствовалъ и думалъ Чернышевскій—трудно сказать. Но онъ еще не потерялъ надежды на благоприятный исходъ дѣла, твердо вѣря, разумѣется, не въ порядочность правительства вообще, а просто въ его благоразуміе; вѣря, что оно не станетъ скандализировать себя явно незаконнымъ приговоромъ ужъ слишкомъ замѣтному человеку... Въ этой вѣрѣ онъ и черпалъ силы и спокойствіе духа, необходимыя для продолженія начатыхъ литературныхъ работъ.

А онѣ шли усиленнымъ темпомъ. Гербинусъ подвигался быстро и то и дѣло отсылался Пыпину. 26 марта Потаповъ прислалъ въ комиссію 4-ю главу „Что дѣлать?“, 28 и 30—еще главы, а 6 апрѣля получено было и окончаніе. Какъ и прежде, романъ читалъ кто-нибудь изъ членовъ комиссіи, не находилъ въ немъ ничего, касающагося дѣла, и его отправляли къ Пыпину черезъ оберъ-полицеймейстера, каждый разъ напоминая, что печатаніе его должно происходить на общемъ основаніи съ разрѣшенія цензуры. Цензора „Современника“, гдѣ печатался романъ въ мартовской, апрѣльской и майской книжкахъ, видя на рукописи печать и шнуры комиссіи, проникались соотвѣтствующимъ трепетомъ и, не читая, пропускали ¹⁾.

¹⁾ Въ литературѣ по этому поводу масса самыхъ разнообразныхъ ро сказій. Кто приписываетъ разрѣшеніе романа князю А. Г. Голицыну, кто—Потапову, кто—Валуеву и т. д. и, что любопытно, почти все ссылаются на „достоверныхъ“ свидѣтелей и „очевидцевъ“. Скальковскій (см. „Новое Время“ 1904 г., № 10303) прибавилъ еще одну выдумку. Подъ романомъ, видите ли, подписано было: „4 апрѣля 1862 года“, и указывалось, что черезъ четыре года произойдетъ важное событіе. 4 апрѣля 1866 года Каракозовъ покушался на Александра II... Все это совершенный

Но возникает невольно вопрос: почему же послѣ напечатанія начала „Что дѣлать?“ власти не хватились и не поторопились исправить свою ошибку? По-моему, были двѣ причины: сразу вообще не поняли значенія романа, и, во-вторыхъ, цензурное вѣдомство чувствовало себя спокойно за спиной комиссiи, а послѣдняя, не зная этого и занятая массою дѣлъ, не интересовалась ни романомъ, ни произведеннымъ имъ впечатлѣнiемъ.

VII.

По содержанiю допросовъ и очной ставки рѣшено было вызвать въ Петербургъ Сороко и Яковлева.

Въ это время исправлявшiй должность московскаго губернскаго прокурора прислалъ Потапову докладную записку Яковлева и отобранныя отъ него бумаги.

Оказывается, достойный помощникъ Костомарова такъ обрадовался случаю выпить на жандармскiй счетъ, что на станци Тверь былъ задержанъ за буйство въ пьяномъ видѣ и переданъ въ мѣстную полицию. Оттуда его направили въ Москву, а мѣщанское общество постановило заключить Яковлева, уже неоднократно попадавшагося въ буйствѣ, въ смирительный домъ на четыре мѣсяца.

„Находясь въ настоящее время въ московскомъ смирительномъ и рабочемъ домѣ, я,—пишетъ Яковлевъ Потапову,—упустилъ возможность лично объяснить Вашему Превосходительству обстоятельства, касающiяся до г. Чернышевскаго, равно и письмо г. Чулкова, изъ котораго Вы изволили бы усмотрѣть

вадоръ: подъ романомъ подписано: „4 апрѣля 1863 г.“... Головачева-Панаева рассказываетъ о потерѣ Некрасовымъ рукописи „Что дѣлать?“ съ экипажа. Оказывается, въ ея пространномъ разсказѣ, какъ и всегда, много лишняго и невѣрнаго. Романъ былъ доставленъ только на третiй день послѣ утери. Вотъ текстъ объявленiя, поставленнаго Некрасовымъ въ №№ 29, 30 и 31 „Вѣдомостей Спб. Городской Полиции“ за 1863 годъ: „Потери рукописи. Въ воскресенье, 3 февраля, во второмъ часу дня, проѣздомъ по Б. Конюшенной отъ гостиницы „Демуть“ до угольнаго дома Кангера а оттуда чрезъ Невскiй пр., Караванную и Семеновскiй мостъ до дома Краевского, на углу Литейнаго и Бассейной, оброчень свертокъ, въ которомъ находились двѣ прошнурованныя по угламъ рукописи съ заглавiемъ „Что дѣлать?“ Кто доставитъ этотъ свертокъ въ означенный домъ Краевского къ Некрасову, тотъ получитъ пятьдесятъ руб. сер.“

надобность личного моего присутствія въ Петербургъ для разъясненія обстоятельствъ, сопряженныхъ съ отношеніемъ г. Чернышевскаго къ Костомарову, а потому я осмѣливаюсь убѣдительноше просить Ваше Превосходительство приказать вытребовать меня въ Петербургъ, хотя бы за карауломъ, но только въ собственной одеждѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ истребовать доносъ и письмо на Ваше имя, которыя въ настоящее время находятся въ домѣ московскаго городского общества⁴.

Яковлевъ ошибся: доносъ его былъ давно уже полученъ отъ Чулкова, а рекомендательное письмо послѣдняго къ Потапову и письмо Костомарова къ матери прокуроръ приложилъ при вышеприведенномъ документѣ.

5 апрѣля Сороко и Яковлевъ были доставлены въ III Отдѣленіе.

Черезъ три дня ихъ допросили.

Сороко показалъ, что дѣйствительно пріѣзжалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Костомаровымъ, но для хлопотъ по переводу своему изъ московскаго университета въ медико-хирургическую академію. У нихъ никто не бывалъ. Уѣзжая въ Москву, Костомаровъ просилъ его зайти къ Михайлову переговорить насчетъ своихъ стиховъ. Сороко исполнилъ просьбу и получилъ отъ Михайлова запечатанное письмо къ Костомарову. Что касается Чернышевскаго, то онъ его не знаетъ, никогда у него не былъ и никакихъ денегъ отъ него не получалъ.

На очной ставкѣ съ Костомаровымъ Сороко подтвердилъ всѣ эти показанія.

Яковлевъ заявилъ: „Доказательствъ, кромѣ своего справедливаго доноса, представить не могу, а уличать и доказывать справедливость слышаннаго мною разговора г. Чернышевскаго съ Костомаровымъ лично могу, потому что очень хорошо помню разговоры ихъ.

Въ 1858 и 1859 гг. Яковлевъ жилъ въ квартирѣ въ домѣ Костомаровыхъ. Отношенія ихъ были чисто дѣловыя, какъ съ переписчикомъ.

„Видалъ я г. Чернышевскаго положительно три раза. Первый разъ—въ февралѣ или мартѣ мѣсяцѣ 1861 г., а за вѣрное припомнить не могу, но только хорошо помню, что г. Чернышевскій былъ въ епотовой шубѣ; второй разъ—вскорѣ послѣ этого времени и, наконецъ, третій разъ—въ іюлѣ мѣсяцѣ 1861 г. (числа же припомнить не могу), именно въ то время, когда

онъ ѣхалъ въ Саратовскую или Симбирскую губернію. Въ этотъ послѣдній прїѣздъ г. Чернышевскаго я дѣйствительно находился въ бесѣдкѣ сада г. Костомарова, изъ которой и слышалъ разговоръ г. Чернышевскаго съ Костомаровымъ, когда они ходили по саду подъ руку, и г. Чернышевскій дѣйствительно произносилъ слова: „барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ. Вы ждали отъ царя воли,—вотъ вамъ и воля вышла“—и между тѣмъ усиленно упрашивалъ Костомарова поскорѣе напечатать эту статью. За какими именно надобностями бывалъ г. Чернышевскій у г. Костомарова—мнѣ неизвѣстно, а полагаю, что по короткому ихъ (какъ это видно было) знакомству. Видѣлъ же я Костомарова въ послѣдній разъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1862 года¹⁾.

Очевидно, комиссіи надо было показать, всетаки, видъ, что она не склонна признавать голословныя показанія Костомарова окончательными обвиненіями Чернышевскаго, и потому 11 апрѣля она запросила его, чтѣ онъ можетъ представить къ уликѣ. Костомаровъ отвѣчалъ, что „фактическихъ доказательствъ къ уликѣ г. Чернышевскаго, кромѣ тѣхъ, которыя уже имѣются въ виду комиссіи, дать никакихъ не можетъ, но просить доставить ему еще разъ очную ставку съ г. Чернышевскимъ, ибо, можетъ быть, ему удастся подѣйствовать на него силою убѣжденія“...

Разумѣется, очная ставка была дана на слѣдующій же день, но Чернышевскій не поддался силѣ костомаровскихъ убѣжденій... Мало того, когда она была закончена, Н. Г., обратясь къ комиссіи, сказалъ: „Сколько бы меня ни держали, я посѣдѣю, умру, но прежняго своего показанія не измѣню“... Этому заявленію онъ остался вѣренъ до конца.

Въ тотъ же день Чернышевскаго предъявили Яковлеву, но при такой обстановкѣ, что онъ безошибочно могъ утверждать, что именно его-то и видѣлъ у Костомарова... Затѣмъ имъ была дана очная ставка.

Яковлевъ прибавилъ на этотъ разъ, что—„въ первое посѣщеніе г. Чернышевскимъ Костомарова они сидѣли въ кабинетѣ послѣдняго, и г. Чернышевскій разговаривалъ что-то съ жаромъ, тихо и, повидимому, очень осторожно; разговора же ихъ въ то время я слышать не могъ, потому что входилъ въ

¹⁾ Явная ложь: они видѣлись 1 марта 1863 г. въ Москвѣ.

комнату одинъ разъ, подавая имъ чай или закуску, чего хорошенько припомнить не могу. Во второй же разъ г. Чернышевскій не засталъ г. Костомарова дома, а оставилъ ему запечатанную записку, написанную имъ въ комнатѣ Костомарова на бумагѣ, лежащей на столѣ, и, кажется, одна сторона была исписана“. На это Чернышевскій возразилъ, что „въ бытность его въ Москвѣ проездомъ (въ августѣ 1861 г., а не въ іюнѣ, какъ онъ теперь воображаетъ) онъ заходилъ къ г. Костомарову на нѣсколько времени и просидѣлъ это время у него въ бесѣдкѣ“. „Я былъ въ Москвѣ въ 1861 г. до конца августа только два раза, а не три. Никакой записки г. Костомарову въ бытность мою въ Москвѣ я не оставлялъ, потому что заставлялъ его дома, когда заходилъ“. Остальныя показанія Яковлева Чернышевскій отвергалъ безусловно.

Въ тотъ же день комиссія рѣшила отпустить Сороко въ имѣніе, откуда онъ былъ вытребованъ, взявъ съ него подписку о неразглашеніи о своемъ вызовѣ въ Петербургъ, а Яковлева вернуть въ смиренительный домъ для окончанія наложеннаго на него обществомъ взысканія... Это рѣшеніе въ высокой степени характерно: вѣдь каждому ясно, что оговоръ Костомарова одинаково компрометировалъ и Чернышевскаго, и Сороко. Но перваго рѣшено было не выпускать изъ рукъ иначе, какъ въ кандалахъ, а втораго—совершенно освободить... Очень все это не тонко... Каждому понятно, что Сороко вызывался исключительно въ расчетѣ услышать и отъ него джесвидѣтельство, а когда онъ не оправдалъ этихъ надеждъ, то комиссія, хорошо понимая, что оговоръ Костомарова—вздоръ, и не желая начинать дѣла противъ Сороко, отпустила его на все четыре стороны... Что касается Яковлева, то его не могли не заключить: приговоръ общества не подлежалъ чьей бы то ни было отмѣнѣ, да и добиваться ея было бы ужъ слишкомъ нетактично.

Затѣмъ комиссія рѣшила сличить почеркъ Чернышевскаго съ почеркомъ карандашной записки, для чего вызвать секретарей сената. Любопытно, что сенаторъ Гедда рѣшился подать свое особое мнѣніе: сличеніе почерка можетъ дѣлать только судъ и притомъ на точномъ основаніи особыхъ для этого правилъ. Но министръ юстиціи отказалъ въ командированіи секретарей сената безъ его опредѣленія объ этомъ, и потому пришлось ограничиться чиновниками губернскаго правленія

и палаты. 24 апрѣля ихъ собралось пять человѣкъ, и они нашли, что „почеркъ записки имѣеть *нѣкоторое* сходство съ почеркомъ Чернышевскаго“.

Такимъ образомъ все шло, какъ по маслу...

Вдругъ къ Потапову является поэтъ Некрасовъ и вручаетъ ему только что полученное письмо изъ Москвы... Скрыть его было уже нельзя... Надо отправить въ комиссію...

Вотъ оно:

„Милостивый Государь, недѣли двѣ тому назадъ съ нами произошелъ случай, о которомъ считаемъ долгомъ довести до вашего свѣдѣнія.

„Мы находимся арестованными въ смиренномъ домѣ съ конца февраля; на страстной недѣлѣ къ намъ явился какой-то арестантъ, мѣщанинъ Петръ Васильевъ Яковлевъ (какъ сказалъ намъ) и началъ рѣчь съ того, что онъ содержится тоже за политическое преступленіе (какъ было замѣтно, онъ считалъ насъ арестованными за университетскіе безпорядки 61 г.) и потому рѣшился обратиться къ намъ за совѣтомъ. Въ чемъ долженъ былъ состоять этотъ совѣтъ, Вы увидите изъ нашего съ нимъ разговора, который мы постараемся передать Вамъ возможно точнѣе.

„— Я, господа, ѣздили по очень важному дѣлу въ Петербургъ, къ начальнику III Отдѣленія, но на Тверской станціи подвыпилъ немного и забуянилъ; тверская станція представила меня обратно въ Москву, къ оберъ-полицеймейстеру, передавъ меня въ распоряженіе мѣщанскаго общества, которое и послало меня за дурное поведеніе въ рабочій домъ; оно вотъ уже второй разъ присылаетъ меня сюда, все за пьянство...

„— По какому же дѣлу вы ѣздили къ г. Потапову?

„— А вотъ видите ли: былъ я знакомъ съ Всеволодомъ Дмитриевичемъ Костомаровымъ. На-дняхъ получаю записку безъ подписи, въ которой меня приглашаютъ явиться въ гостилицу „Венеція“ въ 18 номеръ. Явившись туда, я былъ крайне изумленъ, заставши тамъ Костомарова въ солдатской шинели и въ сопровожденіи жандармскаго офицера; оказалось, что записка была отъ Костомарова, который сдѣлалъ мнѣ слѣдующее предложеніе: „вотъ тебѣ письмо къ моей матери, поѣзжай съ нимъ въ Петербургъ и отдай его по адресу,—мать моя научитъ тебя, что дѣлать, и, ежели ты послѣдуешь ея наставленіямъ, то будешь хорошо вознагражденъ“.

„— А Костомаровъ не говорилъ Вамъ, что именно Вамъ придется дѣлать?

„— Говорилъ, и говорилъ, что я долженъ дать показаніе въ III Отдѣленіи въ томъ, будто я слышалъ, какъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій лѣтомъ 61 года, въ разговорѣ съ Костомаровымъ сказалъ слѣдующую фразу: „Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ. Вы ждали воли,—вотъ вамъ и воля. Благодарите царя“. Я не знаю, что значать эти слова и зачѣмъ Костомарову нужно, чтобъ я далъ такое показаніе, но скажите мнѣ, господа: если я дѣйствительно дамъ такое показаніе, можетъ ли сдѣлать для меня что-нибудь Потаповъ,—можетъ ли онъ, напримѣръ, велѣть освободить меня изъ рабочаго дома?

„— Ну это врядъ ли; мы думаемъ, что за ложное показаніе Потаповъ васъ будетъ скорѣе преслѣдовать, потому что по закону ложный свидѣтель подвергается строгому наказанію.

„— Я уже подаль Потапову отсюда прошеніе, и меня должны скоро потребовать въ Петербургъ; самъ не знаю, что дѣлать!..

„Мы сказали, что лучше всего будетъ, когда онъ скажетъ правду, и разговоръ на этомъ покончился. Мы не повѣрили Яковлеву, зная хорошо, что Костомаровъ не могъ быть въ это время въ Москвѣ, потому что онъ судился по одному съ нами дѣлу и, по приговору сената, конфирмованному государемъ и объявленному намъ 2 января этого года, долженъ подвергнуться шестимѣсячному заключенію въ крѣпости и потомъ уже ссылкѣ въ солдаты на Кавказъ. 4 апрѣля мы удивились, увидя на дворѣ Яковлева въ сопровожденіи двухъ жапдармовъ; его повезли, какъ намъ сказали, въ Петербургъ. Тогда мы вспомнили нашъ прежній разговоръ съ нимъ и невольно пришли къ такимъ предположеніямъ: 1) что Чернышевскій дѣйствительно обвиняется въ какомъ-нибудь политическомъ преступленіи; 2) что Костомаровъ и его семейство хотятъ съ помощью Яковлева подвергнуть Чернышевскаго несправедливому обвиненію суда. Все это заставляетъ насъ обратиться къ Вамъ, Милостивый Государь, какъ человѣку, вѣроятно, близкому къ г. Чернышевскому (по редакціи „Современника“), уполномочивая Васъ, въ случаѣ дѣйствительности нашихъ подозрѣній, представить это письмо, куда слѣдуетъ, чтобы предупредить возможность несправедливаго приговора суда.

„Все это мы готовы, въ случаѣ надобности, подтвердить передъ судомъ присягой. *Иванъ Гольцъ - Миллеръ, Петръ Петровскій-Ильенко, Александръ Новиковъ, Яковъ Сулинъ, Леонидъ Яценко.* Москва, 13 апрѣля 1863 г.“.

Что оставалось дѣлать комиссіи, когда въ обществѣ уже пошли разговоры о лжесвидѣтельствѣ, подкупахъ и пр.? Очевидно, надо было примѣрно наказать пьяницу-болтуна. И вотъ она входитъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о томъ, чтобы— „не ожидая окончанія 4-мѣсячнаго срока, на который Яковлевъ присужденъ обществомъ въ рабочій домъ, отправить его теперь же на жительство и подъ надзоръ полиціи въ Архангельскую губернію“. 22 апрѣля государь утвердилъ докладъ, и было сдѣлано распоряженіе о приведеніи его въ исполненіе... Такимъ образомъ, казалось, одно лжесвидѣтельство сорвалось совершенно, а авторитетъ другого сильно поколебался... Ничего подобнаго. Костомаровъ остался дорогимъ союзникомъ, а всѣ показанія Яковлева были оставлены въ полной силѣ. Мало этого, въ своемъ приговорѣ сенатъ разсказалъ о всей этой исторіи и, всетаки, основался на показаніяхъ Яковлева!..

VIII.

19 апрѣля былъ снятъ допросъ и съ Н. В. Шелгунова, арестованнаго, какъ извѣстно, въ Сибири и привезеннаго въ Петербургъ.

Онъ показалъ, что знаетъ и Чернышевскаго, и Костомарова, и Михайлова, и братьевъ Серно-Соловьевичей. „Николая Серно-Соловьевича, какъ домохозяина, у котораго я квартировалъ, и какъ содержателя книжнаго магазина; Александра Серно-Соловьевича, какъ издателя на русскомъ языкѣ перевода всемірной исторіи Шлоссера; Николая Чернышевскаго, какъ редактора „Современника“, въ которомъ я помѣщалъ свои статьи. Михайлова зналъ очень давно, и онъ у меня жилъ на квартирѣ; наконецъ, Всеволода Костомарова видѣлъ раза два у Михайлова. Мои отношенія къ этимъ лицамъ были такого рода: къ Николаю Серно-Соловьевичу, какъ къ домохозяину; съ нимъ я познакомился при переѣздѣ къ нему въ домъ въ январѣ 1862 г.; Александра Серно-Соловьевича видѣлъ разъ зимой 1861—1862 г. у Михайлова и потомъ, по переѣздѣ въ

домъ его брата, получили отъ него работу—переводъ исторіи Шлоссера. Съ Чернышевскимъ имѣлъ отношенія исключительно по поводу статей моихъ, помѣщавшихся въ „Современникъ“. Зналъ г. Чернышевскаго, какъ литератора съ замѣчательнымъ талантомъ, но знакомства съ нимъ не имѣлъ, посѣщая его исключительно по своимъ литературнымъ дѣламъ ¹⁾. По какому случаю, какъ познакомился съ Михайловымъ—не припомню, ибо знакомство наше давнее; но онъ жилъ прежде у меня на квартирѣ лѣтъ шесть или семь. Всеволода Костомарова я видѣлъ у Михайлова въ концѣ 1860 или въ началѣ 1861 года раза два, но знакомъ съ нимъ не былъ. Знакомыхъ въ Петербургѣ и внѣ онаго, кромѣ лицъ, съ которыми я находился въ служебныхъ отношеніяхъ, не имѣлъ⁴.

„Предъявленное мнѣ комиссіею воззваніе къ солдатамъ мнѣ неизвѣстно, и рукопись его я никогда не передавалъ Всеволоду Костомарову, и какое участіе въ составленіи его принимали Чернышевскій, Костомаровъ и Михайловъ—мнѣ неизвѣстно“.

„Участія въ составленіи воззванія къ барскимъ крестьянамъ не принималъ, и читалось ли оно въ квартирѣ Михайлова Костомаровымъ—не знаю, потому что при этомъ не былъ. Что же касается до обстоятельствъ его написанія, т. е. кѣмъ, когда и по какому случаю оно написано,—я этого не знаю“.

Что касается разсказа Костомарова о хожденіи съ солдатами въ харчевню, то Шелгуновъ призналъ его „совершенно невѣрнымъ“, ибо „ничего даже подобнаго онъ не дѣлалъ и не могъ дѣлать, по совершенному незнанію русскаго солдата“. „Съ Костомаровымъ я даже и не имѣлъ случая сталкиваться, ибо служилъ постоянно по спеціальной и учебной лѣсной части“.

¹⁾ На слѣдующій день комиссія замѣтила Шелгунову, что его знакомство съ Н. Г. было ближе. На это онъ отвѣтилъ: „Знакомства или, вѣрнѣе говоря, того, что я зналъ Н. Чернышевскаго, я не отрицаю, но только дѣлалъ различіе между выраженіями „зналъ“ и „былъ знакомъ“, понимая подъ послѣднимъ, какъ говорить, „водить хлѣбъ-соль“. Такого рода знакомства я съ Чернышевскимъ не имѣлъ и до конца 1861 г., когда Михайловъ былъ преданъ суду, съ Чернышевскимъ почти не видѣлся. Съ этого времени же я видѣлъ Чернышевскаго чаще, потому что, принужденный оставить службу, я обратился къ литературнымъ занятіямъ и сталъ помѣщать статьи въ „Современникъ“, который редактировалъ Чернышевскій“.

Очная ставка Шелгунова съ Костомаровымъ кончилась замѣчаніемъ перваго, что, „показывая голословно, г. Костомаровъ не указываетъ на казармы или солдатъ, съ которыми я говорилъ, или куда я ходилъ, на харчевню, въ которой Н. Г. меня видѣлъ. Помня такъ хорошо разныя мелочныя подробности, онъ эти, болѣе крупныя, не помнитъ“.

Въ неизданной части своихъ воспоминаній Шелгуновъ говоритъ, что Костомаровъ сочинилъ всѣ свои обвиненія, и что ему совершенно непонятны причины такого озлобленія противъ него. „Лично у меня съ Костомаровымъ почти не было никакихъ отношеній, и не знаю, сказалъ ли я съ нимъ во все наше знакомство больше десяти словъ“. При этомъ добавлю, что Чернышевскій сказалъ г. Рейнгардту: „Честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ Николай Васильевичъ; такіе люди рѣдки. Прекрасно держалъ себя въ моемъ дѣлѣ“... ¹⁾

24 апрѣля Потаповъ прислалъ въ комиссію двѣ записки Чернышевскаго къ коменданту крѣпости. Въ одной Н. Г. просилъ отыскать въ его бумагахъ паспортъ жившей у него прислуги и передать его Пыпину, а въ другой писалъ:

„Ваше Превосходительство, я много разъ говорилъ Вамъ въ своихъ откровенныхъ объясненіяхъ, что всѣ непріятности, отъ которыхъ я страдаю, возникаютъ изъ какихъ-то недоразумѣній. Третьяго-дня также произошло недоразумѣніе: я слишкомъ поздно получилъ отъ моей жены письмо, говорившее, что она на другой день уѣзжаетъ. Я сказалъ Вамъ вчера, что я изъ этого вывелъ: то, что и я, и г. председатель комиссіи (давшій мнѣ обѣщаніе дозволить свиданіе мнѣ съ моей женой)—мы оба обмануты. Теперь я вижу, что нынѣ моя жена еще не уѣхала,—прошу Васъ, убѣдите, что я не добиваюсь ничего чрезмѣрнаго,—напримѣръ, въ настоящемъ случаѣ я только прошу, во-первыхъ, чтобы мое письмо къ моей женѣ отъ нынѣшняго числа—не содержащее въ себѣ ровно ничего подозрительнаго—было отправлено къ моей женѣ поскорѣе, безъ проволочекъ, нынѣ же, чтобы успѣло застать ее еще въ Петербургѣ, а во-вторыхъ, чтобы ея отвѣтъ мнѣ на это письмо также былъ доставленъ безъ проволочки; наконецъ, чтобы сказали намъ, когда мы можемъ ожидать назначенія свиданія, въ которомъ вѣдь вовсе и не хотятъ намъ отказывать,—не

¹⁾ „Рус. Стар.“, 1905 г., II, 468.

завтра, не послѣ-завтра, ну черезъ три, четыре дня или какъ будетъ можно, только къ чему же вводить въ недоумѣніе женщину, когда вовсе не хотѣлъ г. председатель комиссіи обѣщать напрасно,—конечно, онъ хочетъ разрѣшить свиданіе,—я только и прошу, чтобы сказали моей женѣ, когда это будетъ: тогда она и будетъ ждать спокойно. А вѣдь я только этого и добиваюсь въ настоящемъ случаѣ. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою. *Н. Чернышевскій*. 14 апрѣля“.

Это второе свиданіе было разрѣшено въ присутствіи члена комиссіи, генерала Огарева.

Въ первыхъ числахъ мая государь утвердилъ докладъ комиссіи о передачѣ дѣла Чернышевскаго въ сенатъ.

Такимъ образомъ оно вступило въ новый фазисъ.

ЧАСТЬ III.

Начало сенатскаго слѣдствія и второй подложный документъ изъ III Отдѣленія.

I.

16 мая министр юстиціи, Замятинъ, сообщилъ сенату о волѣ государя. При этомъ онъ прибавилъ, что Шелгуновъ преданъ военному суду, а Костомаровъ... а Костомаровъ прикомандированъ къ Петербургскому батальону внутренней стражи, впредь до минованія въ немъ надобности по дѣламъ Чернышевскаго и Шелгунова... Потомъ оказалось, что Костомаровъ преспокойно жилъ себѣ на частной квартирѣ, на службу не являлся и катался, какъ сыръ въ маслѣ, на счетъ III Отдѣленія.

Составъ перваго отдѣленія пятаго департамента сената, которому предстояло судить Чернышевскаго, былъ таковъ: первоприсутствующій М. М. Карніюлинъ-Пинскій и сенаторы Веневитиновъ, Лукашъ, Б. И. Беръ, Венцель и гр. Д. А. Толстой, оберъ-прокуроръ Чемадуновъ, оберъ-секретарь Кузнецовъ.

29 мая Чернышевскій былъ вызванъ въ первый разъ. Онъ подтвердилъ все показанное въ комиссіи и просилъ, во-первыхъ, о разрѣшеніи подать особое объясненіе, во-вторыхъ, о свиданіяхъ съ родственниками, въ-третьихъ, объ освобожденіи на поруки и, наконецъ, о допущеніи его къ прочтенію и къ рукоприкладству записки, которую сенатъ составить въ концѣ разсмотрѣнія всего дѣла. Сенатъ призналъ возможнымъ исполнить все, кромѣ освобожденія. Последнее было обусловлено ознакомленіемъ съ дѣломъ.

По удостовѣренію оберъ-полицеймейстера, Чернышевскій „велъ жизнь до такой степени уединенную, что не только сосѣди,

но даже и лица, жившія въ одномъ съ нимъ домѣ, весьма рѣдко его видѣли“, а потому и нельзя было, въ сущности, произвести требуемаго закономъ „повального обыска“.

7 іюня кн. Суворовъ прислалъ въ сенатъ очень пространное „Дополнительное показаніе Чернышевскаго, даваемое имъ Правительствующему Сенату“.

Привожу его, разумѣется, полностью.

„Оставаясь при показаніяхъ, данныхъ мною слѣдственной комиссіи, я имѣю честь пополнить ихъ передъ судомъ Правительствующаго Сената слѣдующими объясненіями.

Общія поясненія.

„1. Противъ cadaго изъ обвиненій я выставляю такіе факты, большая часть которыхъ общезвѣстна въ кругу, близко знающемъ меня. Доказывать ихъ теперь же ссылками на свидѣтелей и отыскиваніемъ документовъ значило бы осложнять и затягивать дѣло. Потому беру на себя смѣлость просить, чтобы Пр. С. принималъ настоящее показаніе за окончательное по полнотѣ доказательствъ только относительно тѣхъ изъ указываемыхъ мною фактовъ, въ вѣрности которыхъ не останется сомнѣнія у Пр. С. по выслушаніи настоящаго показанія, и чтобы Пр. С. предоставилъ мнѣ право привести болѣе полныя доказательства на тѣ факты, которые, по мнѣнію Сената, еще нуждаются въ дальнѣйшемъ подтвержденіи.

„2. Мнѣ извѣстно, что, кромѣ обвиненій, противъ которыхъ я могу теперь прямо оправдаться, потому что они прямо выражены, существовало противъ меня множество другихъ подозрѣній. Напримѣръ, были слухи, называвшіе меня возбудителемъ безпокойствъ между студентами Сибургскаго университета осенью 1861 года; возбудителемъ безпорядка, происшедшаго въ залѣ Думы весной 1862 г. на одной изъ публичныхъ лекцій ¹⁾; были также слухи, что я направляю къ пропагандѣ запрещеннаго характера Главный совѣтъ петербургскихъ воскресныхъ школъ; что я возбудилъ профессора Павлова написать и при публичномъ чтеніи дополнить рѣзкими прибавленіями ту статью, за чтеніе которой профессоръ Павловъ былъ

¹⁾ Послѣ лекцій Н. Н. Костомарова.

удаленъ изъ Петербурга (весною 1862); что я даже былъ участникомъ поджога Толкучаго рынка (въ концѣ мая 1862). Мнѣ неизвѣстно, до какой степени продолжаютъ существовать такіе слухи въ кругахъ, въ которыхъ они существовали годъ тому назадъ, и неизвѣстно, можетъ ли имѣть вліяніе на мнѣніе моихъ судей о мнѣ болѣе или менѣе опредѣленный или неопредѣленный отголосокъ такихъ слуховъ,—отголосокъ, дававшій мнѣ прежде въ мнѣніи многихъ почтенныхъ людей, не знавшихъ меня лично, репутацію агитатора. Если можетъ, то я прошу, чтобы мнѣ дано было право разобрать и эти подозрѣнія для отстраненія сомнѣній въ томъ, дѣйствительно ли я такой человѣкъ, за какого меня знаютъ всѣ, хорошо знающіе меня лично,—человѣкъ очень мирнаго характера, всегда ставившій главною заботою своею то, чтобы удаляться всякихъ столкновеній не только съ уголовнымъ судомъ, но и съ простою полиціею.

„Выразивъ эти общія просьбы мои Пр. С., перехожу къ разбору обвиненій, находящихся въ дѣлѣ.

1. *Поясненія по обвиненію меня въ намѣреніи уѣхать за границу, чтобъ издавать журналъ вмѣстѣ съ Герценомъ.*

„Въ концѣ мая или началѣ іюня 1862 года было остановлено на восемь мѣсяцевъ изданіе журнала „Современникъ“, въ редактированіи котораго я участвовалъ. Черезъ это я приобрѣталъ на время свободу жить или не жить въ Петербургѣ. По моимъ домашнимъ обстоятельствамъ, мнѣ небезполезно было переѣхать въ мой родной городъ, Саратовъ. Мое семейство уѣхало туда 2 или 3 іюля (1862), за 4 или за 5 дней до моего ареста. Мы продавали лошадей, экипажи, мебель. Отчасти для окончанія этого, отчасти для окончательнаго приведенія въ порядокъ своихъ литературныхъ дѣлъ, я долженъ былъ остаться въ Петербургѣ еще на мѣсяць. Послѣ того я долженъ былъ уѣхать въ Саратовъ и прожить тамъ до весны 1863 года вмѣстѣ съ семействомъ, а весною или лѣтомъ 1863 года возвратиться вмѣстѣ съ семействомъ въ Петербургъ.

„Это предположеніе было извѣстно всѣмъ моимъ знакомымъ. Въ искренности его не могъ сомнѣваться никто изъ знавшихъ мои семейныя чувства. Продолжительная разлука съ семей-

ствомъ—единственное серьезное страданіе, которое я могу чувствовать.

„Еслибы я думалъ эмигрировать, неужели я проводилъ бы свое семейство въ Саратовъ, отъ котораго такъ далеко до Западной Европы, а не прямо за-границу изъ Петербурга? Или я хотѣлъ на долгіе годы разлучиться съ семействомъ?

„Въ моихъ рукахъ бывало довольно много денегъ. Моя жена, уѣзжая, взяла съ собою только 500 рублей, а мы привыкли расходовать довольно много. Еслибъ я думалъ, что моей женѣ придется долго жить безъ меня въ Саратовѣ, неужели она уѣхала бы изъ Петербурга съ 500 р.?

„При отъѣздѣ моя жена не получила отъ меня довѣренности на завѣдываніе моимъ домомъ въ Саратовѣ. Изъ этого вышли серьезныя домашнія непріятности для меня. По характеру ея прежнихъ отношеній къ моимъ саратовскимъ роднымъ, я не могъ не ждать этого, въ случаѣ, еслибъ ей пришлось долгое время оставаться въ Саратовѣ безъ меня. Еслибъ я думалъ надолго разлучиться съ нею эмигрированьемъ, неужели бы я не далъ ей довѣренности, которую при первой возможности поспѣшилъ дать, когда былъ разлученъ съ нею арестомъ?

„Когда меня арестовали, у меня было только 115 рублей. А въ нѣсколько предыдущихъ дней я получилъ до 1.500 р. или болѣе. Но я отдалъ изъ нихъ 300 р. типографщику, 200 р.—торговцу бумагою, остальные роздалъ сотрудникамъ „Современника“. Мнѣ не было настоящей нужды дѣлать ни одной изъ этихъ выдачъ: бумажный торговецъ и типографчикъ могли ждать; сотрудники „Современника“—обратиться за деньгами въ контору журнала, вмѣсто которой я заплатилъ имъ. Такъ ли распоряжается деньгами тотъ, кто собирается эмигрировать?

„Сборы моего семейства къ отъѣзду, продажа вещей — все это дѣлалось длительно, со всею обычною хлопотливостью такихъ переѣздовъ. Надѣюсь, что, еслибы я думалъ эмигрировать, то у меня достало бы смысла и умѣнья, чтобъ уѣхать, не подавъ ни малѣйшаго знака намѣренія двинуться куда бы то ни было изъ Петербурга,—быть далеко за Берлиномъ или Стокгольмомъ прежде, чѣмъ кто бы ни было подумалъ бы, что я думаю уѣхать дальше Павловска, гдѣ была у меня дача.

„Я былъ арестованъ въ субботу (7 іюля); въ понедѣльникъ (9 іюля) долженъ былъ придти ко мнѣ изъ типографіи Вульфа

наборщикъ (бывшій помощникомъ метранпажа по „Современнику“) съ образцами формата и шрифта для изданія, которое я хотѣлъ начать печатать дня черезъ 3, 4 послѣ того. Я поручилъ ему сдѣлать образцы въ то самое утро, какъ былъ арестованъ, или наканунѣ. Факторъ другой типографіи (г. Огризко) имѣлъ порученіе поскорѣе сдѣлать для меня образцы шрифта и формата для другого изданія у Вульфа; я хотѣлъ печатать маленькія книжки, въ которыхъ думалъ, съ разрѣшенія авторовъ, перепечатывать для простого народа рассказы и отрывки изъ повѣстей. У Огризко я хотѣлъ печатать переводъ политической экономіи Милля, который былъ уже оконченъ мною.

„Эти два изданія должны были печататься черезъ нѣсколько дней—12 или 15 іюля. Еще недѣли двѣ, три понадобилось бы мнѣ оставаться въ Петербургѣ, чтобъ устроить правильность въ чтеніи корректуръ, цензурованія и т. п. Устроивъ это, я тотчасъ отправился бы въ Саратовъ. Но я предполагалъ очень быстро начать другія изданія, изъ которыхъ назову три. Я тогда уже имѣлъ столько извѣстности, что публика стала бы покупать „собраніе“ моихъ „сочиненій“. Они составляютъ массу болѣе 8.000 страницъ (500 печатныхъ листовъ въ-8) журнальнаго формата. Я хотѣлъ многое выбросить, какъ не важное, другое сократить, но, все-таки, оставалось бы листовъ 300 печатныхъ. Печатаніе такого огромнаго числа листовъ заняло бы много времени. Я рассчитывалъ сдѣлать это года въ два. Но во всякомъ случаѣ нельзя напечатать такую массу въ 3, въ 4 мѣсяца. И потомъ, вѣдь не могло же изданіе, которое хотѣлъ я сдѣлать въ 4 или 5 тысячъ экземпляровъ, распродаться въ какой-нибудь годъ. Слѣдовательно, ужъ это одно изданіе связывало меня съ Россіею не на одинъ годъ. А я рассчитывалъ, что оно дастъ мнѣ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей,—это не такой расчетъ, которымъ могъ бы пренебречь человѣкъ безъ состоянія, для удовольствія издавать журналъ за-границею. Но, отнимая у меня всякую мысль объ эмиграціи, это изданіе не стоило бы мнѣ почти никакой работы. Печатавъ его, я хотѣлъ готовить два другія. Я хотѣлъ составить два ручные энциклопедическіе словаря. Одинъ—въ два тома лексиконнаго формата, цѣною отъ 7 до 10 р., другой—вовсе маленькій, страницъ въ 600 или 700 въ 12 долю, цѣною рубля въ полтора, два. Книгопродавцы знаютъ, что такія книги такой

цѣны имѣли бы большой успѣхъ и, постоянно перепечатаваясь, служили бы источникомъ очень порядочнаго дохода на долгіе годы. Я называю только эти три изданія потому, что могу указать въ моихъ бумагахъ расчеты, сдѣланные для нихъ.

„Эти расчеты свидѣтельствуютъ, что я не думалъ о себѣ иначе, какъ о человѣкѣ, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ остающемся въ Россіи.

„Я перечислилъ нѣкоторые изъ фактовъ, показывающихъ, что я не *думалъ* эмигрировать. Есть другіе, свидѣтельствующіе, что я не *могъ*, положительно не могъ эмигрировать.

„Я уже привыкъ получать и проживать много. Я имѣлъ тысячъ 10 въ годъ и больше ¹⁾. Но я проживалъ всѣ деньги, которыя получалъ. Домъ въ Саратовѣ и кусокъ земли въ Аткарскомъ уѣздѣ, доставшіеся мнѣ по наслѣдству,—имущество слишкомъ незначительное для человѣка, привыкшаго имѣть такія деньги отъ своей работы. Я оставлялъ и намѣренъ былъ оставлять это имущество и доходъ съ него во владѣніи моихъ саратовскихъ родственниковъ. Но еслибы я для эмиграціи измѣнилъ свою мысль и продалъ его (къ чему не дѣлалъ никакихъ приготовленій), всетаки оно не дало бы мнѣ возможности жить за-границею. По особенностямъ моего образованія, я, читая книги на главныхъ европейскихъ языкахъ, рѣшительно не умѣю, до замѣчательной странности не умѣю ни говорить, ни тѣмъ болѣе писать ни на одномъ изъ нихъ. Слѣдовательно, я не могъ очень долго, по крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ, сдѣлаться французскимъ, нѣмецкимъ или англійскимъ литераторомъ. А писать за-границею на русскомъ языкѣ вещи, не пропускаемыя въ открытую продажу въ Россіи, значить не получать почти никакого дохода отъ своей работы. Итакъ, эмигрировать значило бы для меня обрекать свое семейство на великія страданія отъ нужды. Надѣюсь, кто знаетъ меня, тотъ не усомнится, что мысль объ этомъ не могла быть для меня слишкомъ привлекательна ²⁾.

¹⁾ По словамъ М. Н. Чернышевскаго, родители его жили тогда очень широко, держа своихъ лошадей, прекрасные экипажи, нанимая повара и т. д. Впрочемъ, самъ Н. Г. относился къ комфорту вполне равнодушно.

²⁾ Пробывшій съ Чернышевскимъ въ ссылкѣ около шести лѣтъ С. Г. Стахевичъ рассказываетъ, что задолго до ареста Н. Г.-ча Сѣраковскій передавалъ ему свой разговоръ съ Кауфманомъ, директоромъ канцеляріи воен-

„Или не хотѣлъ ли я уѣхать по опасенію ареста? Я слишкомъ давно, слишкомъ много слышалъ отъ другихъ опасенія, что меня арестуютъ. Еслибъ я считалъ возможнымъ, что сбудутся эти опасенія, то, конечно, не сталъ бы ждать іюля 1862 года, а уѣхалъ бы въ сентябрѣ 1861 года. Но кто знаетъ меня, тотъ знаетъ, что я смѣялся надъ опасеніями другихъ, будто меня могутъ арестовать ¹⁾. Я подробнѣе говорю объ этомъ въ письмѣ къ Его Свѣтлости Спбургскому Генераль-Губернатору отъ 20 или 22 ноября и ссылаюсь на это письмо въ дополненіе настоящаго моего показанія.

„Я не думалъ, я не предполагалъ нужды думать, я не имѣлъ возможности думать объ эмиграціи. Но еслибъ я могъ и хотѣлъ эмигрировать, то Герценъ менѣе всѣхъ литераторовъ цѣлаго свѣта могъ представляться мнѣ товарищемъ въ изданіи журнала. На это много причинъ.

„Въ письмѣ моемъ къ Его Величеству я привелъ и въ письмѣ къ Его Свѣтлости Г. Спбургскому Генераль-Губернатору изложилъ подробнѣе двѣ изъ причинъ, отчуждавшихъ меня отъ Герцена. Я не одобрялъ нѣкоторыхъ плановъ Герцена, извѣстныхъ мнѣ по слуху (о чемъ говорится въ его письмѣ, находившемся въ моихъ бумагахъ), и мое личное неудовольствіе на него по процессу г-жи Панаевой изъ-за векселей и имѣнія покойной г-жи Огаревой. Ссылаюсь на эти письма (отъ 20 или 22 ноября прошлаго года) въ пополненіе моего настоящаго показанія. Въ нихъ я представилъ только двѣ при-

наго министерства. Этотъ потомъ извѣстный генералъ находилъ, что за вредное вліяніе на молодежь Чернышевскій долженъ былъ быть сосланъ. Незадолго же до ареста къ Чернышевскому явился адъютантъ кн. Суворова и посоветовалъ Н. Г., отъ имени князя, немедленно уѣхать за-границу отъ грозившаго ареста. Суворовъ обещалъ выхлопотать для этого всѣ документы и устранивъ всѣ затрудненія. На вопросъ Чернышевскаго, почему же князь такъ о немъ заботится, адъютантъ отвѣтилъ: „Если васъ арестуютъ, то ужъ, значитъ, сошлютъ, сошлютъ въ сущности безъ всякой вины, за ваши статьи, хотя онѣ и пропущены цензурою. Вотъ князю и желательно, чтобы на государя, его личнаго друга, не легло бы это пятно — сослать писателя безвинно“. Но Чернышевскій отказался послѣдовать совѣту Суворова. „Не поведу за-границу. Будь, что будетъ“. (См. фельетоны Стахевича въ „Закаспійскомъ Обзорѣніи“ 1905 г. №№ 237, 238, 239, 243 и 250). О процессѣ г. Стахевича сообщаетъ немного и невѣрно.

¹⁾ Дѣйствительно, Никитенко, напримѣръ, записалъ 22 сентября 1861 г.: „говорятъ, взяли и великій проповѣдникъ социализма и матеріализма, Чернышевскій“.

чины, какъ почти не требовавшія повѣрки. Здѣсь приведу еще двѣ, повѣрка которыхъ незатруднительна.

„Первая изъ нихъ—моя чрезвычайно сильная привязанность къ покойному Н. А. Добролюбову и дурные отзывы о немъ Герцена, начинающіеся съ весны 1859 года, когда въ № 45 или 47 ¹⁾ „Колокола“ была напечатана обидная для Добролюбова (и для меня,—но о себѣ я не говорю) статья Герцена „Very Dangerous“. Этихъ отзывовъ о Добролюбовѣ я не могъ извинить Герцену никогда, а тѣмъ болѣе послѣ смерти Добролюбова. Когда я потерялъ Добролюбова (въ ноябрѣ 1861 г.), неприязнь къ Герцену за него усилилась во мнѣ до того, что увлекла меня до поступковъ, порицаемыхъ правилами литературной полемики, не позволяющей бранить того, кого не могъ бы похвалить, еслибъ захотѣлъ. Укажу для примѣра на выраженіе мое о немъ въ одной изъ первыхъ книжекъ „Современника“ за 1862 г. въ статьѣ, которою началъ я біографію Добролюбова. Это было напечатано мною около того времени, когда я,—говорить обвиненіе,—будто бы собирался вступать въ товарищество съ Герценомъ. Эта моя рѣзкость надѣлала тогда довольно шума въ нашей литературѣ, и вообще въ послѣднее время передъ моимъ арестомъ литературный міръ очень хорошо зналъ мою неприязнь къ Герцену. На это есть печатныя указанія въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ. Для примѣра укажу на „Спбургскія Вѣдомости“ первой половины 1862 г. ²⁾.

¹⁾ № 44.

²⁾ Чернышевскій ошибся. Этого рода выходка по адресу Герцена была сдѣлана имъ не въ статьѣ о Добролюбовѣ, а въ „Свисткѣ“ при январской книгѣ 1862 г. Тамъ онъ писалъ между прочимъ: „Въ пять лѣтъ литература наша не подвинулась ни на одинъ шагъ, а такъ какъ литература служить отраженіемъ жизни, то значить, что ни на шагъ не подвинулась и наша жизнь. Но одна мелькнула эта мысль въ моей головѣ, какъ застыла кровь въ жилахъ отъ ужаса: что скажетъ о такомъ бездушномъ скептицизмѣ пламенный г. Громека! Да еще хорошо бы, еслибы вознегодовалъ только г. Громека! Есть публицистъ, несравненно болѣе знаменитый и гораздо болѣе шлѣй, который такъ и крикнетъ: „very dangerous!“ и назоветъ меня „окаменѣлымъ титулярнымъ совѣтникомъ“ или „неископаемымъ кандидатомъ“. Въ самомъ дѣлѣ, какая безразсудная забывчивость бездушнаго скептицизма! какъ могъ я забыть, что въ эти пять лѣтъ совершенно освобожденіе крестьянъ!“

„Но, кромѣ политическихъ причинъ несогласія и кромѣ личной непріязни, существуетъ еще одно обстоятельство, по которому я никакъ не могъ думать о товариществѣ съ Герценомъ. Я привыкъ быть полнымъ хозяиномъ направленія журнала, въ которомъ участвую. Я могу уступить своему товарищу всю денежную часть, оставить на его волю помѣщеніе безразличныхъ по своему содержанію повѣстей, но направленіе журнала должно быть безусловно мое. Съ Герценомъ это было бы невозможно. Онъ не только сталъ бы спорить со мною о чужихъ статьяхъ, но сталъ бы требовать, чтобы я поправлялъ по его замѣчаніямъ свои статьи. А я не только не могъ бы допустить такого вмѣшательства, а самъ потребовалъ бы отъ него безусловнаго подчиненія себѣ, т. е. вещи невозможной. Кто не знаетъ, что непремѣнно я хочу быть безусловнымъ хозяиномъ направленія журнала, въ редакціи котораго участвую, тотъ не знаетъ меня. А при этомъ мысль о моемъ товариществѣ съ Герценомъ—нелѣпость. Натурально, послѣ этого, что я былъ до крайности удивленъ, услышавъ на допросѣ 30 октября, что я обвиняюсь въ сношеніяхъ съ Герценомъ, и почелъ этотъ вопросъ сдѣланнымъ безъ всякихъ основаній. Но еще болѣе былъ я изумленъ, когда на первомъ изъ двухъ допросовъ, бывшихъ въ мартѣ, сообщили мнѣ, что существуетъ письмо, выражающее согласіе Герцена на то, чтобъ издавать журналъ со мною. Кѣмъ придуманъ такой невозможный для меня проектъ, я и не постигаю. Но если еще остается какое-нибудь подозрѣніе въ томъ, что я имѣлъ это намѣреніе, то я прошу, чтобы Пр. С. разрѣшилъ мнѣ принять для изслѣдованія этого страннаго случая тѣ мѣры, какія могутъ быть допущены по закону.

Къ общензвѣстнымъ рассказамъ о благоговѣнномъ отношеніи Чернышевскаго къ Добролюбову прибавлю сообщаемый г. Николаевымъ: „Я помню, онъ читалъ намъ свой „Прологъ къ прологу“. Когда онъ читалъ дневникъ Левицкаго (въ которомъ онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, изобразить Добролюбова), голосъ его задрожалъ, въ немъ послышались всхлипывающія ноты, на глазахъ показались слезы. И онъ убѣждал тогда на полчаса: вѣроятно, хотѣлъ остаться одинъ со своими слезами. Онъ вообще не могъ безъ слезъ вспоминать Добролюбова; такъ сильно онъ любилъ его и настолько выше себя ставилъ его“ (см. брошюру г. Николаева, стр. 24).

2. Объясненіе о мнимомъ шифрѣ, найденномъ у меня.

„Эти картонные лоскутки исписаны буквами и цифрами почерка моего родственника, Алексѣя Осиповича Студенскаго, который теперь, вѣроятно, находится въ Петербургѣ, и адресъ котораго, вѣроятно, извѣстенъ моему двоюродному брату Александру Николаевичу Пыпину, живущему у Владимірской, въ Свѣчномъ переулкѣ, въ домѣ Тулякова, квартира № 43 (А. Н. Пыпина).

„Уѣзжая въ Саратовъ, за нѣсколько времени передъ моимъ арестомъ, г. Студенскій принесъ мнѣ на сохраненіе зеленую папку со своими бумагами и положилъ ее на окно моей комнаты или въ нижній ящикъ стоявшаго въ ней шкапа съ книгами,—не припомню въ точности. Я, разумѣется, и не дотрогивался до этой папки. Вѣроятно, въ ней и нашлись эти картонные лоскутки. Что это за игрушка,—вѣроятно, объяснить г. Студенскій. А я дѣлаю такое предположеніе, за удачность котораго, впрочемъ, не ручаюсь:

„Незадолго передъ моимъ арестомъ были совѣщанія людей, занимающихся русскою грамматикою (кажется, въ залѣ 2-й гимназій), объ улучшеніи русскаго языка и орфографіи. Г. Студенскій былъ очень заинтересованъ этимъ предметомъ и занимался лексикографическими и этимологическими разложеніями русскихъ словъ на ихъ составныя части,—я думаю, не сдѣлалъ ли онъ эти картонные лоскутки для пособія себѣ въ такомъ занятіи. А, впрочемъ, не рѣшаю, угадалъ ли я.

„Я не обратилъ на нихъ большого вниманія, когда мнѣ показывали ихъ, думая, что сама комиссія посчитетъ удобнымъ оставить безъ вниманія эту игрушку. Но если не обманываетъ меня память, лоскутки исписаны такъ: по краю лоскутка съ начала строки идетъ рядъ цифръ отъ 1 до 36 или 35, а послѣ цифръ написаны буквы русской азбуки. Еслибъ это былъ шифръ, этотъ шифръ принадлежалъ бы къ такой системѣ: каждой буквѣ соответствуетъ одна цифра (отъ 1 буквы до 9-й) или 2 цифры (отъ 10 буквы до конца азбуки); знакъ каждой буквы (одну цифру или двѣ) надобно ставить отдѣльно отъ предыдущаго и послѣдующаго знака, потому что иначе нельзя было бы различить, гдѣ брать двѣ цифры за букву, гдѣ одну, и самъ писавшій не могъ бы разобрать того, что написалъ, и

никакой ключъ не помогъ бы путаницѣ. Поясню это примѣромъ. Пусть будетъ

а — 1

б — 2

л — 12

тогда, если написать сплошь 1212, нельзя будетъ имѣющему ключъ шифра знать, какъ прочесть это: *абл* или *лаб*, или *абаб*, или *лл*. Потому необходимо писать врознь,—такъ:

1 2 12 —

это будетъ *абл*.

12 1 2 — *лаб*

12 12 — *лл*

„Но всѣ шифры такой системы (для каждой буквы особый знакъ, и знакъ каждой буквы ставится особо отъ предыдущаго и послѣдующаго) уже черезчуръ просты. Я никогда не занимался искусствомъ дешифровки, но берусь въ одинъ вечеръ найти ключъ къ отрывку, писанному какимъ бы то ни было шифромъ этой системы. Еслибъ я имѣлъ надобность или охоту придумывать или употреблять шифръ, то надѣюсь, что у меня достало бы смысла понять, что шифръ такой системы слишкомъ плохъ, и достало бы ума придумать шифръ лучше.

„Прибавлю: я не такой невѣжда, какимъ предполагаетъ меня это обвиненіе. Изъ чтенія гражданскихъ и политическихъ, и неполитическихъ уголовныхъ иностранныхъ процессовъ мнѣ извѣстно, что употребленіе какого бы то ни было шифра признано вещь устарѣлою, неудобною для тайныхъ сношеній и слишкомъ опасною для сносящихся. И еслибъ я хотѣлъ имѣть съ кѣмъ-нибудь тайныя письменныя сношенія, то ужъ навѣрное не выбралъ бы средствомъ для нихъ не только такой младенческой системы шифра, какую давали-бъ эти лоскутки, когда бы служили для шифрованія, но и никакой системы шифра.

3. Поясненія по показаніямъ г. Костомарова вѣтъ вообще.

„Я не юристъ, потому прошу Пр. С. быть снисходительнымъ, если въ этомъ отдѣлѣ моего дополнительнаго показанія беру.

предметъ, который, по обычаямъ нашей судебной практики, долженъ быть предметомъ моихъ отвѣтовъ не теперь, а въ какомъ-либо послѣдующемъ періодѣ моего процесса. Слѣдственная коммиссія не спрашивала меня, имѣю ли я причины отвода противъ г. Костомарова. Я не знаю, долженъ ли быть предложенъ мнѣ этотъ вопросъ; если нѣтъ, то вновь прошу снисходительности Пр. С. къ той погрѣшности, что утруждаю Сенатъ разборомъ вопроса, не подлежащаго моему отвѣту. Наконецъ, что касается самой сущности предъявляемыхъ мною основаній отвода, вновь прошу снисходительности Пр. С. въ томъ случаѣ, если причины эти неудовлетворительны: я никакъ не хотѣлъ бы приводить законовъ, не подходящихъ къ дѣлу, но по недостатку спеціальнаго юридическаго знанія могу ошибиться.

„Мнѣ кажется,—не знаю, основательно ли,—что г. Костомаровъ подходитъ или подъ какой-либо, или подъ нѣкоторые изъ слѣдующихъ законовъ:

Св. зак. т. XV кн. 2 ст. 216 п. 1—„не допускаются въ дѣлѣ уголовномъ къ свидѣтельству подъ присягою 1) лица, прикосновенныя къ дѣлу“.

„Г. Костомаровъ есть лицо, прикосновенное къ дѣлу, если не сдѣлалъ своихъ показаній противъ меня при самомъ началѣ слѣдствія надъ нимъ: по статьѣ (того же тома той же книги) 596:

„Всякаго состоянія люди обязаны доносить о дѣлахъ, касающихся до преступленій государственныхъ, означенныхъ въ статьяхъ 275—280 и 282—287 улож. о наказ., подъ опасеніемъ за недонесеніе наказаній, опредѣленныхъ за сіе въ статьяхъ 277, 279, 281,—286 и 288 того же уложенія“.

и статьи 17 уложенія о наказаніяхъ:

„прикосновенными къ преступленію считаются и тѣ, которые, зная о умышенномъ или уже содѣянномъ преступленіи и имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, не исполнили сей обязанности“.

„Если же г. Костомаровъ сдѣлалъ свои показанія противъ меня при самомъ началѣ слѣдствія надъ нимъ, то я прежде допущенія показаній г. Костомарова за обвиненія, подлежащія судебному разсмотрѣнію, въ настоящее время, долженъ просить Пр. С. объ изслѣдованіи вопроса: почему при существованіи такихъ показаній я не былъ призванъ къ суду или ка-

кому-либо отвѣту въ послѣднюю половину 1861 года, когда производилось слѣдствіе надъ г. Костомаровымъ.

„Или, быть можетъ, г. Костомаровъ подходитъ подъ пунктъ 2-й той же 216 статьи XV тома 2 ч.:

„не допускаются въ дѣлѣ уголовномъ къ свидѣтельству подъ присягою 2) имѣвшіе съ нимъ (подсудимымъ) вражду“;

мнѣ казалось бы, что онъ подходитъ подъ этотъ пунктъ на основаніи фактовъ, которые я излагаю ниже.

„Если же г. Костомаровъ подходитъ подъ какой-либо изъ этихъ законовъ, то мнѣ казалось бы, что нѣтъ нужды и входить въ разборъ его показаній, на основаніи

Св. зак. т. XV кн. 2 ст. 334: „Показанія свидѣтелей вовсе не имѣютъ силы доказательства 1) когда они учинены безъ присяги“.

„Перехожу къ поясненію моихъ отношеній съ г. Костомаровымъ.

„Я былъ внимателенъ, могу сказать: добръ къ нему. Не скрывается ли въ этомъ нѣчто особенное? Да, скрывается или, вѣрнѣе сказать, обнаруживается особенность моего характера, доходящая до такой крайности, которая служить предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ въ кругу моихъ знакомыхъ, источникомъ безчисленныхъ хлопотъ и непріятностей для меня: трудно найти человѣка, который не получилъ бы отъ меня всякой возможной услуги и помощи, кто бы ни былъ этотъ ищущій ее у меня,—знакомый или незнакомый, все равно. Какъ писатель, я извѣстенъ крайнею жестокостію,—въ частной жизни я страдаю противоположнымъ недостаткомъ.

„Но, кромѣ этой особенной, была другая, самая обыкновенная причина моей внимательности къ г. Костомарову. Я былъ журналистъ. Всякій неглупый журналистъ знаетъ, что должно быть внимательнымъ къ молодымъ, начинающимъ литераторамъ, потому что изъ нихъ выходятъ свѣжія силы, а безъ внимательности къ нимъ журналъ хилѣетъ и падаетъ. Поэтому я, для собственной выгоды, всегда былъ внимателенъ къ начинающимъ литераторамъ, высматривая, не окажется ли кто-нибудь изъ нихъ хорошимъ работникомъ. Люди болѣе меня зоркіе умѣютъ скоро различать, годится или не годится молодой человѣкъ въ сотрудники журнала. Мнѣ нужно всматриваться долго. И я все еще только всматривался въ г. Косто-

марова, не рѣшаясь предложить ему работу въ „Современникѣ“, пока получше не узнаю его способностей. (Быть можетъ, излишнее объяснить, что сотрудничество, постоянное участіе въ собственно журнальной работѣ, въ такъ называемыхъ текущихъ статьяхъ вовсе не то, что напечатаніе стиховъ въ журналѣ).

„Въ такихъ отношеніяхъ я былъ съ десятками начинающихъ литераторовъ. Г. Костомаровъ былъ не исключеніе, а подходилъ подъ общее правило. Для г. Костомарова я сдѣлалъ даже гораздо меньше, чѣмъ для многихъ другихъ.

„Эта необходимость быть внимательнымъ и оказывать возможные услуги еще вовсе не составляетъ интимности и не свидѣтельствуетъ о довѣріи. Это просто то, что наниматель на работу высматриваетъ хорошихъ работниковъ между людьми, ищущими работы. Съ г. Костомаровымъ я былъ менѣе коротокъ, нежели бывалъ со многими изъ начинающихъ литераторовъ. Что дѣйствительно не былъ я съ нимъ коротокъ и почему не былъ, это будетъ видно изъ слѣдующихъ поясненій.

„Но я дѣйствительно былъ внимателенъ къ нему. Напримѣръ, онъ сталъ говорить, что хочетъ издать поэтическую хрестоматію; я отдалъ ему сборникъ подобнаго рода, валявшійся у меня уже нѣсколько лѣтъ и ненужный мнѣ. Онъ принялъ за большую услугу подарокъ этой вещи, непригодной мнѣ ни на что, и просилъ позволенія написать въ предисловіи, что хрестоматія, которую онъ сдѣлаетъ на основаніи этого сборника (уже устарѣвшаго и потому требовавшаго передѣлки), составлена по моимъ совѣтамъ. Когда онъ вздумалъ издать переводъ „Исторіи литературы“ Шерра, я на его просьбу помочь отвѣчалъ, что беру цензурныя хлопоты и печатаніе на себя. То и другое не было для меня важностью. Цензоръ былъ всегда готовъ по моей просьбѣ прочесть рукопись поскорѣе; типографія Вульфа и бумажная лавка (бывшая) Завѣтнова имѣли текущій счетъ и кредитъ съ конторою „Современника“. Но для г. Костомарова была важна услуга, которая не стоила мнѣ ничего.

„По возвращеніи моемъ (въ сентябрѣ 1861 г.) изъ Саратова въ Петербургъ, когда г. Костомаровъ былъ уже арестованъ, я пересталъ дѣлать для него что-либо и, между прочимъ, отказался печатать переводъ Шерра. Кто хочетъ объяснить это только въ невыгодную для меня сторону, легко найдетъ двѣ причины

перемѣны. Возвратившись изъ Саратова, я узналъ, что мой двоюродный братъ, г. А. Пыпинъ, взялъ на себя редакцію другого перевода той же книги Шерра; натурально предположить, что я не хотѣлъ мѣшать успѣху изданія, въ которомъ работалъ мой родственникъ. Этимъ, кажется, достаточно объясняется отказъ мой печатать переводъ г. Костомарова. А вообще, у меня, какъ у журналиста, исчезла причина внимательности къ г. Костомарову: даровитый онъ былъ человѣкъ или нѣтъ, все равно, онъ надолго лишился способности быть полезнымъ для журнала. Я не имѣю права требовать, чтобы мою перемѣну приписывали побужденіямъ болѣе благороднымъ ¹⁾.

„Но отъ чего бы ни произошла перемѣна, г. Костомаровъ увидѣлъ, что ошибся въ расчетахъ на мою помощь, и это очень раздражило его противъ меня.

„Въ то время, когда производилось дѣло г. Михайлова, носились слухи, что у г. Костомарова найдено воззваніе къ барскимъ крестьянамъ или два какія-то воззванія; что по судебному изслѣдованію найденъ былъ авторъ этой рукописи или этихъ рукописей. Если какой-либо изъ этихъ слуховъ основателенъ, то мнѣ нѣтъ надобности доказывать, что воззваніе къ барскимъ крестьянамъ писано не мною. На очной ставкѣ со мною при второмъ изъ допросовъ, сдѣланныхъ мнѣ въ мартѣ, г. Костомаровъ упомянулъ, что это воззваніе (или эти два воззванія) признано (или признаны) по суду за написанныя имъ, г. Костомаровымъ. Но хотя эти слова его и совершенно въ мою пользу, я не ссылаюсь на нихъ, какъ на что-либо достовѣрное, потому что вообще въ словахъ г. Костомарова слишкомъ много неточностей; я только прошу о повѣркѣ этихъ его словъ справкою съ его дѣломъ.

„Прибавлю: носились слухи, что г. Костомаровъ въ продолженіе своего процесса перемѣнялъ свои показанія и постепенно дошелъ въ нихъ до такихъ странностей, что слѣдственная коммиссія, производившая его дѣло, перестала принимать его показанія къ свѣдѣнію. Этотъ слухъ также требуетъ повѣрки справкою съ дѣломъ г. Костомарова.

„Вообще справка съ дѣлами г. Костомарова и г. Михайлова должна объяснить много вопросовъ, рѣшеніе которыхъ, каково

¹⁾ Разумѣется, истинная причина—доносъ на Михайлова. Послѣ этого Чернышевскій принялъ, по всей вѣроятности, мѣры къ уничтоженію слѣдовъ сношеній съ Костомаровымъ.

бы оно ни было, непременно устраняетъ обвиненія противъ меня, извлекаемые изъ показаній г. Костомарова. Изъ этихъ вопросовъ въ предыдущемъ изложеніи фактовъ уже явились слѣдующіе: когда и какъ даны показанія г. Костомарова (если давно, я устраняю ихъ, какъ уже отвергнутыя судомъ; если недавно, я устраняю ихъ, какъ показанія лица, лишившагося способности быть свидѣтелемъ); перемѣнялъ ли г. Костомаровъ свои показанія, или нѣтъ (если перемѣнялъ, они теряютъ силу доказательствъ по взаимному противорѣчію; если не перемѣнялъ, то, значить, они признаны за основательныя судомъ, не призывавшимъ меня къ отвѣту); открытъ ли судомъ авторъ рукописи (или рукописей), найденныхъ у г. Костомарова (если открытъ, мнѣ не въ чемъ оправдываться; если нѣтъ, то одно изъ двухъ: г. Костомаровъ знаетъ или не знаетъ его; если знаетъ, онъ неспособенъ быть свидѣтелемъ, какъ лицо, бывшее укрывателемъ; если не знаетъ, его показанія противъ меня неосновательны). Другіе вопросы, требующіе справки съ дѣлами г. Костомарова и г. Михайлова, будутъ представляться въ послѣдующемъ изложеніи фактовъ.

„Сдѣлавъ эти поясненія, относящіяся ко всѣмъ обвиненіямъ противъ меня, извлекаемымъ изъ показаній г. Костомарова, перехожу къ разбору каждаго изъ этихъ обвиненій въ отдѣльности, повторяя, что къ предыдущимъ объясненіямъ мнѣ кажется, что я имѣю право отвергать ихъ безъ всякаго разбора, какъ незаслуживающія судебного разсмотрѣнія, и просянисходительности Пр. С. къ моей ошибкѣ, если, не будучи юристомъ, ошибаюсь въ этомъ моемъ мнѣніи.

4. Поясненія по показанію г. Костомарова, будто я читалъ ему съ г. Михайловымъ воззваніе къ барскимъ крестьянамъ, какъ написанную мною вещь

„Г. Костомаровъ (зимою 1860—61 года) однажды вечеромъ пріѣзжалъ ко мнѣ съ г. Михайловымъ. Когда меня спрашивали при слѣдствіи, гдѣ я видѣлъ г. Костомарова въ первый разъ, я не могъ ручаться за то, что онъ когда-нибудь прежде этого не видѣлъ меня въ лицо или не былъ въ однихъ комнатахъ со мною. Человѣкъ, который по своимъ занятіямъ постоянно видитъ новыя лица, часто и не говорящія ему своей фамиліи изъ авторскаго самолюбія, чтобъ не осталось у журналиста связаннаго

съ фамилією воспоминанія о какой-нибудь плохой, отвергнутой имъ повѣсти или статьѣ,—такой человѣкъ не можетъ ручаться за то, когда именно видѣлъ его кто-либо въ первый разъ. Приведу фактъ изъ своей жизни. Г. Краевскій и г. Некрасовъ поступили бы очень опрометчиво, еслибы сказали передъ судомъ, когда видѣлись со мной въ первый разъ. Безъ сомнѣнія, каждый изъ нихъ очень хорошо помнитъ, когда я былъ у него въ первый разъ въ 1853 году, съ котораго начались наши литературныя отношенія. Но я видѣлъ того и другого несравненно раньше. Г. Краевскому я отдалъ (лично, въ тогдашней конторѣ „Отечественныхъ Записокъ“) переводъ біографіи г-жи Ментенонъ изъ фельетона „Journal des Débats“ въ іюлѣ или августѣ 1846 года; и г. Краевскій былъ такъ милъ, что говорилъ со мною довольно долго и очень ласково, но переводъ мой не годился для журнала. Онъ очень удивится, когда я напому ему это обстоятельство. Точно также удивится г. Некрасовъ, когда я скажу, что въ концѣ 1847 года или въ началѣ 1848 года я видѣлъ его и сказалъ съ нимъ нѣсколько словъ въ тогдашней конторѣ „Современника“, отдавая ему написанную мною тогда повѣсть (содержаніе которой были несчастія сироты-дѣвушки, воспитывавшейся въ институтѣ и потомъ попавшей въ дурныя руки),—повѣсть, которая тоже оказалась незаслуживающею печати. Конечно, я не напомнилъ ни тому, ни другому объ этихъ свиданіяхъ, когда начиналъ знакомство съ ними черезъ нѣсколько лѣтъ, и былъ очень радъ, что они совершенно забыли о нихъ и встрѣтили меня, какъ человѣка, никогда еще не виданнаго ими.

„Но когда мнѣ сказали, что г. Костомаровъ говоритъ, что не видѣлъ меня до своего пріѣзда съ г. Михайловымъ ко мнѣ, то я полагаю, что это правда; по крайней мѣрѣ, это согласно съ моими собственными воспоминаніями. И когда теперь мнѣ извѣстно, что подъ первымъ свиданіемъ моимъ съ г. Костомаровымъ разумѣется пріѣздъ г. Костомарова съ г. Михайловымъ ко мнѣ, то я могу объяснить, какъ это произошло.

„Въ ту зиму (1860—1861 г.) г. Михайловъ бывалъ у меня довольно рѣдко, почти всегда только по утрамъ, на короткое время, по дѣламъ „Современника“, корректуры котораго тогда читалъ онъ. Но онъ зналъ, что мои знакомые собираются сидѣть у меня по средамъ. И вотъ въ одну среду вечеромъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ молодымъ человѣкомъ въ уланскомъ

мундирѣ и рекомендовалъ его мнѣ, какъ г. Костомарова, литератора. Когда они пріѣхали, у меня уже находилось, когда они уѣхали, у меня еще оставалось нѣсколько человѣкъ гостей. Я встрѣтилъ г. Михайлова и г. Костомарова въ залѣ, гдѣ сидѣли съ гостями, и новые два сѣли въ кругу прежнихъ. Черезъ нѣсколько времени г. Костомаровъ сказалъ мнѣ, что хочетъ поговорить со мною наединѣ: это очень обыкновенная вещь у литераторовъ; журналисты привыкли слышать такія желанія и исполнять ихъ; литературныя дѣла такъ близко касаются авторскаго самолюбія, что о нихъ очень часто говорятъ наединѣ. Я ждалъ обыкновеннаго для журналистовъ объясненія о литературныхъ намѣреніяхъ, просьбѣ о совѣтахъ по какимъ-нибудь стихотвореніямъ или повѣстямъ—и пошелъ съ г. Костомаровымъ—однимъ имъ—въ мой кабинетъ. Г. Михайловъ оставался въ залѣ съ другими гостями—и не входилъ въ кабинетъ. Все время нашего отсутствія онъ оставался безвыходно въ залѣ. Черезъ нѣсколько времени я и г. Костомаровъ возвратились въ залъ. Это факты, видѣнные моими гостями въ ту среду.

„Г. Михайловъ привезъ ко мнѣ г. Костомарова въ такой вечеръ, въ который у меня бывали гости. Изъ этого я вывожу, что, привозя ко мнѣ г. Костомарова, онъ не имѣлъ никакой тайной цѣли. Для тайныхъ разговоровъ не выбираются вечера, когда у хозяина собираются гости.

„Мой разговоръ съ г. Костомаровымъ въ кабинетѣ весь, съ начала до конца, происходилъ наединѣ. Г. Костомаровъ очень неудачно ввелъ въ свое показаніе обстоятельство, неточность котораго я въ состояніи доказать. Такъ какъ въ этомъ обстоятельстве—присутствіи г. Михайлова—не было ему надобности для его цѣлей, то изъ этого я вывожу, что его воспоминанія очень сбивчивы.

„Итакъ, нашъ разговоръ съ г. Костомаровымъ въ моемъ кабинетѣ происходилъ совершенно наединѣ, какъ очень часто происходятъ разговоры журналиста съ литераторомъ,—и безъ особеннаго случая я не могъ бы доказать, что содержаніе этого разговора было вовсе не таково, какъ говоритъ г. Костомаровъ. Но, къ счастью, черезъ нѣсколько дней послѣ того произошелъ слѣдующій случай. У г. Некрасова былъ обѣдъ. Я и г. Михайловъ находились въ числѣ гостей. За обѣдомъ г. Михайловъ обратился ко мнѣ съ укоризнами въ томъ, что

я охлаждаю молодыхъ людей и что я возбудилъ этимъ неудовольствіе г. Костомарова, который говорилъ ему (г. Михайлову), что разговоръ его (г. Костомарова) со мною въ кабинетѣ показаль ему (г. Костомарову) во мнѣ апатичнаго человѣка, желающаго, чтобъ и всѣ другіе были, подобно мнѣ, апатичными гражданами, не думающими объ общей пользѣ, заботящимися только о своихъ семейныхъ дѣлахъ. Г. Михайловъ осыпаль меня этими укоризнами почти съ самаго начала до самаго конца обѣда, довольно продолжительнаго. Онъ сидѣлъ довольно далеко отъ меня (я сидѣлъ на одной изъ узкихъ сторонъ стола, а г. Михайловъ—близко къ другой узкой сторонѣ стола), такъ что онъ говорилъ со мною черезъ весь столъ, говорилъ громко и съ жаромъ, заглушая разговоръ между собою другихъ обѣдавшихъ, которые скоро почти всѣ перестали говорить между собою, слушая нашъ разговоръ, состоявшій изъ длинныхъ горячихъ нападеній Михайлова на меня и моихъ короткихъ холодныхъ или шутливыхъ отвѣтовъ.

„Это послѣдствіе моего разговора съ г. Костомаровымъ показываетъ, что этотъ происходившій между мною и имъ разговоръ имѣлъ съ моей стороны направленіе и содержаніе прямо противоположное тому, что утверждаетъ г. Костомаровъ.

„Мнѣ кажется, что я могу теперь ожидать вѣры въ слѣдующее мое показаніе о дѣйствительномъ содержаніи этого разговора. Вотъ оно. Г. Костомаровъ, начавъ рѣчь съ сборника переводныхъ стихотвореній, который онъ издаваль тогда, перешель къ обыкновеннымъ жалобамъ литераторовъ на цензуру, а отъ нихъ началъ-было переходить къ тому, что вообще дѣла у насъ въ Россіи идутъ плохо, но на этомъ, совершенно еще неопредѣленномъ періодѣ его словъ я остановилъ его шутливымъ вопросомъ, велико ли у него состояніе, когда онъ служить репетиторомъ въ одномъ изъ московскихъ кадетскихъ корпусовъ,—„я привыкъ находить,—сказаль я,—что между преподавателями кадетскихъ корпусовъ вѣтъ людей очень богатыхъ“(о томъ, гдѣ онъ служить, я спрашиваль у него прежде, когда мы сидѣли въ залѣ).—Никакого состоянія, кромѣ маленькаго разваливающагося домика у моей матушки.—„Ахъ, у васъ есть матушка?“—спросиль я иронически.—И сестры,—отвѣчалъ онъ.—„Вотъ какъ, у васъ есть матушка и сестры,—сказаль я съ еще большей ироніей,—и, вѣроятно, живутъ доходами съ этого развалиющагося домика?“—Нѣтъ,—какой же съ него доходъ,—отвѣчалъ онъ

уныло: — я содержу ихъ своею работою и жалованьемъ. — „А когда такъ, — сказалъ я серьезнымъ тономъ, — то вамъ слѣдуетъ думать не о томъ, хорошо или дурно идутъ дѣла въ Россіи, а о вашемъ семействѣ, которое вы обязаны содержать вашими трудами“; — сказавъ нѣсколько словъ на эту обыкновенную тему обыкновеннымъ тономъ людей, успѣвшихъ поостыть и читающихъ по всякому малѣйшему поводу нотаціи молодымъ людямъ о семейныхъ обязанностяхъ и разсудительности, — я всталъ, и мы возвратились въ залъ.

„Я перервалъ г. Костомарова такъ рано, что онъ не только не успѣлъ дойти до какихъ бы то ни было намековъ о какихъ-нибудь тайныхъ своихъ дѣлахъ, но и не успѣлъ сказать ровно ничего особеннаго, — немногія слова, которыя успѣлъ сказать онъ о плохомъ, по его тогдашнему мнѣнію, ходѣ дѣлъ въ Россіи, были такъ неопредѣленны и блѣдны, что показались мнѣ не больше, какъ попыткою того, что называется „полиберальничать“, — обыкновенною замашкою очень многихъ, скучною для меня ¹⁾).

„Въ горячихъ укоризнахъ, дѣлаемыхъ мнѣ г. Михайловымъ за обѣдомъ у г. Некрасова, также не было ничего такого, что могло бы возбудить во мнѣ предположеніе о какихъ-нибудь тайныхъ дѣлахъ или намѣреніяхъ у г. Михайлова или г. Костомарова. Это само собою слѣдуетъ уже изъ того, что онъ говорилъ при нѣсколькихъ лицахъ, открыто, громко. Я зналъ г. Михайлова за человѣка пылкаго, но очень мало занимающагося политическими вопросами, — да и разгорячился тогда онъ вовсе не по какому-нибудь политическому вопросу, а изъ-за того, что я назвалъ бездарнымъ стихоплетомъ г. А. Майкова (извѣстнаго поэта), — г. Михайловъ вспыхнулъ, началъ говорить, что у меня нѣтъ эстетическаго чувства, что я унижаю искусство, отвергаю поэзію, отвергаю все высокое и благородное, что мой взглядъ — холодный, леденящій всѣ благородные порывы, — вотъ какимъ рядомъ мыслей дошелъ онъ до того, что я охладѣлъ и тѣмъ разсердился г. Костомарова — и поэтому слова г. Михайлова въ своей неопредѣленности не имѣли никакого политическаго смысла.

„Но если не было ничего замѣчательнаго въ содержаніи словъ г. Михайлова, то всетаки вѣдь они говорились въ укоризну мнѣ, — это была сцена, непріятная для меня: полчаса слушать

¹⁾ Чернышевскій ея вообще не выносилъ.

брань на себя, хоть и отъ добраго знакомаго,—это такой случай, на который не стоитъ сердиться, но который невольно запоминается съ обстоятельствами, къ которымъ онъ относится. Вотъ причина, по которой врѣзались въ моей памяти черты разговора съ г. Костомаровымъ.

„Но самъ по себѣ этотъ разговоръ не былъ важенъ, да и весь вечеръ, проведенный у меня г. Костомаровымъ вмѣстѣ съ г. Михайловымъ, тоже не былъ важенъ,—вотъ объясненіе тому, что у г. Костомарова осталось слишкомъ слабое воспоминаніе объ этомъ вечерѣ и этомъ разговорѣ, такъ что, дѣлая показаніе, онъ не могъ сообразить, что вводитъ въ него такую черту, неточность которой я могу доказать, — т. е. мнимое присутствіе г. Михайлова при нашемъ разговорѣ.

„У меня никогда не было никакого разговора втроемъ съ г. Костомаровымъ и г. Михайловымъ безъ другихъ свидѣтелей. Я видѣлъ г. Михайлова и г. Костомарова вмѣстѣ только одинъ разъ, и въ этотъ разъ г. Михайловъ не выходилъ изъ моего зала, гдѣ сидѣлъ съ другими моими гостями.

„Г. Костомаровъ ввелъ въ свое показаніе другое обстоятельство, котораго не вздумалъ бы утверждать при близкомъ знакомствѣ съ моими привычками. Онъ говоритъ, будто я читалъ ему и г. Михайлову вещь, написанную мною. Всякій, близко знающій меня, знаетъ, что это нравственная невозможность. Я никогда не читаю никому что бы то ни было, написанное мною. Этотъ обычай столь же чуждъ мнѣ, какъ танцованье балетныхъ танцевъ и собираніе милостыни подъ окнами. Авторъ только по одному изъ двухъ слѣдующихъ побужденій читаетъ кому-нибудь что-нибудь, написанное имъ: или изъ авторской любви къ написанному, когда дорожить тѣмъ, что написалъ, или по авторской скромности, чтобы просить замѣчаній, совѣтовъ. Но всѣмъ моимъ хорошимъ знакомымъ извѣстно, что въ моихъ глазахъ не имѣетъ никакой важности ничто изъ того, что я пишу. Быть можетъ, когда-нибудь я напишу что-нибудь, чѣмъ буду дорожить, но это будетъ не политическій памфлетъ, а большое философское сочиненіе. А все, что я писалъ до сихъ поръ, я считаю ничтожнымъ для себя. Я, какъ литераторъ, чрезвычайно гордъ, но именно по чрезмѣрной гордости чуждъ авторскаго тщеславія. Мнѣ противно даже слушать, когда говорятъ о чемъ-нибудь, написанномъ мною,—съ похвалою ли говорятъ, или съ порицаніемъ, или тономъ без-

различнымъ, все равно,—я немедленно поворачиваю разговоръ на другой предметъ. При такой чрезвычайной гордости натурально, что я не могу читать и для того, чтобы спрашивать совѣтовъ или замѣчаній у кого бы то ни было. Это было бы унижительно для меня. Я имѣю гордость думать, что, какъ писатель, не нуждаюсь ни въ чьихъ мнѣніяхъ и совѣтахъ, и самъ лучше всѣхъ знаю достоинства и недостатки того, что пишу. Я никогда ни у кого не спрашивалъ мнѣнія или совѣта ни о чемъ, что писалъ или пишу.

„То, что г. Костомаровъ могъ ввести въ свое показаніе такое неимовѣрное обстоятельство, будто бы я читалъ что бы то ни было, написанное мною, объясняется только тѣмъ, что онъ не былъ никогда близокъ ко мнѣ и потому не знаетъ моихъ обычаевъ.

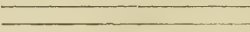
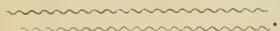
„Прибавлю: по словамъ самого г. Костомарова, я видѣлъ тогда его въ первый разъ. Правдоподобно ли, чтобы я сталъ выдавать себя за государственнаго преступника, чтобы отдалъ свою голову во власть человѣка, котораго видѣлъ въ первый разъ?! Я дорожу моею головою больше, чѣмъ предполагалъ г. Костомаровъ, дѣлая такое показаніе.

5. Поясненія на показаніе г. Костомарова о посѣщеніяхъ, сдѣланныхъ ему мною въ бытность мою въ Москву весною 1861 года, и о запискѣ, будто бы оставленной мною ему въ это время.

„Г. Костомаровъ говоритъ, что въ одинъ изъ дней, которые я провелъ въ Москвѣ весною 1861 года, когда онъ возвратился домой, ему отдали записку со словами, что она оставлена ему мною, незаставшимъ его дома. Въ дополненіе къ этому найдено, что г. Яковлевъ показываетъ, будто бы я, не заставши дома г. Костомарова, написалъ ему (г. Костомарову) записку и, какъ кажется г. Яковлеву, написалъ ее на лоскуткѣ бумаги, уже написанномъ съ другой стороны. О способности или неспособности г. Яковлева быть свидѣтелемъ—я буду говорить ниже, по поводу его показанія о моемъ посѣщеніи г. Костомарова въ августъ 1861 года. Здѣсь же я разбираю не качества показывающихъ лицъ, а только существо самого дѣла.

„Мнѣ показывали записку на лоскуткѣ бумаги, другая сто-

рона котораго исписана чѣмъ-то. Я сдѣлалъ на ней надпись, что не признаю почерка этой записки своимъ, что онъ ровнѣе и красивѣе моего.

„Въ поясненіе этого обращу вниманіе на двѣ изъ тѣхъ особенностей, которыми ровные и красивые почерки отличаются отъ неровныхъ и некрасивыхъ. Строка состоитъ изъ трехъ частей: 1. росчерки, выдающіеся вверхъ, 2. росчерки, выдающіеся внизъ, 3. средняя полоса строки. Примѣръ—въ этомъ словѣ „примѣръ“ буквы *p* имѣютъ росчеркъ внизъ, буква *h*—росчеркъ вверхъ, буквы *и*, *м* не должны выдаваться ни вверхъ, ни внизъ изъ основной средней полосы строки. Въ ровномъ почеркѣ линіи, проведенныя по верхнимъ и нижнимъ оконечностямъ буквъ и частей буквъ, не выдающихся изъ основной средней полосы, должны быть прямыя параллельныя линіи; въ неровномъ онѣ—ломаныя линіи, то сходящіяся, то расходящіяся. Примѣръ: слово *наша*,—тутъ всѣ части всѣхъ буквъ должны оставаться въ основной средней полосѣ строки; въ ровномъ почеркѣ верхнія и нижнія части этого слова представляются въ такихъ линіяхъ ; въ неровномъ—въ такихъ . Прямая часть буквъ, занимающія эту среднюю основную полосу строки, въ ровномъ почеркѣ всѣ имѣютъ одинаковое наклоненіе къ горизонтальной оси строки, а согнутыя части—части эллипсовъ, имѣющихъ одинъ размѣръ, т. е. одинаковую степень собственно искривленности, или цѣлые ровные эллипсисы; эти части эллипсисовъ и эллипсисы всѣ имѣютъ центръ на одной прямой и горизонтальной линіи, т. е. одинаковое наклоненіе къ оси строки. Въ неровномъ почеркѣ ни одна изъ этихъ одинаковостей не соблюдается. Примѣръ: *теплота*. Здѣсь, въ ровномъ почеркѣ, первая линія буквъ *т* и *п* одинаковы, одинаково наклонены; послѣднія линіи буквъ *т*, *п*, *л*, *т*, а также большая округлость буквы *е*, буквы *о* и первая половина буквы *а*—также. Въ неровномъ почеркѣ этого не будетъ.

„Прошу сравнить мой почеркъ съ почеркомъ записки, напрасно мнѣ приписываемой, въ этихъ двухъ отношеніяхъ.

„Мой почеркъ гораздо хуже почерка записки въ обоихъ этихъ отношеніяхъ. Можно нарочно написать худшимъ, но нельзя нарочно написать лучшимъ почеркомъ, чѣмъ какимъ способенъ писать. Въ ломаномъ почеркѣ не могутъ уменьшиться недостатки подлиннаго почерка.

„Если же, чтобы уменьшить эти недостатки подлиннаго почерка, для замаскированія руки, въ ломаномъ почеркѣ будутъ употреблены особенныя средства: проведеніе линеекъ, очень медленное черченіе (вырисовываніе) буквъ вмѣсто обыкновеннаго и довольно быстрого и свободнаго движенія руки,

(Рис. 1).

то эти искусственныя средства оставляютъ очень яркіе слѣды на написанномъ. Въ комиссіи я слышалъ замѣчаніе: „Вы могли вырисовывать буквы“. Поэтому укажу средство распознать вырисованныя буквы отъ писанныхъ свободнымъ движеніемъ. Это средство—сильная лупа или микроскопъ, увеличивающій въ 10 или 20 разъ. Вырисованныя буквы явятся съ рѣзкими обрывами по толстотѣ

линій; въ буквахъ естественнаго почерка переходъ толстаго въ тонкое и тонкаго въ толстое гораздо постепеннѣе. Примѣръ. Дана буква *a*,—спрашивается, вырисована она или написана свободно и довольно быстро. Въ первомъ случаѣ она подъ микроскопомъ явится въ такомъ видѣ (рис. 1) (части, перечерченныя поперечными линіями, представляютъ собою сплошную массу). Таковъ будетъ видъ рисованной буквы; видъ буквы, написанной свободно, будетъ (рис. 2). Т. е. при вырисовываніи буквъ край черты имѣетъ тенденцію становиться ломаною линіею, между тѣмъ какъ въ обыкновенномъ почеркѣ онъ имѣетъ тенденцію быть кривою или прямою линіею.

(Рис. 2).

„Я не изучалъ спеціально правилъ распознаванія почерковъ, потому привожу лишь отрывочныя свѣдѣнія, какія мнѣ случилось пріобрѣсти изъ чтенія иностранныхъ гражданскихъ процессовъ. Въ случаѣ недостаточности этихъ сообщенныхъ мною пріемовъ распознаванія почерковъ, прошу Пр. С. разрѣшить мнѣ прибѣгнуть къ тѣмъ изъ даваемыхъ наукою средствъ, какія могутъ быть допущены по закону.

„Осмѣлюсь сказать слѣдующее: я бы никакъ не подумалъ дѣлать указанія на пріемы, употребляемые для распознаванія почерковъ, еслибы не былъ и не оставался въ недоумѣніи о томъ, какимъ образомъ было возможно приписывать писанную не моимъ почеркомъ записку мнѣ, имѣющему почеркъ,

дикая своеобразность котораго рѣжетъ глаза. Мой почеркъ такъ дикъ, что когда, бывало, въ школѣ товарищи дурачатся, по школьническому обыкновенію поддѣлываясь подъ почерки другъ друга и учителей, я бѣсился отъ рѣшительныхъ неудачъ написать что-нибудь похожее на обыкновенные почерки.

„Относительно общензвѣстнаго приема распознаванія почерковъ, состоящаго въ сличеніи фигуры отдѣльныхъ буквъ, прошу обратить вниманіе, между прочимъ, на слѣдующія буквы и группы буквъ:

„е, с, з выходятъ въ моемъ почеркѣ очень часто очень похожи другъ на друга;

„группа ес выходитъ подобно буквѣ и (иногда бываетъ трудно разобрать въ моемъ почеркѣ *если* отъ *или*);

„форма буквы з въ моемъ почеркѣ;

„постоянная уродливость буквы и (первая черта обыкновенно бываетъ слишкомъ велика передъ второю; разстояніе между ними вверху очень часто бываетъ слишкомъ мало сравнительно съ нижнею частью);

„почеркъ очень часто перерывается, гораздо чаще, чѣмъ въ обыкновенныхъ почеркахъ; эти обрывы бываютъ между прочимъ на буквахъ и, л, м, послѣ которыхъ не обрывается обыкновенный почеркъ.

„Въ настоящемъ показаніи особенности моей руки являются менѣе ярко, чѣмъ въ вещахъ, написанныхъ стальнымъ перомъ или карандашомъ,—притомъ же я пишу это показаніе крупно и тщательно ¹⁾. Для сличенія удобнѣе могутъ служить вещи, писанныя карандашомъ, подобно присваиваемой мнѣ запискѣ,—такихъ вещей много между моими бумагами.

„Сдѣлавъ эти поясненія, я утверждаю, что почеркъ приписываемой мнѣ записки:

„1) не имѣетъ сходства съ моимъ почеркомъ и относится къ почеркамъ совершенно другого характера;

„2) что онъ не есть ни ломаный почеркъ, ни вырисованный почеркъ, т. е., что неизвѣстное лицо, писавшее эту записку, писало ее свободнымъ и быстрымъ движеніемъ руки;

„3) что я, какъ бы ни старался, не могъ бы написать такъ ровно.

¹⁾ Въ крѣпости никому стальныхъ перьевъ не давалось. Всѣмъ приносились уже приготовленные гусинья.

„Кончивъ эти поясненія о почеркѣ записки, перехожу къ другимъ сторонамъ вопроса о ней.

„Писать и оставить записку, которая, еслибы была дѣйствительно моя, служила бы прямою уликою,—это такая глупость, которая рѣшительно не согласна ни съ моею извѣстностью, какъ человѣка неглунаго, ни съ моимъ мнительнымъ характеромъ. Еслибы я былъ такой преступникъ, какимъ выставленъ въ показаніяхъ г. Костомарова, и съ тѣмъ вмѣстѣ такой опрометчивый глупецъ, какимъ слѣдовало бы назвать меня, еслибы я написалъ эту записку, то, конечно, противъ меня были бы сотни уликъ болѣе солидныхъ, чѣмъ эта записка и вообще тѣ обвиненія, которыя я опровергаю теперь.

„Я былъ въ Москвѣ весною 1861 года и заходилъ тогда же къ г. Костомарову—то и другое обстоятельство я обращаю въ доказательство тому, что я не находился ни въ какихъ преступныхъ сношеніяхъ съ нимъ и не предполагалъ, чтобы онъ былъ замѣшанъ въ какомъ-нибудь дѣлѣ тайнаго печатанія. Недѣли за двѣ передъ моею поѣздкою было отправлено въ Москву лицо, служившее по политической полиціи, отправлено съ порученіемъ разыскать тайное литографированіе и печатаніе, производившееся тогда въ Москвѣ. Я зналъ это по слуху, который былъ тогда извѣстенъ всему Петербургу, и по такому же слуху я знаю, что это лицо еще оставалось въ Москвѣ въ то время, когда я поѣхалъ туда. Мнѣ, какъ и всему литературному кругу, было извѣстно, что политическая полиція давно имѣетъ надзоръ за мною. Сверхъ того, я долженъ былъ думать, что само дѣло, по которому ѣхалъ я въ Москву, обратитъ на себя вниманіе политической полиціи (ниже я объясняю это дѣло), и что поэтому надзоръ за мной въ Москвѣ будетъ особенно бдителенъ. Еслибы я дѣйствительно былъ прикосновененъ къ дѣлу тогдашняго московскаго тайнаго печатанія, то у меня, по всей вѣроятности, достало бы осторожности, чтобы не ѣздить въ Москву въ такое опасное (въ случаѣ моей прикосновенности) время. Ъхать для предупрежденія моихъ соучастниковъ (въ случаѣ моей прикосновенности) было уже поздно; еслибы у меня была эта мысль, я поѣхалъ бы двумя недѣлями раньше. Ъхать въ то время, когда поѣхалъ я, значило бы (въ случаѣ моей прикосновенности) уже только понапраслу лѣзть въ петлю. И безъ всякаго сомнѣнія, у меня достало бы благоразумія не бывать

въ домѣ г. Костомарова, еслибы я предполагалъ, что онъ занимается тайнымъ печатаніемъ, которое разыскивается политическою полиціею, имѣющею надзоръ за мною. Еслибы я былъ его соучастникомъ или зналъ о его участіи въ тайномъ печатаніи, то я, конечно, сообразилъ бы, что своими посѣщеніями выдаю его и себя.

„То, что я посѣщалъ г. Костомарова въ бытность мою въ Москвѣ весною 1861 года, пріобрѣтаетъ характеръ нравственной возможности только при принятіи за истину того, что я не былъ съ нимъ въ тайныхъ сношеніяхъ и не зналъ о его участіи въ тайномъ печатаніи.

„Прибавлю: когда я познакомился съ г. Костомаровымъ и сталъ оказывать участіе къ нему, то оказалось, что нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ знаютъ его ближе, чѣмъ г. Михайловъ. Отъ нихъ я слышалъ, что онъ—человѣкъ, во-первыхъ, не умѣющий молчать, во-вторыхъ, расположенный выдавать свои мечты за факты. Когда я былъ у него въ Москвѣ въ первый разъ, я ужъ имѣлъ эти свѣдѣнія о немъ. Конечно, ихъ было бы достаточно для меня, чтобы прекратить всякія сношенія съ нимъ, еслибы эти сношенія имѣли сколько-нибудь тайный или рискованный характеръ. Но такъ какъ я имѣлъ съ нимъ дѣло только, какъ съ молодымъ, начинающимъ литераторомъ, то для меня было все равно, скромнъ онъ или нескромнъ, прикрашиваетъ онъ или не прикрашиваетъ факты,—при совершенной невинности и нескретности моихъ отношеній къ нему мнѣ нечего было опасаться ни отъ нескромности, ни отъ склонности прикрашивать факты.

„Дѣло, по которому я ѣздилъ тогда въ Москву, было слѣдующее. Нѣсколько петербургскихъ литераторовъ, собравшихся въ квартирѣ г. Вернадскаго ¹⁾, выслушали и съ нѣкоторыми измѣненіями одобрили основныя черты новыхъ правилъ цензуры, написанныя г. Вернадскимъ, и положили подать объ этомъ просьбу г. министру народнаго просвѣщенія. Надобно было кому-нибудь отправиться въ Москву для предложенія участія въ этомъ дѣлѣ московскимъ литераторамъ. Г. Вернадскій вызвался ѣхать, но не раньше, какъ недѣли черезъ двѣ или три. А въ тотъ самый день, какъ было это собраніе, „Со-

¹⁾ Издатель-редакторъ ежепедѣльнаго журнала „Экономическій Указатель“.

временникъ“ получилъ сильную цензурную непріятность, которая усилила мое нетерпѣніе хлопотать о цензурныхъ улучшеніяхъ, и потому я сказалъ: „что откладывать въ долгій ящикъ; если присутствующіе согласны поручить это мнѣ, я поѣду завтра или послѣ-завтра“. Они согласились, и я дѣйствительно поѣхалъ черезъ полторы сутки. По пріѣздѣ въ Москву тотчасъ же поѣхалъ къ г. Каткову, важнѣйшему тогда изъ московскихъ журналистовъ; онъ собралъ у себя другихъ; я былъ на этомъ собраніи. Проектъ г. Вернадскаго былъ принятъ съ нѣкоторыми измѣненіями; г. Каткову было поручено написать записку и подробныя правила; я почелъ свое порученіе исполненнымъ и уѣхалъ въ Петербургъ ¹⁾.

6. Поясненіе на показаніе г. Костомарова, будто я диктовалъ ему воззваніе къ раскольникамъ.

„Г. Костомаровъ утверждаетъ, будто бы я диктовалъ ему въ Знаменской гостиницѣ воззваніе „Къ раскольникамъ“. Онъ не вздумалъ бы говорить о Знаменской гостиницѣ, еслибы былъ ближе знакомъ со мною. Нѣтъ на свѣтѣ человѣка, менѣе меня расположеннаго къ посѣщенію гостиницъ, ресторановъ и всего тому подобнаго. Г. Костомаровъ напрасно основался на слухѣ, будто бы я кутилъ; нѣтъ, я не охотникъ кутить.

„Когда я сказалъ это на первомъ изъ мартовскихъ допросовъ, то у г. Костомарова, явившагося при второмъ мартовскомъ допросѣ на очную ставку, было готово объясненіе такому обстоятельству, какъ мой обѣдъ съ нимъ въ Знаменской гостиницѣ. Онъ сказалъ: „Вы повели меня въ гостиницу потому, что вашъ (т. е. мой, Чернышевскаго) кабинетъ былъ неудобенъ для диктованія“. Но эти слова г. Костомарова показываютъ только, что онъ забылъ положеніе моего кабинета въ тогдашней моей квартирѣ (на Вас. островѣ, во 2 линіи, въ домѣ Громова). Нельзя было бы желать комнаты болѣе удобной для тайной диктовки. Эта комната отдалена отъ другихъ коридоромъ.

„Но эта комната имѣла менѣе хорошіе обои, менѣе красивую печь, менѣе красивые полы, чѣмъ другія комнаты той

¹⁾ Подробности объ этомъ и самая „записка“ русскихъ литераторовъ приведены въ моей книгѣ „Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 гг.“ на стр. 57—82.

квартиры; вѣроятно, г. Костомаровъ слышалъ какія-нибудь порицанія моей комнаты по сравненію съ другими въ этихъ отношеніяхъ,—перезабылъ, спуталъ, подумалъ, что она неудобна для нужной ему тайной диктовки, и поэтому выстроилъ своею мечтою Знаменскую гостиницу. Напрасно. Очень удобно было бы помѣстить тайную диктовку въ мой кабинетъ. Тогда однимъ неправдоподобіемъ было бы меньше.

„Но еслибы мой кабинетъ дѣйствительно былъ неудобенъ для тайной диктовки, то вѣдь я очень хорошо знаю, что гостиницы еще гораздо неудобнѣе для такихъ занятій. Ужъ лучше было бы намъ съ г. Костомаровымъ отправиться для диктовки къ г. Михайлову, если мои отношенія съ г. Михайловымъ и съ г. Костомаровымъ были таковы, какъ говоритъ г. Костомаровъ. Или и у г. Михайлова не было удобной для того комнаты?

*7. Поясненія о способности или неспособности г. Яковлева
быть свидѣтелемъ.*

„На допросахъ въ мартѣ и на первой очной ставкѣ моей съ г. Костомаровымъ еще не представлялось ничего преступнаго въ посѣщеніи, которое дѣлалъ я г. Костомарову въ августѣ 1861 г. Но на апрѣльскомъ допросѣ былъ выведенъ на очную ставку со мною г. Яковлевъ и сказалъ, что слышалъ, какъ я просилъ въ это время г. Костомарова печатать воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“. Г. Костомаровъ только уже подтвердилъ это.

„Въ началѣ очной ставки г. Яковлева спросили, узнаетъ ли онъ меня, но меня не спросили, не имѣю ли я причины отвода противъ г. Яковлева. Но когда, по окончаніи очной ставки, онъ вышелъ, я сказалъ: „Предостерегаю комиссію противъ этого свидѣтеля“. Если остается хотя малѣйшая тѣнь подозрѣнія на мнѣ отъ его показанія, я прошу у Пр. С. разрѣшенія пояснить эти мои слова.

„Теперь скажу только слѣдующее. Я не знаю, въ качествѣ ли свидѣтеля, или только оговаривающаго соучастника является г. Яковлевъ. Если въ качествѣ свидѣтеля, то (прося у Пр. С. снисхожденія къ моей ошибкѣ, когда такое мнѣніе мое ошибочно) я полагаю, что онъ не имѣетъ способности быть свидѣтелемъ. Если онъ сдѣлалъ свои показанія въ недавнее время,

то онъ былъ укрывателемъ и, слѣдовательно, есть лицо, прикосновенное къ дѣлу. Если же онъ не былъ укрывателемъ, т. е. немедленно сообщилъ правительству о преступномъ разговорѣ, который будто бы слышалъ, въ августѣ 1861 г., то—такъ какъ я не былъ тогда ни арестованъ, ни призванъ къ отвѣту—изъ этого слѣдуетъ, что его показанія противъ меня были во время процесса г. Костомарова найдены неосновательными, и что я не имѣю нужды разбирать ихъ. Но отъ этой формальной стороны обращаюсь къ существу дѣла.

*8. Поясненія по показаніямъ гг. Костомарова и Яковлева о по-
сѣщеніи мною г. Костомарова въ августъ 1861 г.*

„Показанія представляютъ меня гуляющимъ въ саду. Я не гуляю и не прохаживаюсь. Исключеніе бываетъ лишь, когда я бываю принужденъ къ тому желаніемъ лица, предъ которымъ обязанъ держать себя слишкомъ почтительно, благодаря его официальному званію. Я терпѣть не могу ходить по комнатѣ или по саду. Это было очень ясно видно во время моего ареста. Сначала я думалъ, что тяжесть въ головѣ, которую я чувствовалъ въ первый мѣсяцъ ареста, происходитъ отъ геморроя, и принуждалъ себя ходить по комнатѣ для моціона. Но какъ только я замѣтилъ, что это боль не геморроидальная, а ревматическая, происходящая отъ того, что я лежалъ головою къ окну, я сталъ ложиться головою въ противоположную сторону отъ окна и съ того же дня пересталъ ходить по комнатѣ. Когда меня приглашали выходить въ садъ, я сначала выходилъ, воображая, что въ это время обыскивается комната, и что я возбуждиль бы подозрѣніе отказомъ удалиться изъ нея, но мѣсяца черезъ три я убѣдился, что обысковъ не дѣлають, подозрѣвать не стануть,—и, какъ только убѣдился въ этомъ, сталъ отказываться выходить въ садъ. Такъ я абсолютно не сдѣлалъ ни одного шага для прогулки по комнатѣ до сихъ поръ съ начала сентября; не выходилъ въ садъ съ октября. Исключеніе были нѣсколько дней въ концѣ апрѣля, когда я принуждалъ себя къ тому и другому по гигиенической необходимости; она прошла — и вотъ ужъ больше мѣсяца я опять бываю исключительно только въ двухъ положеніяхъ: сижу и лежу.

„Неужели я съ осени предвидѣлъ, что это понадобится для

возраженія г. Яковлеву? Но не предвидѣлъ же я этого за двадцать лѣтъ назадъ?! А я, по крайней мѣрѣ, 20 лѣтъ абсолютно не гуляю. Прогуливаться мнѣ скучно и противно. Это извѣстно моимъ знакомымъ. Съ кѣмъ изъ нихъ когда я ходилъ по комнатѣ или по саду? Ни съ кѣмъ никогда.

„Я все время, когда былъ у г. Костомарова въ августѣ 1861 г., просидѣлъ съ нимъ въ бесѣдкѣ.

„Г. Яковлевъ говорилъ на очной ставкѣ: „Г. Костомаровъ не повелъ васъ (меня, Чернышевскаго) въ бесѣдку потому, что тамъ былъ я“ (т. е. г. Яковлевъ). Кто знаетъ меня, знаетъ, что еслибы г. Костомаровъ сказалъ: „Въ бесѣдку идти нельзя“, то я тотчасъ бы ушелъ на скамью; еслибы скамьи не было, я пошелъ бы къ г. Костомарову сидѣть въ комнатахъ; еслибы нельзя было идти сидѣть въ комнатахъ, я все время простоялъ бы, прислонившись къ стѣнѣ или дереву, или легъ бы на землю, но гулять не сталъ никакъ и ни за что.

„Г. Яковлевъ ввелъ въ свое показаніе (а г. Костомаровъ подтвердилъ) мое невозможное гуляніе по саду только потому, что оба они не знали моихъ особенностей.

„Итакъ, г. Яковлевъ, говоря, что я и г. Костомаровъ не входили въ бесѣдку потому, что онъ былъ въ ней, этимъ самымъ признаетъ, что я и онъ, г. Яковлевъ, не могли быть вмѣстѣ въ бесѣдкѣ. Я утверждаю, что въ бесѣдкѣ былъ я.

„Чѣмъ доказать, что я былъ въ бесѣдкѣ? Я описалъ г. Костомарову (на очной ставкѣ) расположеніе мебели въ ней. Положимъ, я могъ говорить наудачу и отгадать. (Хотя г. Костомаровъ послѣ этого моего описанія сказалъ: „Быть можетъ, мы съ вами и входили въ бесѣдку, но всетаки гуляли и по саду“). Но вотъ чего ужъ никакъ нельзя было отгадать, не видѣвши: на столѣ въ бесѣдкѣ стоялъ мой портретъ въ величину обыкновеннаго, фотографическаго, но не фотографическій, а рисованный. „Какъ это вы нарисовали?“ — спросилъ я. — На-память, — отвѣчалъ онъ. Кажется, ясно теперь, что въ бесѣдкѣ былъ я.

„Слѣдовательно, неосновательны слова г. Яковлева, будто бы онъ, сидя въ бесѣдкѣ, слышалъ отрывки разговора между мной и г. Костомаровымъ, гулявшими по саду. И, слѣдовательно, напрасно подтверждалъ эти слова г. Костомаровъ.

„Но въ бесѣдкѣ или въ саду, сидя или прогуливаясь, будучи или не будучи слышимъ г. Яковлевымъ, говорилъ ли

я въ августѣ 1861 г., чтобы г. Костомаровъ напечаталъ воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“?

„Рѣшить это поможетъ рѣшеніе вопроса: когда было написано воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“? До высочайшаго манифеста? Или по его обнародованіи, но до безднинскаго дѣла, о которомъ, конечно, не могъ бы не упомянуть авторъ? ¹⁾. Или послѣ того, но до полученія извѣстій, что крестьяне повсюду неохотно принимаютъ уставныя грамоты (до этого и послѣ этого должно быть совершенно разное содержаніе)? Вопросъ о времени, когда написано воззваніе, вѣроятно, безспорно рѣшается его содержаніемъ.

„По словамъ г. Костомарова, оно было написано до весны. Въ словахъ г. Костомарова столько неточностей, что ни на одно изъ нихъ невозможно опереться. Но если воззваніе дѣйствительно было написано до весны, оно уже никуда не годилось въ августѣ. Когда я сказалъ это г. Костомарову (на очной ставкѣ), онъ даже не понялъ моихъ словъ (значитъ, мы съ нимъ не говорили о воззваніи ни въ августѣ, никогда прежде, иначе онъ понялъ бы меня на очной ставкѣ). „Конечно, вы говорили тогда, что весною оно имѣло бы больше дѣйствія“,—сказалъ онъ. Не въ томъ дѣло,—наплывъ новыхъ фактовъ съ весны до августа былъ такъ великъ, что все содержаніе писаннаго до весны должно было никуда не годиться. Видя, что онъ не понимаетъ этого, я сказалъ: „Мы съ вами литераторы: мы должны понимать, что писанное въ февралѣ никуда не годится по своему содержанію въ августѣ“.—Но наборъ былъ цѣль,—отвѣчалъ онъ мнѣ на это. Это требуетъ справки съ дѣломъ г. Костомарова. Если я былъ его соучастникомъ, то я знаю, что дѣлается у него. Былъ ли цѣль наборъ, былъ ли цѣль станокъ у него 11 или 18 августа, когда я проѣзжалъ черезъ Москву? Если нѣтъ, то онъ, когда бы я былъ его соучастникомъ, могъ бы рассказывать мнѣ объ уничтоженіи станка и набора, если это не было сообщено мнѣ прежде. Но ужъ никакъ въ этомъ случаѣ не оставалось мѣста моей мнимой просьбѣ о печатаніи.

„Если же станокъ и наборъ были цѣлы, является другое соображеніе. Когда я выѣхалъ изъ Петербурга, весь Петербургъ

¹⁾ Въ селѣ Безднѣ, Казанской губ., весною 1861 г. было сильное крестьянское волненіе.

уже зналъ, что въ Москвѣ арестованы нѣкоторые лица, обвиняемые въ тайномъ печатаніи. И, безъ сомнѣнія, я сталъ бы просить г. Костомарова не о печатаніи, а объ уничтоженіи всякихъ слѣдовъ печатанія. А вѣрнѣе всего, что я не показалъ бы носа къ г. Костомарову.

„Я могъ быть у него только потому, что зналъ себя и считалъ его нисколько неприкосновеннымъ къ дѣлу тайнаго печатанія.

„Но, всетаки, зачѣмъ я былъ у г. Костомарова въ августѣ? Когда я прожилъ весною нѣсколько дней въ Москвѣ, я отъ нечего дѣлать навѣщалъ и знакомыхъ, и полузнакомыхъ, и почти незнакомыхъ (напримѣръ, г. Масловъ, управляющій московскою удѣльною конторою, скорѣе почти незнакомый, чѣмъ полузнакомый мой, особенно тогда; послѣ мы встрѣчались раза три въ обществѣ, когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ). Но въ августѣ я пріѣхалъ въ Москву съ петербургскимъ поѣздомъ, выѣхалъ изъ нея въ тотъ же день съ владимірскимъ, — не показываетъ ли короткости, что я поскакалъ на свиданіе съ г. Костомаровымъ? Дѣло въ томъ, что я поѣхалъ вовсе не къ нему. Переѣхавъ съ петербургской станціи на владимірскую и взявъ билетъ, я написалъ письмо къ женѣ. Мнѣ сказали: съ этой станціи оно не попадетъ на нынѣшній петербургскій поѣздъ, — отправляйтесь въ отдѣленіе почтамта. Я повезъ письмо. Отдавъ письмо, я подумалъ: если ужъ попалъ въ городъ, то заѣду къ Плещееву. Поѣхалъ, но вспомнилъ, что его нѣтъ въ Москвѣ, сказалъ извозчику „стой“ и началъ думать, куда бы поѣхать. При моемъ отъѣздѣ изъ Петербурга Добролюбовъ далъ мнѣ адресъ г. Головачева¹⁾, сказавъ, что, быть можетъ, г. Головачевъ годится въ сотрудники „Современника“. Я поѣхалъ по этому адресу: собственный домъ на какомъ-то бульварѣ. „Дома г. Головачевъ?“ — Нѣтъ, — отвѣчала служанка. Выходя изъ калитки, я взглянулъ — передъ глазами Екатерининскій институтъ. „А, да это рядомъ съ Костомаровымъ, — заѣду къ нему покурить“. И зашелъ. Но зашелъ только покурить. Г. Костомаровъ на очной ставкѣ, сказавъ сначала, что я пробылъ у него долго, согласился потомъ, что я торопился ѣхать, говоря: „Опоздаю на поѣздъ“, — точно, я говорилъ это: вѣдь пеловко же сказать: мнѣ скучно сидѣть съ вами, — я зашелъ

¹⁾ Алексѣя Адриановича.

только выкурить папиросу, потому что боюсь курить на улицах¹⁾. На самомъ дѣлѣ я не могъ опасаться опоздать: я пріѣхалъ на станцію очень задолго до перваго звонка—вѣроятно, слишкомъ за часъ, — это можно провѣрить. При мнѣ происходила сцена между военнымъ и мужчиною высокаго роста, худощавымъ, въ русскомъ костюмѣ, — это было очень задолго до перваго звонка. Полиція должна знать это. Итакъ, я предпочелъ куреніе у г. Костомарова некурению, одинокое куреніе на станціи курению въ разговорѣ съ г. Костомаровымъ, — вотъ предѣлы, показывающіе степень нашей интимности.

„Повторяю: быть внимательнымъ и оказывать услуги—выгода журналиста и качество моего характера; но отъ этого еще очень далеко не только до тайныхъ отношеній, но и до хорошаго знакомства; не только до хорошаго знакомства, но и до того, чтобы не предпочитать сидѣнье на станціи сидѣнью съ нимъ.

9. Общее заключеніе поясненій по всемъ обвиненіямъ, выводимымъ изъ показаній гг. Костомарова и Яковлева.

„Если остается на мнѣ хотя малѣйшая тѣнь подозрѣнія по этимъ обвиненіямъ, то я прошу Пр. С. разрѣшить мнѣ употребленіе средствъ для полученія болѣе полныхъ опроверженій. Средствами къ тому я нахожу: то, чтобы мнѣ дано было пересмотрѣть дѣла г. Михайлова и г. Костомарова—въ нихъ должно быть много вещей, разрушающихъ настоящія показанія гг. Костомарова и Яковлева; то, чтобы мнѣ дано было рассмотреть воззваніе къ барскимъ крестьянамъ,—такъ какъ оно не писано мною, то я ожидаю найти въ самомъ его содержаніи примѣты того, что оно не писано мною; позволить мнѣ внимательно рассмотреть записку, отвергаемую мною. Упомянутая особенная средства къ раскрытію истины, я, конечно, не отважусь считать нужнымъ для меня перечислять общія средства къ тому, полезныя для всякаго подсудимаго: мои судьи сами лучше, нежели могъ бы сдѣлать я, откроютъ все тѣ способы къ защитѣ, какіе могутъ быть доставлены мнѣ изъ этихъ общихъ средствъ.

¹⁾ Тогда, послѣ пожаровъ, вездѣ смотрѣли за куреніемъ на улицахъ.

10. Поясненія по нѣкоторымъ изъ вопросовъ, порождаемыхъ предыдущимъ изложеніемъ или изустною частью допросовъ, данныхъ мнѣ во время слѣдствія.

„Я ссылаюсь на мои письма къ его величеству и къ его свѣтлости г. спбургскому генераль-губернатору, въ пополненіе моего настоящаго показанія. Но въ нихъ есть одно утвержденіе, котораго я не могу повторить теперь. Я въ нихъ говорю, что противъ меня нѣтъ обвиненій,—теперь противъ меня выставлено много обвиненій. Какъ могъ я говорить тогда, что противъ меня нѣтъ и не можетъ быть обвиненій, и что я долженъ сказать теперь вмѣсто этого?

„Чтобы отвѣчать на это, прежде всего нужно знать: когда явилось въ слѣдствіи, производившемся надо мною, каждое изъ показаній или обстоятельствъ, служащихъ матеріалами для обвиненій. При допросѣ 30 октября мнѣ не было сказано, что есть письмо, говорящее о согласіи Герцена издавать со мною журналъ, — находилось ли тогда это письмо въ рукахъ комиссіи? Мнѣ не было сказано о картонныхъ лоскуткахъ,—имѣла ли тогда комиссія въ виду эти лоскутки и считала ли ихъ достойными того, чтобы спрашивать о нихъ, не шифръ ли они?—и такъ далѣе по каждому обвиненію. Какъ изъ положительнаго, такъ и изъ отрицательнаго отвѣта на каждый изъ этихъ вопросовъ является новый вопросъ. Изъ положительнаго отвѣта является вопросъ: если это обвиненіе существовало, почему не спрашивали о немъ? Изъ отрицательнаго отвѣта является вопросъ: почему-жъ этого обвиненія не было тогда въ рукахъ комиссіи, или почему она прежде не находила, а потомъ нашла его достойнымъ быть предметомъ допроса?

„Вотъ факты: я былъ арестованъ 7 іюля. Первый допросъ мнѣ былъ сдѣланъ 30 октября. Но это допросъ—говорю не въ порицательномъ, а въ юридическомъ смыслѣ слова, не заключающемъ въ себѣ ничего предосудительнаго—чисто только формальный; онъ совершенно удовлетворительно исполнялъ юридическую форму, необходимость и почтенность которой я вполне понимаю и цѣню: отобрать у подсудимаго показанія о имени, званіи, лѣтахъ и проч.; я знаю, что эта форма служитъ для огражденія подсудимаго, и уже она сама иногда открывать его невинность. Но существа дѣла этотъ допросъ

не представлялъ. Существо дѣла явилось только на первомъ мартовскомъ допросѣ, болѣе чѣмъ черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ моего ареста.

„Эти факты многознаменательны: я еще не имѣю права говорить, въ какую сторону они многознаменательны; это право дать мнѣ или отнять у меня приговоръ моихъ судей,—но и въ томъ, и другомъ случаѣ многознаменательны.

„Когда я былъ призванъ въ комиссію 1 или 2 ноября (не для допроса, а для формальной замѣны нѣкоторыхъ моихъ выраженій другими,—замѣны, почтенность которой я вполне понимаю), одинъ изъ членовъ комиссіи,—я теперь знаю его имя: онъ сказалъ мнѣ его 23 апрѣля,—это г. Огаревъ,—я сказалъ ему въ глаза, что считаю человѣкомъ честнымъ и хорошимъ, и, конечно, не скажу за глаза меньше; скорѣе, я говорю въ подобныхъ случаяхъ больше за глаза, чѣмъ въ глаза,—но не потому я составилъ себѣ очень выгодное мнѣніе о его честности, чтобъ онъ защищалъ меня на допросахъ,—напротивъ, онъ живѣе всѣхъ налегалъ на то, чтобъ я призналъ записку за мою, а лоскутки—за шифръ,—но я могу понимать и всегда цѣню, когда человѣкъ честно высказываетъ свое мнѣніе, все равно—ошибочно или справедливо само это мнѣніе на мой взглядъ, въ мою ли пользу оно или противъ меня,—я въ томъ и другомъ случаѣ одинаково признаю его честность и уважаю за него человѣка, — итакъ, г. Огаревъ 2 ноября сказалъ мнѣ, что за нѣсколько времени передъ моимъ арестомъ я болѣе или менѣе офиціальнымъ образомъ спрашивалъ, могу ли я получить заграничный паспортъ. Я прошу Пр. С. изслѣдовать истину по этому вопросу. Лицо, манеры и тонъ голоса г. Огарева всегда внушали мнѣ и теперь внушаютъ мнѣ полную увѣренность, что онъ никогда не унизится до уловокъ для полученія признанія,—да это и говорилось вовсе не къ тому, чтобы получить отъ меня показаніе,—нѣтъ, онъ, конечно, считалъ основательнымъ свѣдѣніе, которое высказывалъ ¹⁾. Такое свѣдѣніе важно, если же не основательно, то какъ примѣръ того, что гг. члены слѣдственной комиссіи могли имѣть невѣрные свѣдѣнія обо мнѣ и принимать ихъ за вѣрныя,—т. е.

¹⁾ Разумѣется, Чернышевскій заявилъ, чтобы показать отношенія къ себѣ комиссіи: Огаревъ былъ именно нѣтъ тѣхъ, которые были въ состояніи прибѣгать ко всѣмъ приемамъ, лишь бы вынудить необходимое признаніе. Н. Г. не могъ не знать этого „отличавшагося“ генерала.

съ полною добросовѣстностію ошибаться во вредъ мнѣ. Гдѣ, какъ, у кого я болѣе или менѣе официальнымъ образомъ спрашивалъ за нѣсколько дней передъ моимъ арестомъ, могу ли я получить заграничный паспортъ? Мнѣ кажется, что это заслуживаетъ изслѣдованія; если же не заслуживаетъ, прошу Пр. С. извинить то, что я напрасно утруждалъ его представленіемъ этого моего мнѣнія.

„Въ изустныхъ объясненіяхъ на допросахъ въ слѣдственной комиссіи я говорилъ многое изъ того, что письменно представляю теперь Пр. С. въ свою защиту, но многого не говорилъ. Почему же я не говорилъ тогда? Если это не разъяснится самымъ ходомъ моего процесса, то я съ полнѣйшею готовностію объясню это Пр. С. точно также, какъ и все, что потребуетъ объясненія, по мнѣнію Пр. С. Это показаніе далъ 1 іюня 1863 года Пр. С. отставной титулярный совѣтникъ *Н. Чернышевскій*“.

Итакъ, мы прежде всего видимъ, что Чернышевскій все еще не терялъ надежды на благопріятный исходъ своего дѣла. Въ сенатѣ онъ думалъ найти въ концѣ концовъ правду... Въ этомъ Н. Г. горько ошибся... Сенатъ ограничился пріобщеніемъ къ дѣлу его пространныхъ показаній.

Такое отношеніе произошло, несмотря на безусловную убѣдительность той части показаній, въ которой Чернышевскій, на точномъ основаніи дѣйствовавшего тогда права, доказывалъ незаконность принятія обвиненій Костомарова и Яковлева. Бесѣдуя теперь съ опытными юристами, основательно знакомыми съ судопроизводствомъ тогдашняго времени, я убѣдился, что игнорировать эти совершенно элементарныя указанія Чернышевскаго можно было только при явномъ рѣшеніи вовсе не руководствоваться никакимъ закономъ, сколько-нибудь ограждавшимъ интересы обвиняемаго. И сенатъ вступилъ на этотъ путь твердо и опредѣленно... Вотъ почему онъ не счелъ уже нужнымъ провѣрить всѣ тѣ фактическія указанія, которые были сдѣланы Н. Г. въ доказательство того или другого своего утвержденія... Онъ и ихъ совершенно, разумѣется, игнорировалъ.

Все это еще не было вполне ясно лишь самому обвиняемому, потому что онъ не могъ знать, какъ отнесся сенатъ къ его показаніямъ.

II.

Здѣсь мнѣ кажется необходимымъ привести прокламацію къ барскимъ крестьянамъ, до сихъ поръ совершенно никому неизвѣстную.

Писалъ ли ее Чернышевскій? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить *категорически* ни да, ни нѣтъ. Однако, есть вѣроятіе предполагать, что авторомъ ея былъ Н. Г. Подтвержденіемъ можетъ служить и указаніе самого Шелгунова, которое приведено Л. Ф. Пантелѣевымъ изъ неизданной части его воспоминаній, полученныхъ отъ Михайловскаго. Тамъ сказано слѣдующее: „Въ эту зиму (1861 г.) я написалъ прокламацію „къ солдатамъ“, а Чернышевскій—прокламацію „къ народу“ ¹⁾).

Во-первыхъ, откуда она взялась у Костомарова? Ему передалъ ее Сороко, получившій, въ свою очередь, отъ Михайлова. Костомаровъ получилъ отъ послѣдняго прокламацію къ солдатамъ. Откуда могъ взять ихъ Михайловъ? Кругъ отношеній его былъ не очень широкъ, особенно въ области общественныхъ интересовъ. Ближе всего онъ былъ съ Шелгуновымъ, не былъ далекъ и съ Чернышевскимъ. Въ своихъ показаніяхъ, данныхъ слѣдственной комиссіи по дѣлу Костомарова и другихъ, Михайловъ говорилъ: „Я дѣйствительно желалъ, чтобъ воззванія были напечатаны, но, отдавая ихъ, плохо на это рассчитывалъ, и не помню, выражалъ ли даже положительно свое желаніе. Корректурный листъ воззванія къ барскимъ крестьянамъ, помнится, былъ, точно, переданъ мнѣ Костомаровымъ; на немъ, если не ошибаюсь, была только часть рукописи. При этомъ Костомаровъ, кажется, говорилъ мнѣ, что на томъ и остановилась попытка напечатать воззваніе“ ²⁾. Очевидно, Михайловъ былъ заинтересованъ въ появленіи прокламаціи.

Во-вторыхъ, слогъ прокламаціи въ связи съ удивительной

¹⁾ „Изъ воспоминаній о Н. Г. Чернышевскомъ“ („Рѣчь“, 1906 г., № 191).

²⁾ В. А. Зайцевъ въ своей статьѣ о Чернышевскомъ, помѣщенной въ № 189 „Колокола“, говоритъ, что прокламація къ крестьянамъ была напечатана III Отдѣленіемъ уже во время процесса Чернышевскаго, что корректура ея правилась подъ почеркъ Н. Г. — и такимъ-де образомъ готово было новое обвиненіе. Это все совершенно неутѣрно. Прокламація, какъ я уже сказалъ, никогда напечатана не была. Эта статья Зайцева перепечатана въ заграничныхъ изданіяхъ, гдѣ кое-что рассказано о процессѣ Чернышевскаго, и во второмъ приложеніи къ сборникамъ подъ редакціей г. Богучарскаго.

способностью Чернышевскаго говорить съ каждымъ его языкомъ и кругомъ міровоззрѣнія. Посмотрите на прокламацію, вчитайтесь въ нее. Вы увидите, что ее писалъ человѣкъ, очень хорошо умѣвшій сдѣлать понятными свои мысли тогдашнему очень мало развитому крестьянину. Кромѣ того, точка зрѣнія автора прокламаціи совершенно совпадаетъ съ точкой зрѣнія Н. Г. на крестьянскій вопросъ, особенно если взять во вниманіе нѣкоторую перемѣну въ ней, сказавшуюся впервые въ „Письмахъ безъ адреса“, написанныхъ въ февралѣ 1862 года.

Въ-третьихъ, Чернышевскій, какъ и многіе въ 1862 г., разсчитывалъ на грандіозное крестьянское движеніе въ 1863-мъ. Потомъ только увидѣли, какъ переоцѣнили настроеніе крестьянъ, а тогда ждали громаднхъ событій и, разумѣется, были не прочь подготовить имъ почву.

Съ другой стороны, я думаю, что осторожный Чернышевскій не входилъ съ Костомаровымъ ни въ какія отношенія по печатанію прокламаціи, не подавъ ему даже вида, что онъ—авторъ ея или вдохновитель. Фигура Костомарова, дѣйствительно, не была для него вполне ясною. Онъ разсчитывалъ на конспираторскія способности Михайлова, который долженъ былъ дать ходъ прокламаціи. Поэтому всѣ рассказы Костомарова, касающіеся прокламаціи и Чернышевскаго, по-моему, совершенный вздоръ, и Н. Г., дѣйствительно, не надо было много усилій памяти, чтобы лишить всѣ его показанія всякой вѣры.

Но, повторяю, все это болѣе или менѣе вѣроятныя соображенія—и только.

Еслибы ихъ не было, и комиссія, а за ней и сенатъ не ставили бы Чернышевскому въ вину авторство прокламаціи, я не сталъ бы приводить ее здѣсь. Но теперь считаю это очень важнымъ.

Вотъ она.

Воззваніе къ барскимъ крестьянамъ.

Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ добродѣтелей поклонъ!

Ждали вы, что дастъ вамъ царь волю,—вотъ вамъ и вышла отъ царя воля.

Хороша ли воля, которую далъ вамъ царь,—сами вы теперь знаете.

Много тутъ разсказывать нечего. На два года останется все попрежнему,—и барщина останется, и помѣщику власть падъ вами останется, какъ была. А гдѣ барщины не было, а былъ оброкъ, тамъ оброкъ останется, либо какой прежде былъ, либо еще больше прежняго станеть. Это на два года,—говорить царь. Въ два года,—говорить царь,—землю переписишутъ да отмежуютъ. Какъ не въ два года! Шесть лѣтъ, либо 10 лѣтъ проволочать это дѣло. А тамъ что? Да, почитай, что то же самое еще на семь лѣтъ; только та разница и будетъ, что такія разныя управленія устроить, куда, вишь ты, можно жаловаться будетъ на помѣщика, если притѣснять будутъ. Знаете вы сами, не ново это слово „жалуйся на барина“. Оно жаловаться-то и прежде было можно, да много ли толку было отъ жалобъ? Только жалобщиковъ же оберутъ да разорять, да еще пересѣкутъ, а иныхъ, которые смѣлость имѣли, еще и въ солдаты заберутъ, либо въ Сибирь да въ арестантскія роты сошлютъ. Только и поку было отъ жалобъ. Извѣстно дѣло: коза съ волкомъ тягалась—одинъ хвостъ остался. Такъ оно было, такъ оно и будетъ, пока волки останутся,—значить, помѣщики да чиновники останутся. А какъ уладить дѣло, чтобъ волковъ-то не осталось, это дальше все разсказано будетъ. [А теперь покуда не о томъ рѣчь, какіе новые порядки, какъ надо завести; покуда объ этомъ рѣчь идетъ, какой порядокъ вамъ отъ царяданъ,—что, значить, не больно-то хороши для васъ нынѣшніе порядки, а что порядки, какіе по царскому манифесту да по указамъ заводятся, все тѣ же самыя прежніе порядки. Только въ словахъ и выходитъ разница, что названія перемѣняются. Прежде крѣпостными, либо барскими васъ звали, а нынѣ срочнообязанными васъ звать велятъ, а на дѣлѣ перемѣны либо мало, либо вовсе нѣтъ. Эки слова-то выдуманы! Срочнообязанные,—вишь ты глупость какая! Какой имъ чортъ это въ умъ-то вложилъ такія слова! А по-нашему, надо сказать: вольный человѣкъ—да и все тутъ. Да чтобъ не названіемъ однимъ, а самымъ дѣломъ былъ вольный человѣкъ. А какъ бываетъ взаправду вольный человѣкъ и какимъ манеромъ вольными людьми можно вамъ стать,—объ этомъ обо всемъ дальше написано будетъ. А теперь покуда о царскомъ указѣ рѣчь: хорошъ ли онъ.

Такъ вотъ оно какъ: два года ждать,—царь говоритъ,—покуда земли отмежуются, а на дѣлѣ земли-то межеваться будетъ нять либо и всѣ десять лѣтъ, а потомъ еще семь лѣтъ живите въ

прежней неволѣ, а по правдѣ-то оно выйдетъ опять не семь лѣтъ, а развѣ что семнадцать, либо двадцать, потому что все, какъ сами видите, въ проволочку идетъ. Такъ, значить, живите вы по-старому въ кабалѣ у помѣщика всѣ эти годы, два года да семь лѣтъ,—значить, девять лѣтъ, какъ тамъ въ указѣ написано, а съ проволочками-то взаправду выйдетъ двадцать лѣтъ, либо тридцать лѣтъ, либо и больше. Во всѣ эти годы остается мужикъ въ неволѣ, уйти никуда не моги: значить, не сталъ еще вольный человѣкъ, а все остается срочнообязанный, значить, все такой же крѣпостной. Не скоро же воли вы дождетесь; малые мальчики до бородъ аль и до сѣдыхъ волосъ дожить успѣютъ, покуда воля-то придетъ по тѣмъ порядкамъ, какіе царь заводитъ.

Ну, а покуда она придетъ, что съ вашей землею будетъ? А вотъ что съ нею будетъ. Когда отмежевывать станутъ, обрѣзывать ее велѣно противъ того, что у васъ прежде было, въ иныхъ селахъ четвертую долю отберутъ изъ прежняго, въ иныхъ третью, а въ иныхъ и цѣлую половину, а то и больше, какъ придется гдѣ. Это еще безъ плутовства отъ помѣщика да безъ потачки имъ отъ межевщиковъ, по самому царскому указу. А безъ потачки помѣщикамъ межевщики дѣлать не станутъ: вѣдь имъ за то помѣщики станутъ деньги давать,—оно и выйдетъ, что оставятъ вамъ земли менѣе, чѣмъ на половину противъ прежней; гдѣ было тягло по двѣ десятины въ полѣ, оставятъ меньше одной десятины. И за одну десятину либо меньше мужикъ справляетъ барщину почти что такую же, какъ прежде за двѣ десятины, либо оброкъ плати почти что такой же, какъ прежде за двѣ десятины. Ну, а какъ мужику обойтись половиной земли? Значить, долженъ будетъ придти къ барину просить: дай, дескать, землицы побольше—больно мало мнѣ подъ {хлѣбъ по царскому указу оставили. А помѣщикъ скажетъ: мнѣ за нее прибавочную барщину справляй, либо прибавочный оброкъ давай. Да и заложить съ мужика, сколько хочеть. А мужику уйти отъ него нельзя, а прокормиться съ одной земли, какая оставлена ему по отмежевкѣ, тоже нельзя. Ну, мужикъ на все будетъ согласенъ, что баринъ потребуетъ. Вотъ оно и выйдетъ, что нагрузитъ на него баринъ барщину больше нонѣшней, либо оброкъ тяжеле нонѣшняго.

Да на одну ли пашню надбавка будетъ? Нѣтъ, ты барину за луга подавай,—вѣдь сѣнокосъ-то, почитай, весь отнимутъ у

мужика по царскому указу. И за лѣсъ баринъ съ мужика возьметъ,—вѣдь лѣсъ-то, почитай, во всѣхъ селахъ отнимутъ; сказано въ указѣ, что лѣсъ—барское добро, а мужикъ и валежнику подобрать не смѣй, коли барину за то не заплатилъ. Гдѣ въ рѣчкѣ или озерѣ рыбу ловили, и за то баринъ станетъ брать. Да за все, чего ты ни коснись, за все станетъ съ мужика баринъ либо къ барщинѣ, либо къ оброку надбавки требовать. Все до послѣдней нитки будетъ баринъ брать съ мужика. Просто сказать, всѣхъ въ нищіе поворотятъ помѣщики по царскому указу.

Да еще не все. А усадьбы-то переносить? Вѣдь отъ барина зависить. Велитъ перенести—не на годъ, а на десять лѣтъ разоренья сдѣлаетъ. Съ рѣки на колодцы пересадить, на гнилую воду да на вшивую; съ доброй земли на солончакъ, либо на песокъ, либо на болото,—вотъ тебѣ и огороды, вотъ тебѣ и конопляники, вотъ тебѣ и выгонъ добрый,—все поминай, какъ звали. Сколько тутъ перемретъ народу на болотахъ-то да на гнилой водѣ! А больше того ребятишекъ жаль: ихъ лѣта слабыя,—какъ мухи будутъ на дрянной-то землѣ да на дрянной-то водѣ мереть. Эхъ, горькое оно дѣло! А гробы-то родительскіе—отъ нихъ-то каково отлучиться?

Тошно мужику придется, коли баринъ по царскому указу велитъ на новыя мѣста переселяться. А коли не переселилъ баринъ мужиковъ, такъ, значить, въ чистой, какъ есть, въ кабалѣ у него; на все есть у него такое одно слово, что въ ноги ему упадетъ мужикъ да завопитъ: „Батюшка, отецъ родной, что хочешь, требуй,—все выполню, весь твой рабъ!“ А слово это у барина таково: „Коли не хочешь такую барщину справлять, либо такой оброкъ платить, такъ я хочу перенести усадьбу“. Ну и сдѣлаешь все по этому словечку.

А то вотъ что еще скажетъ: ты на меня работалъ этотъ день, да я его въ счетъ не ставлю: плохо ты работалъ,—завтра приди отрабатывать. Ну и придешь. На это тоже власть барину дана по указу царскому.

Это все о томъ говорится, какъ мужикамъ будетъ жить, пока ихъ срочнообязанными звать будутъ. — значить, девять лѣтъ, какъ въ бумагѣ обѣщано, а на дѣлѣ дольше будетъ—лѣтъ до двадцати либо до тридцати.

Ну, такъ, а потомъ что-то будетъ, когда, значить, мужику разрѣшено будетъ отходить отъ помѣщика? Оно, пожалуй, что и толковать объ этомъ нечего, потому что долго еще ждать

этого по царскому указу... А коли любопытство у васъ есть, такъ и объ этомъ дальнемъ времени разсудить можно.

Когда срочнообязанное время кончится, воленъ ты будешь отходить отъ помѣщика. Оно такъ въ указѣ обѣщано. Только въ немъ вотъ что еще прибавлено: а коли ты уйдешь, такъ земля твоя остается за помѣщикомъ. А помѣщикъ и самъ, коли захочетъ, можетъ тебя прогнать съ нея. Потому, вишь ты, что земля, которая была тебѣ отмежевана, все же не твоя была, а барская, а тебѣ баринъ только разрѣшеніе давалъ ее пахать, либо сѣно съ нея косить; покуда ты срочнообязаннымъ назывался, онъ тебя съ нея прогнать не могъ, а когда пересталъ ты срочнообязаннымъ называться, онъ тебя съ нея прогнать можетъ. Въ указѣ не такъ сказано на-прямки, что можетъ прогнать, да на то выходитъ. Тамъ сказано: мужикъ уйти можетъ, когда срочнообязанное время кончится. Вотъ вы и разберите, что выходитъ. Барину-то у мужиковъ землю отнять хочется; вотъ онъ будетъ тѣснить ихъ, да жать, да сожметъ такъ, что уйдутъ, а землю ему оставятъ,—оно, попросту сказать, и значить, что баринъ у мужика землю отнять можетъ, а мужиковъ прогнать.

Это о томъ времени, когда срочнообязанными васъ называть переставутъ. А покуда называютъ, барину нельзя мужиковъ прогнать всѣхъ съ одного разу, а можно только по отдѣльности прогонять,—онѣ Ивана, завтра Сидора, послѣ-завтра Карпа, поочередно; оно, впрочемъ, на то же выходитъ.

А мужику куда идти, когда у него хозяйство пропало? Въ Москву что ли, или въ Питеръ, или на фабрики? Тамъ уже все полно,—больше народу не требуется,—помѣстить некуда. Значить, походить, походить по свѣту, по большимъ городамъ да по фабрикамъ, да все туда же въ деревню назадъ вернется. Это спервоначала пробу мужики станутъ дѣлать. А на первыхъ-то глядя, какъ они нигдѣ себѣ хлѣба не нашли, другіе потомъ и пробовать не будутъ, а прямо такъ въ томъ околоткѣ и будутъ оставаться, гдѣ прежде жили. А мужику въ деревнѣ безъ хозяйства да безъ земли—что дѣлать, куда дѣваться, кромѣ, какъ въ батраки наняться. Ну и нанимайся. Сладко ли оно батракомъ-то жить? Нонѣ, сами знаете, не больно вкусно, а тогда и гораздо похуже будетъ, чѣмъ нонѣ живутъ батраки. А почему будетъ хуже—явное дѣло. Какъ всѣхъ-то погонять съ земли-то, такъ вездѣ будутъ сотни да тысячи народу

шататься да просить помѣщиковъ, чтобъ въ батраки ихъ взяли. Значить, ужъ помѣщичья воля будетъ, какое имъ житье опредѣлить—они торговаться не могутъ, какъ нонѣ батракъ съ хозяиномъ торгуется: они куску хлѣба рады будутъ, а то у самого-то въ животѣ-то пусто, да семья-то пріюта не имѣетъ. Есть такія поганая земля, гдѣ ужъ и давно заведенъ этотъ порядокъ: вотъ вы послушайте, какъ тамъ мужики живутъ. У васъ нонѣ избы плохи, а тамъ и такихъ нѣтъ: въ землянкахъ живутъ да въ хлѣвахъ, а то въ сараяхъ большихъ,—въ одномъ сараѣ семей десятокъ набито, все равно какъ табунъ скота какого. Да и хлѣба чистаго не ѣдятъ, а дрянъ всякую; какъ у насъ въ голодные годы, у нихъ вѣчно такъ. У насъ въ рускомъ царствѣ есть такая поганая земля, гдѣ города Рига, да Ревель, да Митава стоятъ, а народъ тоже христіанскій и вѣра у нихъ тоже хорошая, да не по вѣрѣ эта земля—поганая, а по тому, какъ въ ней народъ живетъ: коли хорошо мужику жить въ какой землѣ, то и добрая земля, а коли дурно, то и поганая.

Такъ вотъ оно къ чему по царскому манифесту да по указамъ дѣло поведено; не къ волѣ, а къ тому оно идетъ, что въ вѣчную кабалу васъ помѣщики взяли, да еще въ такую кабалу, которая гораздо и гораздо хуже нонѣшней.

А не зналъ царь что ли, какое дѣло онъ дѣлаетъ? Да сами вы посудите, мудро ли это разобрать. Значить, зналъ. Ну и разсудите, чего надѣяться вамъ на него Не дождетесь вы отъ него воли, какой вамъ надобно. А почему не дождетесь отъ него, тоже разсудить можно. Самъ-то онъ кто такой, коли не тотъ же помѣщикъ? Удѣльные-то крестьяне чьи же? Вѣдь они—его крестьяне крѣпостные. Да и васъ-то въ крѣпостные помѣщикамъ все цари же отдали,—иныхъ давно, такъ что вамъ уже и не памятно, а другихъ не больно давно, такъ что дѣды помнятъ. Прабабка нонѣшняго царя Екатерина отдала въ крѣпостные изъ вольныхъ. А есть еще такіе неразумные, что ее матушкою Екатериною величаютъ. Хороша матушка,—дѣтей въ кабалу отдала.

Вы у помѣщиковъ —крѣпостные, а помѣщики у царя—слуги; онъ надъ ними помѣщикъ. Значить, что онъ, что они—все равно. Ну царь и держитъ барскую сторону. А что манифестъ да указы выпустили, будто волю вамъ даетъ А

почему сдѣлалъ,—вотъ почему: у французовъ да у англичанъ крѣпостного народа нѣтъ,—вотъ они ему глаза и кололи, что у тебя, говорятъ, народъ въ кабалѣ. Ему и стыдно было передъ ними

Волю, слышь, далъ онъ вамъ! Да развѣ такая и въ правду-то воля бываетъ? Хотите знать, такъ вотъ какая.

Вотъ у французовъ есть воля. У нихъ нѣтъ разницы, самъ ли человѣкъ землю пашетъ, другихъ ли нанимаетъ свою землю пахать; много у него земли—значить, богатъ онъ, мало—такъ бѣденъ, а разницы по званію нѣтъ никакой,—все одно; какъ богатый помѣщикъ либо бѣдный помѣщикъ—все одно помѣщикъ. Надо всѣмъ одно начальство, судъ для всѣхъ одинъ, и наказаніе всѣмъ одно.

Вотъ у англичанъ есть воля, а воля у нихъ та, что рекрутства у нихъ нѣтъ: кто хочетъ, иди на военную службу, все равно, какъ у насъ помѣщики тоже юнкерами и офицерами служить, коли хотятъ. А кто не хочетъ, тому и принужденія нѣтъ. А солдатская служба у нихъ выгодная, жалованья солдату больше дается,—значить, доброй волей идутъ служить, сколько требуется людей.

А то вотъ еще въ чемъ воля и у французовъ, и у англичанъ: подушной подати нѣтъ. Вамъ это, можетъ, и въ умъ не приходило, что безъ рекрутчины да безъ подушной подати можетъ царство стоять. А у нихъ стоитъ. Вотъ, значить, умные люди, коли такъ устроить себя умѣли.

А то вотъ еще въ чемъ у нихъ воля: паспортовъ нѣтъ,—каждый ступай, куда хочетъ, живи, гдѣ хочешь, — ни отъ кого разрѣшенія на это не надо.

А вотъ еще въ чемъ у нихъ воля: судъ праведный. Чтобы судья деньги съ кого бралъ—у нихъ это и не слыхано. Они и вѣрить не могутъ, когда слышатъ, что у нихъ судьи деньги берутъ. Да у нихъ такой судья одного дня не просидѣлъ бы на мѣстѣ,—въ ту же минуту въ острогъ его запрятали бы.

А вотъ еще въ чемъ у нихъ воля: никто надъ тобою ни въ чемъ не властенъ, окромѣ міра. Міромъ все у нихъ правится. У насъ исправникъ, либо становой, либо какой писарь,—а у нихъ ничего этого нѣтъ, а замѣсто всего староста, который безъ міру ничего подѣлать не можетъ и во всемъ долженъ міру отвѣтъ давать. А міръ надъ старостою во всемъ властенъ, а кромѣ міра никто надъ старостою не властенъ, и ни къ кому староста страха

не имѣть, а къ міру имѣть. Полковникъ ли, генераль ли,— у нихъ все одно передъ старостою шапку ломить и во всемъ старосту слушаться долженъ; а коли чуть въ чемъ провинился генераль али кто бы тамъ ни былъ предъ старостою, али ослушался старосты, староста его, полковника-то аль генерала-то, въ острогъ сажаетъ,— у нихъ предъ старостою все равно; хотъ ты простой мужикъ, хотъ ты помѣщикъ, хотъ ты генераль будь,— все одно староста надъ тобою начальствуетъ, а надъ старостою міръ начальствуетъ, а надъ міромъ никто начальствовать не можетъ, потому что міръ значитъ народъ, а народъ у нихъ всему голова: какъ народъ повелить, такъ всему и быть. У нихъ и царь надъ народомъ не властенъ, а народъ надъ царемъ властенъ. Потому что у нихъ царь, значитъ, для всего народа староста, и народъ, значитъ, надъ этимъ старостою, надъ царемъ-то, начальствуетъ. Хорошъ царь, послушествуетъ народу, такъ и жалованье ему отъ народа выдается, а чуть что царь сталъ супротивъ народа дѣлать, ну, такъ и скажутъ ему: ты, царь, надъ нами ужъ не будь царемъ, ты намъ не угоденъ; мы тебя смѣняемъ; иди ты съ богомъ, куда самъ знаешь, отъ насъ подальше, а не пойдешь, такъ мы тебя въ острогъ посадимъ да судить станемъ тебя за твое ослушанье. Ну, царь и поидетъ отъ нихъ, куда самъ знаетъ, потому что ослушаться народа не можетъ. А какъ провожать его отъ себя станутъ, они ему на дорогу еще деньжонокъ дадутъ изъ жалости,— Христа ради тамъ складчину ему сдѣлаютъ промежъ себя по грошу или по конейкѣ съ души, чтобъ въ чужой-то землѣ съ голоду не умеръ. Добрай народъ, только и строгой же: потачки царю не любятъ давать. А на мѣсто его другого царя выберутъ, коли хотятъ, а не захотятъ, такъ и не выберутъ, коли охоты нѣтъ. Ну тогда ужъ просто тамъ на срокъ староста народный выбирается, на годъ ли тамъ, на два ли, на четыре ли года, какъ народъ ему срокъ полагаетъ. Такъ заведено у народа, который швейцарцами зовется, и у другого народа, который американцами зовется. А французы и англичане царей у себя пока держатъ. И надобно такъ сказать, когда народный староста не по наслѣдству бываетъ, а на срокъ выбирается, и царемъ не зовется, а просто зовется народнымъ старостою, а по-ихнему, по-иностраниному, президентомъ,— тогда народу лучше бываетъ жить, и народъ богаче бываетъ. А то и при царѣ можно тоже хорошо жить, какъ англичане и французы живутъ, только, значитъ, тѣмъ, чтобы царь во всемъ

народу и послушаніе оказывалъ, и безъ народа ничего дѣлать не смѣлъ, и чтобы народъ за нимъ строго смотрѣлъ, и, чуть что дурное отъ царя увидитъ, смѣнялъ бы народъ его, царя-то, и вонъ изъ своей земли выпроваживалъ, какъ у англичанъ да у французовъ дѣлается.

Такъ вотъ она такая взаправду-то воля бываетъ на свѣтѣ: чтобы народъ всему голова былъ, а всякое начальство міру покорствовало, и чтобы судъ былъ праведный и ровный для всѣхъ былъ бы судъ, и безчинствовать надъ мужикомъ никто не смѣлъ, и чтобы паспортовъ не было, и подушнаго оклада не было бы, и чтобы рекрутчины не было. Вотъ это воля, такъ воля и есть. А коли того нѣтъ, значитъ и воли нѣтъ, а все одно: обольщеніе въ словахъ.

А какъ же намъ, русскимъ людямъ, и вправду вольными людьми стать? Можно это дѣло обработать, и не то чтобы очень трудно было; надо только единодушіе имѣть между собою мужикамъ, да сноровку имѣть, да силой запастись.

Вотъ вы, барскіе крестьяне, значитъ, одна половина русскихъ мужиковъ. А другая половина—государственные да удѣльные крестьяне. Имъ тоже воли-то нѣтъ. Вотъ вы съ ними и соглашайтесь, и растолкуйте имъ, какая имъ воля слѣдуетъ, какъ выше прописано. Чтобъ рекрутчины, да подушной, да паспортовъ не было, да окружныхъ тамъ, да всей этой чиновной дряни надъ нами не было, а чтобы у нихъ также міръ былъ всему голова. И отъ насъ, вашихъ доброжелателей, поклонъ имъ скажите: какъ вамъ, такъ и имъ одного добра мы хотимъ.

Государственнымъ и удѣльнымъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ!

А вотъ тоже солдатъ—вѣдь онъ изъ мужиковъ, тоже вашъ братъ. А на солдатѣ все держится, всѣ нонѣшніе порядки. А солдату какая прибыль за нонѣшніе порядки стоять? Что ему житье что ли больно сладкое? Али жалованье хорошее? Проклятое нонче у насъ житье солдатамъ. Да и лобъ-то имъ забрили по принужденію, и каждому изъ нихъ вольную отставку получить бы хотѣлось. Вотъ вы имъ и скажите всю правду, какъ объ нихъ написано. Когда воля мужикамъ будетъ, каждому солдату тоже воля объявится: служи солдатомъ, кто хочеть, а кто не хочеть—отставку чистую получай. А у солдата денегъ нѣтъ, чтобы домой идти да хозяйствомъ или

какимъ мастерствомъ обзавестись,—такъ ему при отставкѣ будутъ на то деньги выданы, сто рублей серебромъ каждому. А кто волей захочетъ въ солдатахъ остаться, тому будетъ въ годъ жалованья 50 рублей серебромъ. А и принужденья никакого нѣтъ: хочешь—оставайся, хочешь—въ отставку иди. Вы такъ имъ и скажите, солдатамъ: вы, братья солдатушки, за насъ стойте, когда мы себѣ волю добывать будемъ, потому что и вамъ воля будетъ: вольная отставка каждому, кто въ отставку пожелаетъ, да сто рублей серебромъ награды за то, что своимъ братьямъ-мужикамъ волю добыть помогалъ. Значить, и вамъ, и себѣ добро сдѣлають, и поклонъ имъ отъ насъ скажите:

Солдатамъ русскимъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ!

А еще вотъ кому отъ насъ поклонитесь: офицерамъ добрымъ, потому что есть и такіе офицеры, и не мало такихъ офицеровъ. Такъ чтобы солдаты такихъ офицеровъ высматривали, которые надежны, что за народъ стоять будутъ, и такихъ офицеровъ пусть солдаты слушаются, какъ волю добыть.

Такъ вотъ какое дѣло,—надо мужикамъ всѣмъ промежъ себя согласіе имѣть, чтобы заодно быть, когда пора будетъ. И покуда пора не пришла, надо силу беречь, себя напрасно въ бѣду не вводить, значить, спокойствіе сохранять и виду никакого не показывать. Пословица говорится, что одинъ въ полѣ не воинъ. Что толку, что ежели въ одномъ селѣ булгу поднять, когда въ другихъ селахъ готовности еще нѣтъ? Это значить только дѣло портить да себя губить. А когда вездѣ готовы будутъ, значить, вездѣ поддержка подготовлена, ну тогда дѣло начинай. А до той поры рукамъ воли не давай, смиренный видъ имѣй, а самъ промежъ своимъ братомъ-мужикомъ толкуй да подговаривай его, чтобы дѣло въ настоящемъ видѣ понималъ. А когда промежъ васъ единодушіе будетъ, въ ту пору и назначеніе выйдетъ, что пора, дескать, всѣмъ дружно начинать. Мы ужъ увидимъ, когда пора будетъ, и объявленіе сдѣлаемъ. Вѣдь у насъ по всѣмъ мѣстамъ свои люди есть,—отовсюду намъ вѣсти приходятъ, какъ народъ да что народъ. Вотъ мы и знаемъ, что покудова еще нѣтъ приготовления. А когда приготовления будетъ, намъ тоже видно будетъ. Ну, тогда и пришлемъ такое объявленіе, что пора, люди рускіе, доброе дѣло начинать, что во всѣхъ мѣстахъ въ одну пору начнется доброе дѣло, потому что вездѣ

тогда народъ готовъ, и единодушiе въ немъ есть, и одно мѣсто отъ другого не отстанетъ. Тогда и легко будетъ волю добыть. А до той поры готовься къ дѣлу, а самъ виду не показывай, что къ дѣлу подготовленiе у тебя идетъ.

А это наше письмоцо промежъ себя читайте да другъ дружкѣ раздавайте. А кромѣ своего брата-мужика да солдата ото всѣхъ его прячьте, потому что для мужика да для солдата наше письмоцо писано, а къ другому ни къ кому оно не писано,—значить, окромѣ васъ, крестьянъ да солдатъ, никому и знать объ немъ не слѣдуетъ.

Оставайтесь здоровы да вѣсти отъ насъ ждите. Вы себя берегите до поры, до времени, а ужъ отъ насъ вы безъ наставленья не останетесь, когда пора будетъ.

Печатано письмоцо это въ славномъ городѣ Христiанiи, въ славномъ царствѣ шведскомъ, потому что въ русскомъ царствѣ царь печатать правды не велить. А мы всѣ—люди русскiе и промежъ васъ находимся, только до поры, до времени не открываемся, потому что на доброе дѣло себя бережемъ, какъ и васъ просимъ, чтобы вы себя берегли. А когда пора будетъ за доброе приняться, тогда откроемся.

Каждый, внимательно прочитавшiй эту въ своемъ родѣ единственную прокламацiю, согласится, что написана она очень удачно и умѣло; все, кончая „славнымъ городомъ Христiанiей“, соображено и взвѣшено именно въ отношенiи крестьянина.

III.

Сенатъ еще прежде полученiя подробнаго показанiя Чернышевскаго призналъ необходимымъ прежде всего сличить почеркъ карандашной записки съ почеркомъ Н. Г. 19 iюня были призваны секретари сената, которые, разумѣется, со всѣмъ не должны были обладать какими бы то ни было спеціальными знанiями. Двое изъ нихъ категорически высказались, что записку писалъ Чернышевскiй, измѣняя при этомъ почеркъ; остальные шестеро признали несходство почерковъ въ общемъ характерѣ, но сходство въ 12-ти буквахъ изъ 25. Сенатъ, въ свою очередь, опредѣлилъ, что „и въ отдѣльныхъ буквахъ сей записки, и въ общемъ характерѣ почерка есть

совершенное сходство съ почеркомъ бумагъ, писанныхъ Чернышевскимъ до предъявленія ему его записки; съ почеркомъ же, коимъ писано имъ объясненіе въ сенатъ отъ 1 іюня, которое онъ писалъ въ продолженіе девяти дней, никакого сходства нѣтъ“.

Врядъ ли можно было сдѣлать такое нелѣпое опредѣленіе, потому что почеркъ Чернышевскаго, всетаки, всегда былъ и остался одинъ и тотъ же. Но, такъ или иначе, а указаніе на подлинность записки было теперь уже окончательно. Оставшаяся раньше надежда, что, можетъ быть, хоть сенатъ дастъ себѣ трудъ смѣло выговорить правду, пала...

Разумѣется, въ виду этого сенатъ не призналъ возможнымъ освободить Чернышевскаго на поруки... Кстати скажу, что въ серединѣ іюня ему были высочайше разрѣшены свиданія съ А. Н. Пыпинымъ и Е. Н. Пыпиною.

Прошла недѣля, и вдругъ 2 іюля Замятинъ присылаетъ оберъ-прокурору очень пространную „Записку о литературной дѣятельности Чернышевскаго“. Мало того, министръ юстиціи, человѣкъ, которому должно бы подавать примѣръ безусловной законностью своихъ дѣйствій, рѣшается прибавить при этомъ, что посылаетъ записку „къ совокупному разсмотрѣнію съ дѣломъ“...

Замятнину прислалъ ее предсѣдатель слѣдственной коммисіи—ки. Голицынъ. А отъ кого получилъ ее онъ? На этотъ вопросъ нѣтъ положительнаго отвѣта. Можно только догадываться объ авторѣ. По однимъ рассказамъ, это пресловутый Илья Арсеньевъ, литераторъ, бывшій на гастроляхъ въ III Отдѣленіи и потому прозванный „Искрой“ — Арсеньевымъ III. По другимъ — это Всеволодъ Костомаровъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывалъ г. Рейнгардту служившій въ III Отдѣленіи подполковникъ З. Но принимая во вниманіе весь тотъ вздоръ, который рассказывалъ этотъ подполковникъ и который изложенъ на стр. 463—464 въ февральской книжкѣ „Русской Старины“ за 1905 годъ ¹⁾, врядъ ли можно повѣрить и тому, что авторъ—Костомаровъ. Правда, мы уже читали въ его пись-

¹⁾ Совершенно непонятно, какъ это г. Рейнгардтъ рѣшается утверждать, что самъ Николай Гавриловичъ вполне подтвердилъ рассказъ подполковника. Я категорически утверждаю, что этого не могло быть. Г. Рейнгардтъ, вѣроятно, забылъ, о чемъ онъ спорилъ съ Чернышевскимъ. Нельзя было подтвердить такую ужасную околесицу.

мѣ къ Соколову обѣщаніе познакомить его съ литературною дѣятельностью Чернышевскаго, читали объ этомъ и въ допросѣ, но, насколько мнѣ знакомъ стиль и способъ изложенія костомаровскихъ статей и арсеньевскихъ, я склоненъ приписывать „Записку“ Арсеньеву.

Она настолько любопытна во всѣхъ отношеніяхъ, что, разумѣется, должна быть приведена полностью.

„Двѣ теоріи, заключающія въ себѣ разрушительные элементы разложенія, угрожаютъ опасности нашей общественной жизни при самомъ началѣ ея благотворнаго развитія. Первая теорія — матеріальный фатализмъ, отрицающій индивидуальную нравственную свободу человѣка—есть извращенное ученіе нравственной философіи; другая—соціализмъ, неисходно переходящій въ коммунизмъ — ставитъ себя въ основаніе новой политико-общественной экономіи.

„По ученію первой теоріи, человѣческія дѣянія совершаются не отъ свободной рѣшимости разумаго человѣка, не вслѣдствіе выбора его совѣсти между добромъ и зломъ, а опредѣляются и творятся *исключительно* неодолимою силою среды, въ коей живетъ человѣкъ, неотклонимымъ могуществомъ природы, географической организаціи человѣка и происходящихъ оттуда обычаевъ и учрежденій. Такимъ ученіемъ уничтожается нравственная *вмѣняемость* человѣческихъ дѣяній. Если нѣтъ въ человѣкѣ свободной нравственной воли и дѣятельности, тогда нѣтъ грѣха, нѣтъ преступленія, нѣтъ стыда,—всѣ дѣянія безразличны; тогда не за что человѣка хвалить и хулить, награждать и наказывать. Награжденный для этого класса людей—смѣшонъ; преступникъ есть только *жертва общества*, а законное преслѣдованіе злодѣя есть только бѣда.

„Этотъ матеріалистическій фатализмъ есть результатъ того ученія, которое отрицаетъ духовную природу въ человѣкѣ и отвергаетъ бытіе Божіе. Оно исходитъ изъ тѣхъ основныхъ мыслей, что какъ *животныя*, такъ и *растенія наравнѣ*, т. е. не различаясь между собой, *тождественныя* по природѣ и *единныя* по составу своему и жизни, суть скопленіе разноразличныхъ ячеекъ; что вообще *жизнь* есть не что иное, какъ химическій процессъ ячеекъ, разнообразно разлагающихся и слагающихся между собою и окружающею ихъ средою; что такой процессъ и актъ размноженія и есть единственное, до-

пускаемое разумомъ, *безсмертіе вещества*; что высшій организмъ въ природѣ, съ такимъ же процессомъ химическимъ, но искусно снабженный раздѣльными органами для каждаго отправленія, есть *человѣкъ*—произведеніе веществъ природныхъ, въ коемъ инстинктъ называется *разумомъ*.

„Изложенная теорія, распространившись отдѣльно, безъ связи со второю, была бы способна произвести въ государствѣ увеличеніе числа преступленій; но это ученіе въ своемъ примѣненіи введено въ другую теорію, которая направлена *прямо* противъ всего благоустроеннаго общества,—на его силы, труды, богатство и учрежденія, короче сказать—введено въ социализмъ и коммунизмъ. Социализмъ, переходящій въ коммунизмъ, есть ученіе о необходимости распредѣленія матеріальнаго богатства, т. е. раздѣленіе его между всеми лицами народонаселенія не на юридическихъ основаніяхъ, отсталыхъ, какъ говоритъ эта школа, общественныхъ учреждений, а на прогрессивныхъ *соображеніяхъ* новыхъ экономистовъ, съ *созданіемъ другихъ* (коммунистическихъ) *формъ правленія*. Эти двѣ теоріи составляютъ въ наше время зерно будущихъ общественно-правительственныхъ переворотовъ въ Европѣ. Сторонники ихъ—не заговорщики, а проповѣдники революцій. Съ тѣхъ поръ, какъ *совершаются* революціи,—говорятъ они,—не стоитъ заниматься заговорами. Эти слова характеристичны. Стоитъ ли прибѣгать къ такому опасному средству, когда есть возможность, отвергая, по теоріи пигмализма, стыдъ, преступленіе, грѣхъ и указывая, по теоріи коммунизма, на готовые чужіе капиталы и цѣнности, спокойно, сидя за письменнымъ столомъ, проповѣдывать массѣ народа: богатства распредѣлены не такъ! они распредѣлены вредно для общества! кто живетъ на проценты, прибыль, ренту, тотъ *похищаетъ достояніе общества*; надобно сообща раздѣлить цѣнности арифметически, такъ, чтобы *ихъ дѣлитель* былъ *цифра населенія*, *дѣлимое*—*цифра цѣнностей*, а выйдетъ *частное*—это частное есть *количество цѣнностей, принадлежащихъ каждому лицу*.

„Изъ нашихъ періодическихъ изданій „Современникъ“ въ послѣдніе годы явился проводникомъ обѣихъ указанныхъ теорій въ статьяхъ Чернышевскаго, обзоръ которыхъ составляетъ предметъ настоящей записки.

А. Матеріальний фатализмъ.

„Для социалистовъ и коммунистовъ воля человѣческая разумно-свободная, опирающаяся въ выборѣ дѣяній на совѣсти, или сознаніи добра и зла, дѣлала всегда, какъ само собою разумѣется, много хлопотъ. Съ одной стороны, вводимая ими совершенная зависимость отъ общества по имѣнію и управленію, необходимость руководиться природою требуетъ, конечно, сильной дозы самоотверженія, нигилизма. Тутъ для привлеченія себѣ адептовъ пропагандисты коммунизма прибѣгаютъ въ теоріи матеріальнаго фатализма, животнаго инстинкта, несправедливо называемаго разумомъ, къ отверженію духовности и матеріализму. Но, съ другой стороны, всетаки, возникаетъ необходимо вопросъ: какъ же будущій коммунистъ безъ свободной воли уживется въ утопической коммунѣ? Чѣмъ будетъ онъ руководствоваться, чтобъ безобидно поставить себя относительно своихъ собратьевъ? Тутъ даютъ ему иные нѣкоторыя волю, напримѣръ, на выборъ труда, на разумное соревнованіе, на общее содѣйствіе. Доза этой свободы такъ мала, что Бокль, всетаки, прямо отвергаетъ свободную волю, но Чернышевскій, желая обольстить *индивидуальною самостоятельностью въ коммунизмѣ*, высказалъ мысль, что *люди существенно все одинаковы!* („Атеней“, 1858 г., май и іюнь). Коммунисты приобрѣли себѣ драгоцѣнную находку въ томъ положеніи, что *каждый человѣкъ — какъ все люди, что въ каждомъ — то же, что въ другомъ*. Это положеніе позволяетъ выводить изъ него тѣ же слѣдствія, какъ изъ матеріалистическаго фатализма. Такъ, изъ развитія означенной мысли оказывается: 1) что этотъ фатализмъ тождественности есть *матеріальный*, естественный (тамъ же, стр. 76), 2) что человѣкъ, лишенный свободы нравственной, лишается и вмѣненія (стр. 78), и 3) что вины въ человѣкѣ нѣтъ, а есть бѣда (стр. 79).

„Стѣсненіе индивидуальной свободы въ коммунизмѣ сознаютъ все наблюдатели коммунистическихъ тенденцій.

„Чернышевскій въ одномъ мѣстѣ самъ напоминаетъ объ этомъ („Совр.“, 1860 г., № 1; „Современное обозр.“, стр. 60), по опроверженію на это замѣчаніе не помѣстилъ нигдѣ, а только рассказалъ далѣе, какимъ путемъ въ изустныхъ спорахъ онъ съ торжествомъ опровергалъ своихъ противниковъ.

„Замѣчательна еще одна сторона въ ученіи Чернышевскаго. Онъ иногда проповѣдуетъ высокія истины,—напримѣръ, *человѣкъ обязанъ искать истины, поступать честно*; общество обязано стремиться къ водворенію *справедливости, правды, законности*. Но такіе принципы, *предписывающіе что нибудь дѣлать*, имѣютъ у Чернышевскаго два значенія: одно значеніе ихъ—только *общее*, теоретическое, *неопредѣленное*: истины ихъ, взятая *въ частности*, могутъ терять свой всеобщій характеръ, свой неизмѣнный типъ; другое значеніе ихъ—*частное* въ сферѣ практической, а не въ теоріи, въ сферѣ дѣйствія, а не мысли; тутъ коль скоро общая мысль переходитъ въ примѣненіи своемъ въ практику, и уже указанъ способъ ея исполненія, она можетъ измѣнить первоначальному своему характеру всеобщности, потерять свою безысключительную примѣняемость. Такъ, самое общее положеніе—*поступай честно* при опредѣленіи способа примѣненія—можетъ допускать *нѣкоторыя* исключенія. А всякое другое правило допускаетъ еще *больше исключеній*. Неопредѣленность общихъ принциповъ даже такова, что они дозволяютъ (подъ перомъ Чернышевскаго) различныя для себя выраженія: такъ, *поступай, честно* (по его мнѣнію) равносильно принципу: *поступай согласно съ природой*, или: обязанность поступать честно, по природѣ, неразлучна съ организмомъ чловѣка.

„Итакъ, въ частности въ приложеніи къ практикѣ общіе принципы подвержены измѣненію: наприм., *честность вообще* требуетъ истины, но *въ частности честности почти всегда* (не абсолютно, а только *почти* всегда) требуетъ соблюденія истины; *иногда она требуетъ нарушенія истины*. Случаи, въ которыхъ нарушеніе истины можетъ допускаться, принадлежатъ исключительно практической сферѣ; они относятся къ жизни дѣйствія.

Б. Соціализмъ и коммунизмъ.

„Ученіе о матеріальномъ фатализмѣ, не составлявшее главной стороны тенденцій Чернышевскаго, далеко не полно развито въ его сочиненіяхъ; напротивъ, теоріи социализма и коммунизма изложены весьма подробно: имъ со скрытыми ихъ слѣдствіями, въ 1860 г., Чернышевскій посвящаетъ все свое время.

„Главнымъ источникомъ для уразумѣнія автора служатъ три его произведенія, помѣщенные въ „Современникъ“; изъ нихъ два содержатъ теоретическую сторону ученія, третье—сторону историческую или примѣнительную.

„1. „*Капиталъ и трудъ*“—большая статья („Совр.“, 1860, янв.), написанная по поводу сочиненія профессора Горлова („Начала политической экономіи“), содержитъ почти цѣлую теорію социализма и коммунизма въ сокращеніи.

„2. Переводъ политической экономіи англійскаго ученаго Милля, весьма приближающагося въ своихъ воззрѣніяхъ къ Прудону, сдѣланный Чернышевскимъ и снабженный его примѣчаніями,—тянется почти во всѣхъ книжкахъ „Современника“ 1860 года и переходитъ въ 1861 годъ. Переводчикъ своими примѣчаніями и толкованіями, присоединенными къ переводу, стремится Милля передѣлать въ Прудона. Этотъ переводъ и объясненія содержатъ цѣлую систему ученія, проповѣдуемаго Чернышевскимъ.

„3. Для распространенія этого ученія въ томъ же 1860 году написана весьма рѣзкая для правительства и достаточныхъ классовъ статья подъ заглавіемъ „*Іюльская монархія*“, въ которой выставлены тенденціи какъ французскихъ, такъ и всякихъ либераловъ, демократовъ, возникновеніе социализма и бунты работниковъ; правительство Луи-Филиппа, пренебрегавшее низшими классами, выставлено въ самомъ черномъ свѣтѣ, и на этомъ основаніи выведена несостоятельность династіи іюльской. Статья написана вслѣдствіе выхода мемуаровъ Гизо, но авторъ самъ говоритъ, что онъ не держался этой книги, изданіе которой служило для него только предлогомъ для изложенія фактовъ съ точки зрѣнія діаметрально противоположной Гизо, и по другимъ источникамъ (Луи-Бланъ).

„Основаніе всей теоріи коммунизма состоитъ въ томъ, что *трудъ* есть *единственный производитель цѣнностей*. Давать участіе въ производствѣ *капиталу*—однѣ фразы („Трудъ и капиталъ“, „Совр.“, 1860 г., январь, стр. 38).

„Отсюда слѣдуетъ:

„1. Что потребленіе произведенныхъ цѣнностей по праву не принадлежитъ никому другому, какъ *работнику*, такъ какъ *капиталисты* не трудятся.

„2. Судя по теперешнему положенію вещей, нужно другое

распредѣленіе богатства. Да и вообще всякое потребленіе имѣть основую *распредѣленіе* (стр. 19 той же статьи).

„3. Поэтому богатство—излишекъ цѣнностей—непроизводительно, вредно: оно произошло въ обиду работнику. „Каждая индѣйка, покупаемая въ Петербургѣ за 3 рубля, отнимаетъ у общества пудъ говядины. Каждый аршинъ сукна, цѣною въ 10 рублей серебромъ, отнимаетъ у кого-нибудь теплую шубу“ (стр. 43 и 44).

„4. Богатые составляютъ *лигу*. Рабочій классъ еще не понимаетъ этого. „Среднее сословіе уже дѣйствуетъ на исторической сценѣ, а главная масса еще не принималась за дѣло: ея густыя колонны еще только приближаются къ полю исторической дѣятельности“ („Совр.“, 1861 г., май, стр. 115). Масса убѣждена, что роскошь и воровство одинаково непроизводительны, вредны; роскошь ихъ обкрадываетъ, убавляетъ отъ ихъ заработковъ.

„5. Распредѣленіе путемъ *переворотовъ* должно совершиться въ томъ смыслѣ, что часть каждаго члена общества по возможности будетъ близка къ средней цифрѣ, полученной изъ отношенія массы цѣнностей къ числу народонаселенія (стр. 18 и 50).

„6. Осуществленію этого идеала мѣшаетъ *лига*: она вся основана на существованіи *факта* (не закона) *собственности* и *обычая наслѣдства* (стр. 36).

„7. Должны быть даны новыя учрежденія, имѣющія цѣлью перевести цѣнности только въ руки лицъ, вносящихъ въ общество *трудъ*, *лишувъ* цѣнностей лицъ, которымъ принадлежатъ капиталы, потому что а) капиталисты располагаютъ только силами другихъ лицъ, которымъ поэтому принадлежатъ цѣнности однимъ по праву, б) трудящійся не долженъ имѣть болѣе того, что самъ произвелъ, а капиталисты захватываютъ цѣнности, произведенныя другими (воровство) (стр. 51).

„8. Средства, представляемые теоріею для осуществленія этого состоянія, нѣсколько похожи на предпріятіе изъ среды общества такихъ подвиговъ, какіе совершилъ американецъ Вокеръ, или какіе совершало парижское общество *des amis du peuple*, которое располагало такимъ могуществомъ, что вооружало батальонъ и отправляло на помощь Бельгій противъ Голландіи.

„9. При настоящемъ положеніи общества въ Европѣ, эта

теорія лежить въ основаніи дѣятельности: въ *Англіи*—у работниковъ,—это видно изъ союзовъ ихъ или стачекъ, обнаруживающихся въ колоссальныхъ отказахъ отъ работы для принужденія фабрикантовъ къ повышенію заработной платы; во *Франціи*—у учениковъ Прудона и Сенъ-Симона; въ *Россіи*—у раскольниковъ и отчасти въ общинномъ землевладѣніи.

„Здѣсь нельзя не вспомнить, что въ одной изъ статей Чернышевскаго („Капиталъ и трудъ“) начертанъ подробный планъ коммунистическаго устройства общества, основаннаго какъ бы для образца. Этотъ планъ въ своемъ изложеніи обставленъ, естественно, весьма благовидно и благонамѣренно, скрываясь подъ формою обыкновеннаго товарищества для совокупной четверья или пятьюстами семействъ эксплуатаціи земледѣльческихъ продуктовъ съ устройствомъ мастерскихъ общихъ и для другихъ производствъ, съ согласія правительства,—даже при его пособіи. Планъ назначенъ для государства, которое хотя не поименовано, но которое очень нетрудно угадать по приведеннымъ тутъ же признакамъ: 1) оно даетъ десятками милліоновъ взаймы [компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, 2) тратитъ десятки милліоновъ на разныя великолѣпныя постройки, 3) богато полями и другими угодіями, 4) признакъ, что въ немъ для помѣщенія товарищества трудящихся находится среди полей множество старинныхъ зданій, стоящихъ запущенными и продающихся за безцѣнокъ, конечно, не подходитъ ни къ одному изъ существующихъ теперь государствъ, но совершенно подходитъ къ Франціи 1793—1799 годовъ. Припомнивъ утопію въ воззваніи „Къ молодому поколѣнію“ о распространеніи подобныхъ коммунъ, принявъ въ соображеніе первые три признака, подходящіе теперь къ Россіи, четвертый, вѣроятно (въ мысли автора) *имѣющій подходить*, нельзя не убѣдиться, что планъ имѣетъ въ виду дать новый видъ нашему отечеству.

„Распространители идей коммунизма выказали огромные таланты, когда они не только развили ученіе, но и дали приемы уничтожать все существующее, все устроенное на религіи, нравственности, законахъ, обычаяхъ. Методы эти могутъ быть разсматриваемы съ трехъ сторонъ: а) или для обойденія цензурнаго устава, или б) для наведенія мыслей юныхъ адептовъ коммунизма на новыя коммунистическія начала, для сообщенія

имъ опредѣленныхъ формъ и пріемовъ въ борьбѣ при столкновеніи съ прежнимъ порядкомъ вещей. Тутъ придуманы два метода: одинъ—*отрицательный*, уничтожительный, разрушительный, а другой—*гипотетическій*, или способъ сужденія по предположенію.

„Что касается методы для обойденія цензуры, которая, впрочемъ, въ 1860 году была очень слаба, то пріемы были отчасти общіе: ослабленіе мысли, смягченіе, ограниченіе чрезъ прибавленіе словъ: *иногда, нѣкоторый, иной*; сваливанье всего дѣла на западныхъ народовъ; это все дѣлалось и трактовалось такъ, что ясно было, что идетъ дѣло о принципахъ и истинахъ всеобщихъ.

„Спеціальныя пріемы Чернышевскаго состоятъ въ слѣдующемъ:

„а) Въ главную цѣль сужденій и умозаключеній онъ вставляетъ обыкновенно слова и фразы изъ обыденной жизни, изъ свѣдѣній пошлыхъ, впрочемъ, нѣсколько идущихъ къ дѣлу, и вслѣдъ за тѣмъ опять продолжаетъ главную свою мысль и опять прерываетъ подобною болтовнею и пошлыми рѣчами. О Чернышевскомъ нельзя сказать того, что обыкновенно говорится о газетахъ: читать надъ строками. У него должно читать буквально между строками, отдѣленными одна отъ другой пустою болтовней. Это его главный, преобладающій тонъ. Колоритъ рѣзкій стертъ съ мысли перерывами, очевидно, нелѣпыми, но онъ стертъ, какъ сказано, грубо, и непослушная фалапга читателей поневолѣ вчитывается, размышляетъ, а тогда уже не трудно отыскать преобладающую мысль. Надобно полагать, что ключъ къ этому секрету открывался иногда словесно, иногда самъ авторъ въ важныхъ мѣстахъ совѣтовалъ выкинуть въ дѣло, которое, впрочемъ, само за себя говорило. б) Другой пріемъ, свойственный Чернышевскому, есть буффонство и глумленіе. Вездѣ, гдѣ онъ начинаетъ буффонить, за этимъ глумленіемъ непосредственно слѣдуетъ самое рѣзкое мѣсто. в) Иногда онъ торжественно заявляетъ, что о томъ-то и о томъ-то онъ говорить не будетъ и не дорожитъ этимъ: въ одномъ мѣстѣ онъ плюетъ на коммунизмъ, но читайте дальше, дальше онъ говорить! Подъ конецъ коммунизмъ оживленный является необходимымъ исходомъ для настоящаго порядка! г) Иногда мысль выставляется у него въ свѣтѣ весьма неблагопріятномъ, но зато сряду жестоко опровергаются ея противники. д) Нако-

нецъ, онъ никогда не пропуститъ случая доказать свою мысль какимъ-нибудь существующимъ учрежденіемъ или обычаемъ, которое отчасти напоминаетъ его мысль или имѣетъ нѣкоторое къ ней отношеніе. Такъ, въ правѣ государства отчуждать отъ частнаго лица недвижимую собственность, нужную для какой-нибудь важной общественной надобности или предпріятія, Чернышевскій видитъ начало коммунизма, распоряжающагося посредствомъ своихъ представителей общественнымъ достояніемъ.

„Отрицательный способъ связанъ не только со всею системою коммунизма, но и со всѣмъ логическимъ и метафизическимъ строемъ уже и духовной дѣятельности человѣка. Онъ есть ужасное изобрѣтеніе разрушительнаго стремленія нашего времени. Понятіе объ этомъ способѣ дано Чернышевскимъ въ „Современникъ“ 1860 г. за апрѣль и май, въ критикѣ книги Лаврова.

„Извѣстно, что школа матеріализма отвергаетъ всякое духовное начало: нѣтъ въ человѣкѣ души, нѣтъ воли, нѣтъ свободы, нѣтъ добра и зла, нѣтъ вмѣненія. „Наблюденіемъ фізіологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка“ (349 стр. „Совр.“, май). Никакого дуализма въ человѣкѣ не видно; еслибы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей натуры, другую, духовную натуру, то эта натура обнаружилась бы гдѣ-нибудь.

„Короче: души нѣтъ,—одна животная натура въ насъ! .

„Для уразумѣнія всей важности методы отрицанія надлежитъ сообразить слѣдующее: такъ какъ доселѣ и вѣра, и совѣсть, и философія учили противному, т. е. что въ одномъ человѣкѣ соединены двѣ природы: духовная и тѣлесная, то естественно, что отъ *принятія* и въ обществѣ *человѣческомъ духовнаго начала* какъ въ мысли, такъ и въ практикѣ есть въ обществѣ множество сторонъ и учреждений *духовныхъ* или, по крайней мѣрѣ, основанныхъ на *духѣ*; такія стороны духовныя есть въ сферахъ семейной, гражданской, государственной, религіозной; эти духовныя стороны, выражаемая часто, какъ аксіомы, принимаются, вѣрятся, возвышаютъ человѣка до неба и Творца.

„Новая школа не принимаетъ духовности; слѣдовательно, должно отрицать, отказать въ бытіи, уничтожить въ обществѣ и ученіи все, основанное на духовности во всѣхъ сферахъ:

въ семьѣ, въ гражданствѣ, въ государствѣ, въ добродѣтели, въ наукѣ, въ вѣрѣ,—да тогда всего этого и не будетъ, не будетъ и святости, и семьи, и права, и власти, нѣтъ добродѣтели, нѣтъ самоотверженія и соединенія религіознаго съ Богомъ. Даже нѣтъ и мысли, потому что, по этой философiи, *мыслятъ и собаки*. Таковъ отрицательный методъ, задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы на основанiи отреченія отъ духа и отъ невидимой идеи провести это отреченіе черезъ всѣ сферы, въ какія только можетъ поставить себя человѣкъ по своей всесторонней природѣ!

„На чемъ основываетъ эта школа свое отверженіе отъ духа? На началѣ самомъ дѣтскомъ,—именно, что духа никто не видитъ, отъ духа никто ничего не слышалъ! „Въ эту минуту вы, читатель, увѣрены, что, когда вы читаете эту книгу, въ той комнатѣ, гдѣ вы сидите, нѣтъ льва. Вы такъ думаете потому, во-первыхъ, что не видите его глазами, не слышите его рыканія. Есть у васъ второе ручательство: это фактъ, что вы живы. Еслибъ въ вашей комнатѣ находился левъ, онъ бросился бы на васъ и растерзалъ бы васъ и проч.“.

„Принявъ въ основаніе этотъ нигилизмъ, матеріализмъ, фатализмъ жизненный, авторъ научаетъ, какъ должно отвергать все духовное. Этотъ отрицательный методъ иначе называется: *заключеніе о характерѣ неизвѣстнаго по характеру извѣстнаго*. Извѣстнымъ здѣсь называются *истины наукъ матеріальныхъ*, или *математическихъ*, имѣющихъ назначеніемъ приложеніе къ *матеріальнымъ* величинамъ. Незвѣстное—это духовный міръ. Дѣлать заключеніе о характерѣ неизвѣстнаго по характеру извѣстнаго значитъ судить *о мірѣ духовномъ* съ точки зрѣнія наукъ матеріальныхъ и все духовное, какъ сказано, отвергать, низводя все въ сферу матеріализма.

„Такимъ образомъ въ излагаемомъ ученiи, вмѣсто свободной воли, поставлена необходимость причинности. Отвергнувъ свободу и хотѣніе, послѣдователи этого ученія уже не допускаютъ различія между добрымъ и злымъ человѣкомъ. Для этой школы нѣтъ добродѣтели. Жена плачетъ о потерѣ мужа, мать плачетъ о смерти дитяти; это отголосокъ эгоизма (стр. 33).

„Какъ видѣ, какъ подробность въ приложенiи метода отрицательной является метода *гипотетическая*, или *предположительная*.

„Въ работѣ отрицанія, конечно, школа Чернышевскаго встрѣтила цѣлый живой міръ, восточный и западный, прошедшій и настоящій, вѣрящій въ духовность и благоустройство. Особенно законы, ограждавшіе и ограждающіе собственность и наслѣдство, повсюдны. Для этой спеціальной борьбы съ собственностью, для убѣжденія людей въ необходимости новаго *распределенія* изобрѣтенъ новый приѣмъ—*гипотетическій*, или предположительный.

„Особенность его есть слѣдующая:

„Обыкновенно политико - экономы для своихъ выводовъ пользуются статистическими данными, но фактъ статистическій есть произведеніе исторіи, онъ сотворился жизнью народа при господствѣ извѣстной вѣры, законовъ, правленія, обычаевъ. Поэтому, принявши статистическое данное, авторъ долженъ былъ принимать и фактъ историческій и его всякаго дѣятеля.

„Но этого-то наши экономисты и не согласны дѣлать по закону отрицанія. Для сего, чтобы провести свою мысль, они учатъ, что фактовъ статистическихъ принимать не нужно, а нужно предположить извѣстное состояніе людей на основаніи мысли (фантазій) автора. Такъ, они предполагаютъ (въ существующаго міра) извѣстное мѣсто съ такимъ-то народонаселеніемъ, мужскимъ, и съ такимъ-то количествомъ рабочихъ силъ, времени, и выводятъ потомъ, конечно, тѣ же результаты, какіе сначала уже были въ ихъ мысли, и которые они какъ будто бы вывели на основаніи *предположительныхъ данныхъ*. „Ваши статистическія данныя,—говорятъ они,—не суть данныя чистыя, одною причиною произведенныя, а произведены они многими причинами; а наши *предположительныя* данныя суть данныя чистыя, вѣрныя,—стоитъ ихъ только увеличивать или уменьшать“. На это можно отвѣтить, что это-то и доказываетъ *фантастичность* данныхъ вашихъ: значить, въ жизни дѣйствуютъ многіе факторы, *вдругъ* и *постоянно*, и отклоняться отъ нихъ мы права не имѣемъ.

„Этимъ гипотетическимъ методомъ Чернышевскій пользовался постоянно въ своихъ замѣчаніяхъ на политическую экономію Милля и съ помощью его выводилъ свои результаты, которымъ недоставало одной реальной дѣйствительности.

„Подобная литературная дѣятельность Чернышевскаго принесла горькіе плоды. Проповѣдуемое имъ вредное ученіе было усвоено неопытною молодежью, которая, проникнувшись новыми идеями, пожелала осуществить ихъ на дѣлѣ путемъ опасной пропаганды и прибѣгла для этого къ тайной печати. Въ подметныхъ прокламаціяхъ высказываются тѣ же самыя политико-экономическія ученія, которыя развили Чернышевскій, съ тою лишь разницею, что въ прокламаціяхъ они не прикрыты ученою діалектикою, а являются въ безыскусственной формѣ и осязательной нелѣпости. Тѣ самыя политико-экономы старої школы (Бастіа, Роперъ, Рау), на которыхъ съ ожесточеніемъ нападали Чернышевскій въ своихъ сочиненіяхъ, составляютъ предметъ рѣзкихъ и грубыхъ нападокъ для авторовъ подметныхъ листовъ. Наконецъ, насильственные средства къ осуществленію новыхъ порядковъ указываются въ прокламаціяхъ съ беззастѣнчивою откровенностью такія же, на какія Чернышевскій, стѣсненный условіями цензуры, могъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ только намекать болѣе или менѣе ясно. Словомъ сказать, прокламаціи суть какъ бы выводъ изъ статей Чернышевскаго, а статьи его — подробный къ нимъ комментарий“.

Вотъ какой „документъ“ приходилось принимать во вниманіе сенату, и подѣ какимъ заранѣе приготовленнымъ угломъ разсматривать Чернышевскаго. Ни Замятину, ни сенату, ни правительству вообще, конечно, не было совѣстно вмѣнять человѣку въ преступленіе статьи, разрѣшенныя правительственной же цензурой. То ли еще дѣлалось въ нашихъ застѣнкахъ самодержавія...

Но пеловкость, всетаки, ощущалась: на другой же день полученія этой „записки“ сенатъ опредѣлилъ не вносить ни ее, ни приведенную вначалѣ „Записку изъ частныхъ свѣдѣній“ въ свое опредѣленіе...

Итакъ, двумя документами III Отдѣленіе уже козырнуло.

ЧАСТЬ IV.

Еще подлогъ.

I.

Потому ли, что оно не было вполне увѣрено въ сенаторахъ, — хотя, кажется, никто изъ нихъ не обнаружилъ непокорства и послушанія, — потому ли, что чувствовало шаткость своихъ обвиненій въ глазахъ общества, которому, несмотря на тайну, многое — правда, иногда въ весьма извращенномъ видѣ было тогда все-таки извѣстно, — по чему ли другому, но III Отдѣленіе рѣшило козырнуть еще разъ, твердо помня правило опытныхъ игроковъ: козырь игры не портить...

18 іюля Замятнинъ сообщилъ оберъ-прокурору, что 12-го числа Потаповъ прислалъ кн. Голицыну, а послѣдній направилъ къ нему — очень важное письмо Чернышевскаго къ какому-то Алексѣю Николаевичу, — повидимому, къ литератору Плещееву, полученное отъ В. Костомарова... Недаромъ же у невѣдомаго благопріятеля были документы, которые онъ хранилъ, какъ зеницу ока... Теперь-де вотъ одинъ изъ нихъ и появился.

Привожу этотъ третій козырь III Отдѣленія съ подлинника, а не съ копіи, при немъ приложенной.

Вотъ что было написано на изорванномъ, протертомъ и помоченномъ листѣ почтовой бумаги обыкновеннаго формата:

„Добрый другъ Алексѣй Николаевичъ! Можетъ быть Вы и справедливы, упрекая меня за слишкомъ большую довѣрчивость, оказанную людямъ, едва мнѣ знакомымъ; я и самъ очень хорошо знаю, что несмотря на всѣ, принятыя мною предосторожности, рискую очень многимъ, но кто виноватъ? Вы знаете, что времени терять нельзя; теперь или никогда. Тутъ раздумывать много было бы преступленіемъ, — слабостью, ничѣмъ

Dr. John, Spyr.

258

Albert Hunsbury

[illegible]

Ich bin sehr dankbar für die
 an mich gekommene Karte. Ich
 bin sehr erfreut, dass Sie
 mich so sehr interessiert. Ich
 werde mich sehr freuen, wenn
 Sie mich bald wieder besuchen.
 Ich bin sehr dankbar für die
 an mich gekommene Karte. Ich
 bin sehr erfreut, dass Sie
 mich so sehr interessiert. Ich
 werde mich sehr freuen, wenn
 Sie mich bald wieder besuchen.

[illegible]

I never knewy Backs, as yet & I
 expect that, both now & otherwise
 know nothing! He is by
 no other means.

229.

[illegible]

Col. Wm. Stoddard. New York, N.Y.

Barth Zernin

of the *Trifolium* genus.

неоправдываемой, и ошибкой, никогда непоправимой. Вы вотъ около уже полугода водите насъ со своимъ станкомъ, и довели до такой минуты, далѣе которой откладывать мы не можемъ, если хотимъ, чтобъ дѣло наше было выиграно. Въ то время, какъ Вы откладываете со дня на день, намъ подвернулись подъ руку люди, хотя сами по себѣ и весьма, какъ видно, пустенькіе, но все таки энергичные и болѣе года занимавшіеся тайнымъ печатаніемъ, стало быть, вести свое дѣло умѣющіе. Мы не могли не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ напечатать свой манифестъ, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ неуспѣха, самая большая доля отвѣтственности падаетъ на нихъ самихъ. Тѣмъ не менѣе Вы все таки примите свои мѣры къ прекращенію всѣхъ слуховъ, которые могутъ повредить намъ, потому что я уже не отъ однихъ Васъ слышу, что Сулинъ (или какъ тамъ его) хвастаетъ знакомствомъ со мной, и рассказываетъ, будто я отдалъ ему для тайнаго печатанія *свое сочиненіе* (?). Старайтесь заглушить эти слухи; это будетъ Вамъ тѣмъ болѣе легко, что, какъ я слышалъ, и Сул., и Сор. не пользуются въ Москвѣ репутаціей людей положительныхъ и дѣльныхъ.

„Что касается до К., то на него, кажется, можно положиться, хотя, конечно и съ нимъ нельзя черезъ чуръ откровенничать не слѣдуетъ, не испытавъ предварительно вѣрности его на дѣлѣ. Впрочемъ, онъ мнѣ кажется человѣкомъ дѣльнымъ и полезнымъ и я во всякомъ случаѣ весьма благодаренъ Вамъ за знакомство съ нимъ.

„Я ничего не пишу Вамъ теперь о *литературныхъ* дѣлахъ, хотя накопилось довольно много новостей для Васъ небезынтересныхъ. По обыкновенію спѣшу или лучше сказать спѣшнѣе К., съ которымъ я отправляю это письмо.

„Вы все по прежнему продолжаете сомнѣваться въ добромъ исходѣ нашего дѣла; такъ не годится. Больше энергій, болѣе вѣры въ успѣхъ. Дремать грѣшно въ такое удобное время, когда все проснулось. Оттого у Васъ ничего и не выходитъ. Нѣтъ, мы не теряемъ времени въ безплодномъ раздумьѣ. Посмотрите-ка, какихъ чудесъ надѣлалъ Л. съ своими офицерами или 23 въ Понизовьи. Ваша работа легче, а подвигается медленнѣе; отчего? Энергій мало, мало силы воли.

„Совсѣмъ пѣкогда. Жму Вашу руку. Вашъ *Н. Черныш.*

„Скоро буду писать черезъ К“.

Подпись была недокончена. Поддѣлка почерка ясна до очевидности и гораздо болѣе замѣтна каждому, чѣмъ въ карандашной запискѣ. Поддѣлка была сдѣлана совершенно безъ какой бы то ни было тщательности: точно, и не требовалось ея, точно, сенатъ только и ждалъ письма ¹⁾...

24 іюля Чернышевскій былъ призванъ въ сенатъ, и первоприсутствовавшій, Карніолиниъ-Пинскій, началъ съ того, что держалъ подложное письмо въ своихъ рукахъ и, поднеся его къ глазамъ Н. Г., сказалъ съ большою торжественностью: „Oculis, non manibus!“ ²⁾.

Разумѣется, Чернышевскій отвергъ принадлежность этого письма себѣ и не далъ никакихъ разъясненій, кромѣ указаній, что можетъ лишь догадываться, что письмо адресовано къ Плещееву. При этомъ онъ не преминулъ замѣтить, что если въ подписи нужно читать „Чернышевскій“, то письмо явно поддѣльное. Тогда рѣшено было сдѣлать сличеніе почерковъ.

Призванные семь секретарей сената дали слѣдующее заключеніе: „по сличеніи предложеннаго къ разсмотрѣнію письма съ имѣющимися въ дѣлѣ бумагами, признанными г. Чернышевскимъ за писанныя имъ самимъ, нижеподписавшіеся нашли единогласно, что какъ сіе письмо, такъ и означенныя бумаги писаны одною и тою же рукою“. Имена этихъ секретарей пусть будутъ вѣдомы потомству: Ординъ, Варгасовъ, Григоровскій, Малышевъ, Бѣляевъ, Елпатьяевскій и Тришатиный... Разумѣется, сенаторы одобрили эту экспертизу, и вопросъ, такимъ образомъ, былъ рѣшенъ безповоротно...

¹⁾ Относительно этого письма въ печати сообщалось не мало вздору. Такъ, напримѣръ, Якунинъ писалъ: „Чернышевскій указавъ презусу военно-судной комиссіи на водяные знаки почтоваго листа большого формата, на которомъ было написано это письмо: поддѣльнымъ почеркомъ Чернышевскаго былъ выставленъ подъ письмомъ 1863 годъ, а водяные знаки удостовѣряли, что бумага сдѣлана на фабрикѣ въ 1864 году“ (см. „Новое Время“, 1904 г., № 10321). Категорически утверждаю, что здѣсь все съ перваго слова невѣрно, и никакихъ водяныхъ знаковъ на бумагѣ нѣтъ. Сынъ Плещеева сообщилъ, что по первой экспертизѣ письмо было найдено подложнымъ, а по второй—подлиннымъ (см. „Новое Время“, № 10304). И это невѣрно. Любопытно, что Костомаровъ и здѣсь не сумѣлъ остаться грамотнымъ и хотѣ этимъ поддѣлаться подъ Чернышевскаго: его выдастъ съ головой слово „нѣкогда“ на второй отъ конца строкѣ...

²⁾ „Смотрите, но не трогайте“. Сообщено самимъ Николаемъ Гадриловичемъ А. Н. Панину.

На другой день, 31 іюля, съ Костомарова былъ снятъ допросъ.

Среди массы повтореній, ошибокъ и противорѣчій съ прежними его показаніями особенно заслуживаютъ упоминанія такія, напримѣръ, какъ, что онъ уже въ первое свиданіе съ Чернышевскимъ, при Михайловѣ, говорилъ ему о неудовлетворительности редакціи воззванія къ барскимъ крестьянамъ и предложилъ свои поправки; что онъ наотрѣзъ отказался взять это воззваніе; что когда онъ узналъ, что Сороко получилъ отъ Чернышевскаго прокламацію, то „сейчасъ же поѣхалъ въ Петербургъ предупредить Чернышевскаго и другихъ“. Затѣмъ Костомаровъ разсказалъ: „Чернышевскому повезъ я письмо отъ Плещеева. Чернышевскій былъ очень встревоженъ, но утѣшалъ и меня, и себя тѣмъ, что если эта болтовня дойдетъ до правительства, то онъ, Чернышевскій, отъ всего отопрется, потому что уликъ на него никакихъ нѣтъ. Я спѣшилъ въ тотъ же день уѣхать въ Москву, рѣшившись перенять работу отъ Сулина и потомъ, подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, прекратить ее совсѣмъ. Въ этотъ пріѣздъ я получилъ отъ Чернышевскаго письмо къ Плещееву, которое онъ вынесъ мнѣ изъ кабинета. Я его куда-то затерялъ дорогой, такъ и сказалъ я Чернышевскому. А послѣ, когда я нашелъ его за подкладкой своего сакъ-вояжа, оно уже было и измочено, и изорвано—однимъ словомъ, въ такомъ видѣ, что отдать его Плещееву мнѣ было уже совѣстно,—да оно уже и не имѣло бы смысла“.

На слѣдующемъ допросѣ онъ заявилъ: „Съ Плещеевымъ я познакомился по поводу издаваемого мною сборника: „Поэты всѣхъ временъ и народовъ“. Послѣ изданія перваго выпуска этой книги я пріѣхалъ въ Петербургъ къ г. Плещееву просить его участвовать въ слѣдующихъ; къ Чернышевскому онъ меня рекомендовалъ, какъ автора нѣкоторыхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ „Современникѣ“, за которыя мнѣ слѣдовало получить деньги. Объ отношеніяхъ г. Плещеева къ Чернышевскому мнѣ ничего неизвѣстно, какъ равно неизвѣстно и то, имѣлъ ли намѣреніе г. Плещеевъ печатать какія-либо прокламаціи, какъ видно изъ письма г. Чернышевскаго къ Плещееву. Когда Чернышевскій передалъ мнѣ письмо къ Плещееву, я былъ уже знакомъ съ нимъ, чрезъ Михайлова, хотя и имѣлъ рекомендательное письмо отъ Плещеева. Переговоры

же о печатаніи начались прежде всего черезъ Михайлова, и когда я прїѣхалъ къ Чернышевскому, я нашелъ его уже предупрежденнымъ и знакомымъ съ моею прежнею дѣятельностью по тайному книгопечатанію. Г. Плещееву извѣстно было то, что я участвовалъ въ печатаніи книги „Разборъ книги барона Корфа: Императоръ Николай и 14 декабря“.

Достаточно вспомнить всѣ прежнія показанія Костомарова и сравнить ихъ съ этими, чтобы увидѣть, какъ наглъ былъ этотъ человѣкъ, какъ нахально онъ лгалъ, прекрасно зная, что съ него не спросится, что его не станутъ провѣрять и уличать во лжи...

Разумѣется, надо было показать видъ, что бывшій нѣкогда петрашевцемъ Плещеевъ, дѣйствительно, могъ заслуживать такого письма Чернышевскаго, и потому въ III Отдѣленіи очень быстро „стало извѣстно“, что у мирнаго тогда Алексѣя Николаевича видѣли нѣсколько номеровъ революціоннаго листка „Мысли и Дѣла“ и типографскій шрифтъ: этого мало — „извѣстно“, что онъ—одинъ изъ дѣятелей общества „Земля и Воля“... Сдѣлали весьма грозный и внезапный обыскъ, очень серьезно осмотрѣли квартиру Плещеева и... ровно ничего не нашли... Обо всемъ этомъ въ первыхъ числахъ августа было доложено государю и сообщено сенату для свѣдѣнія.

Послѣдній продолжилъ комедію, признавъ необходимымъ вы требовать Плещеева въ Петербургъ для допроса.

Между тѣмъ, 13 августа Чернышевскій былъ привезенъ въ сенатъ для чтенія составленной о немъ записки и для рукоприкладства.

Можно себѣ представить, какіе большіе глаза сдѣлалъ Николай Гавриловичъ, открывъ первый же листъ своего многотомнаго дѣла!.. Только тутъ онъ началъ понимать, что дѣлалось для его обвиненія!.. Только тутъ онъ сталъ угадывать свое близкое будущее...

На другой же день онъ отправилъ коменданту запечатанный пакетъ съ надписью: „Въ Правительствующій Сенатъ отъ отставнаго титул. совѣтника Чернышевскаго. Образецъ черновой литературной работы Чернышевскаго, содержащій въ себѣ пятнадцать полулистовъ и одинъ полулистъ пояснительной замітки (писанной 14 августа 1863). Для облегченія работы гг. дѣлопроизводителей по разбору фактовъ дѣла о Чернышевскомъ. 14—VIII“.

А вотъ и указанная пояснительная замѣтка.

„Въ той части записки по дѣлу Чернышевскаго, которую Чернышевскій прочелъ 13 августа, очень много говорится о литературной дѣятельности Чернышевскаго, о личныхъ свойствахъ его характера, особенно о его самолюбіи. Эти соображенія подтверждаются авторами бумагъ, ихъ содержащихъ, посредствомъ извлеченій изъ черновыхъ бумагъ и семейныхъ писемъ Чернышевскаго.

„Чернышевскій находитъ полезнымъ для разъясненія представить вложенный здѣсь образецъ черновой его работы, заключающейся на 15 листахъ его нумераціи, дѣланной его рукою нынѣ поутру, 14 августа.

„Это нужно для облегченія разбора дѣла о Чернышевскомъ—въ его ли пользу, или нѣтъ, онъ предоставляетъ рѣшить Пр. С.

Отставной тит. сов. *Н. Чернышевскій*.

„14 августа 1863 г.

„Р. С. Онъ проситъ гг. дѣлопроизводителей просматривать листы по порядку нумераціи, дѣланной имъ 14 августа,—читать всего сплошь не стоитъ, по его мнѣнію, достаточно употребить часа полтора или два на пересмотръ.

„Но если гг. дѣлопроизводители будутъ читать внимательно, сплошь, то тѣмъ лучше для разъясненія дѣла. Отставной тит. сов. *Н. Чернышевскій*. 14 августа 1863.

„Чернышевскій предполагаетъ, что легче всего понять эти странныя работы, если предположить, что это матеріаль для будущихъ романовъ, именно для такихъ частей романовъ, въ которыхъ изображается состояніе очень сильнаго юмористическаго настроенія, доходящаго почти до истеричности. Но, конечно, онъ не въ правѣ требовать, чтобы гг. дѣлопроизводители ему вѣрили на слово. Отставной тит. сов. Николай *Чернышевскій*.“

„Что же это за 15 полулистовъ? Это, дѣйствительно, черновые наброски нѣкоторыхъ произведеній, сдѣланные, очевидно, въ крѣпости. Я не привожу ихъ, какъ неидущіе къ дѣлу. Мнѣ кажется только, что, посылая ихъ въ сенатъ, Чернышевскій, въ сущности, издѣвался надъ нимъ, желая подчеркнуть способность своихъ судей копаться въ душѣ обвиняемаго и строить обвиненіе на матеріаль совершенно непригодномъ...

Если такъ, то зарядъ его пропалъ даромъ: въ сенатѣ не поняли присылки...

Черезъ недѣлю Н. Г. вручилъ оберъ-секретарю слѣдующую записку:

„Прочитавъ на листахъ черновой (дополнительной) записки по моему дѣлу изложеніе результатовъ сличенія почерка письма къ Алексѣю Николаевичу, которое я называю непринадлежащимъ мнѣ, съ моими подлинными письмами или бумагами, я осмѣливаюсь просить Пр. С. разрѣшить мнѣ, если то не противно закону, „прибѣгнуть къ тѣмъ изъ даваемыхъ наукою для распознаванія почерковъ средствъ, какія могутъ быть допущены по закону“ (мое дополнительное показаніе). Изъ нихъ первое требуетъ, чтобы мнѣ самому дана была возможность сличить отвергаемое мною письмо съ а) бумагами, несомнѣнно писанными почеркомъ г. В. Костомарова и б) бумагами, писанными мною, которыя были принимаемы за основаніе для сличенія моего почерка съ почеркомъ письма.

„Итакъ, имѣю честь просить Правительствующій Сенатъ, если не противно закону, дать мнѣ на разсмотрѣніе эти бумаги. При разсмотрѣніи отвергаемаго мною письма и бумагъ почерка г. Костомарова нахожу полезнымъ пользоваться сильною лупою, увеличивающею въ 10—12 разъ: прошу у Пр. С. или приказанія доставить ее мнѣ, или разрѣшенія мнѣ пріобрѣсть ее. 20 августа 1863. Отставной титулярный совѣтникъ Николай Гавриловъ сынъ *Чернышевскій*“.

Разумѣется, увидя, что Чернышевскій сразу попалъ въ цѣль, указавъ на Костомарова, сенатъ призналъ „такое домогательство Чернышевскаго незаконнымъ“, ибо „сличеніе почерка руки его сдѣлано секретарями, а затѣмъ присутствіемъ сената, на точномъ основаніи закона, съ соблюденіемъ всѣхъ предписанныхъ закономъ правилъ; того же, чтобы самому подсудимому дозволено было дѣлать сличеніе своего почерка съ актомъ, имъ отвергаемымъ, или употреблять для сличенія сего лупу, въ законахъ постановленія нѣтъ“...

Н. Г. стоически выслушалъ и это рѣшеніе, которое показывало уже съ полною ясностью, чѣмъ кончится все дѣло...

2 сентября онъ заявилъ сенату, что во время чтенія дѣла комендантъ лишилъ его всякихъ свиданій, между тѣмъ скоро должна пріѣхать Ольга Сократовна, и потому онъ проситъ о разрѣшеніи видѣться съ нею. Свиданіе было дано.

II.

Плещеевъ еще не опрошенъ, онъ даже не пріѣхалъ еще и въ Петербургъ, а ужъ Чернышевскій прочелъ все свое дѣло и сенатскую о себѣ записку и заявилъ о желаніи присутствовать при слушаніи ея въ присутствіи сената...

25 сентября онъ кончилъ эту работу и заключилъ ее послѣдними своими обращеніями къ правосудію. Врядъ ли Н. Г. вѣрилъ въ ихъ успѣшность. Вѣрнѣе, онъ просто дѣйствовалъ изъ желанія всѣми возможными способами обнаружить тотъ поразительный произволъ, который творился около него въ теченіе почти двухъ лѣтъ. Человѣкъ съ сильно развитымъ сознаніемъ исторической отвѣтственности (припомните, напри- мѣръ, его указаніе, почему онъ не уничтожилъ письмо Герцена и Огарева), Чернышевскій, очевидно, думалъ и о томъ, что когда-нибудь придетъ время вынести все это на судъ общества... И онъ не ошибся—оно пришло...

25-мъ сентября датированы три его документа.

Первый—рукоприкладство. Это очень цѣнный документъ по ясности, краткости и неотразимости статей закона, приводимыхъ въ отвѣтъ на произволъ сената и комиссіи.

„Прошу Пр. С. обратить вниманіе на слѣдующія обстоя- тельства:

„1. Я былъ арестованъ по подозрѣнію въ намѣреніи эмигри- ровать, но не только намѣреніе эмигрировать, и самое эми- грированіе не составляетъ преступленія; преступленіемъ ста- новится уже только ослушаніе приказанію возвратиться. Св. зак. т. XV кн. I ст. 368 (также 367, 369, 370).

„2. Мои письма къ Его Величеству и г. генералъ-губерна- тору, писанныя въ ноябрѣ, не внесены въ дѣло.

„3. Картонные лоскутки мнимаго шифра прошу сравнить съ дѣйствительнымъ ключомъ шифра, въ которомъ нумерація буквъ различна, между тѣмъ какъ на лоскуткахъ одинакова.

„4. Письмо г. Костомарова къ Соколову имѣетъ всѣ призна- ки, отличающіе произведеніе вымысла отъ фактическаго раз- сказа. Лицо, къ которому адресовано письмо, очевидно, есть лицо выдуманное.

„5. У г. Всеволода Костомарова 5 марта не было уликъ про-

тивъ меня, а 7 марта явилась въ рукахъ лицъ, обыскивавшихъ его, записка карандашомъ, приписываемая мнѣ.

„6. Письмо о разговорѣ г. Яковлева въ смирительномъ домѣ подтверждено официальными актами и рѣшеніемъ комиссіи, высочайше одобреннымъ.

„7. Въ дополнительномъ показаніи моемъ Пр. С. я вызвался подтвердить приводимые мною факты... Въ дѣлѣ есть уже подтвержденія большей части ихъ.

„8. Слова мои о вліяніи неосновательныхъ слуховъ обо мнѣ на начатіе и веденіе процесса противъ меня подтверждаются тѣмъ, что подобными слухами наполнено дѣло.

„9. Слова мои объ истинной причинѣ раздраженія г. Костомарова противъ меня дѣлаются несомнѣнными послѣ того, какъ самъ г. Костомаровъ ясно намекаетъ на нее и отказывается пояснить свои слова.

„10. Солидный характеръ г. Плещеева, извѣстный сотнямъ лицъ, несомнѣтеленъ съ отношеніями, въ которыя ставитъ его ко мнѣ „письмо къ Алексѣю Николаевичу“. Лживость этого письма, конечно, уже раскрыта и официальными мѣрами по поводу этого письма, подвергавшими г. Плещеева непріятностямъ.

„11. Въ „письмѣ къ Алексѣю Николаевичу“ слово *некогда* (нѣтъ времени) написано *нѣкогда* (когда-то, когда-либо).

„12. Это письмо есть подлогъ,—фактъ подобнаго рода нуждается въ точнѣйшихъ средствахъ изслѣдованія истины, о которыхъ говорю я въ бумагѣ, поданной мною Пр. С. по поводу акта сличенія почерка этого письма.

„13. Появленіе „письма къ Алексѣю Николаевичу“ противорѣчитъ словамъ г. Костомарова передъ его появленіемъ, что у него, г. Костомарова, уже не остается уликъ противъ меня.

„14. Появленіе „письма къ Алексѣю Николаевичу“ заставило дѣлать новыя выдумки, противорѣчація прежнимъ его показаніямъ и его письму къ Соколову; все его показаніе 31 іюля проникнуто подробностями, несомнѣнными съ его прежнимъ изложеніемъ его мнимыхъ тайныхъ сношеній со мною; вотъ нѣкоторыя черты несомнѣстности:

Показанія г. Костомарова

31 іюля.

„Въ первый свой прїѣздъ въ Петербургъ имѣлъ онъ рекомендательное письмо ко мнѣ отъ Плещеева.

„Первая редакція прокламаціи къ барскимъ крестьянамъ при первомъ чтеніи ея у меня не понравилась г. Костомарову.

„Итакъ, г. Костомаровъ тутъ же, въ первое свиданіе со мною, при первомъ чтеніи въ моемъ кабинетѣ, потребовалъ измѣненія редакціи; я не согласился; г. Костомаровъ отказался печатать. Онъ не помнитъ, видѣлся ли со мною еще разъ для продолженія переговоровъ: одно или два свиданія мои съ нимъ были заняты ими; но онъ и я лично вели переговоры.

„Всѣ эти чтенія и переговоры—выдумка г. Костомарова.

„Вовремя своихъ занятій тайнымъ печатаніемъ (нѣсколько мѣсяцевъ) г. Костомаровъ ѣздилъ въ Петербургъ „очень часто“, „раза два въ мѣсяцъ“.

„Узнавъ, что рукопись прокламаціи въ Москвѣ, г. Костомаровъ „сейчасъ же“ поѣхалъ въ Петербургъ предупредить меня; въ эту поѣздку онъ получилъ отъ меня „письмо къ Алексѣю Николаевичу“.

Презнія слова г. Костомарова.

„Онъ, уже познакомившись съ Михайловымъ, „не зналъ, какъ устроить знакомство“ со мною, и только Михайловъ познакомилъ его. О рекомендательномъ письмѣ ни слова; явно, его не было.

„При этомъ первомъ чтеніи г. Костомаровъ былъ въ такомъ восхищеніи, что даже не могъ говорить, и потому Михайловъ увезъ его.

„Требованіе измѣнить редакцію прокламаціи явилось у г. Костомарова только при второмъ ея чтеніи (у Михайлова); только тутъ, на другой день послѣ перваго чтенія; переговоры со мною велъ исключительно Михайловъ, ѣздя для этого ко мнѣ одинъ, безъ г. Костомарова, и г. Костомаровъ знаетъ объ этихъ переговорахъ только по разсказу Михайлова.

„Онъ до своего арестованія ѣздилъ въ Петербургъ, „кажется“ ему, только два раза.

„Узнавъ, что рукопись въ Москвѣ, онъ занялся приготовленіями къ печатанію и печатаніемъ ея, а извѣстилъ меня письмомъ о томъ, за чѣмъ, по показанію 31 іюля, самъ ѣздилъ въ Петербургъ.

„По всему этому прошу Пр. С. повелѣть освободить меня отъ содержанія подъ арестомъ; и примѣнить статьи 183, 390, 392, 404, 475, 1206, 1209 и 1288 св. зак. т. XV кн. I къ лицамъ, которыя, по изслѣдованію, окажутся виновными въ нарушеніяхъ закона по моему процессу. Отставной титулярный совѣтникъ *Н. Чернышевскій*“.

Второй документъ отъ 25 сентября—прошеніе, только по формѣ, яко бы, на высочайшее имя, а по тогдашнимъ правиламъ посылаемое въ сенатъ, который или удовлетворялъ ихъ, или отвергалъ. Государю Чернышевскій написалъ первый и послѣдній разъ 22 ноября 1862 года...

„Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ, Александръ Николаевичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемилоостивѣйшій! Просить отставной титулярный совѣтникъ Николай Гавриловъ сынъ Чернышевскій, а въ чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

„1. Мой процессъ веденъ такъ, что рѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ имѣетъ для правительства важность, далеко превышающую рѣшеніе того, какова будетъ моя личная судьба.

„2. Потому, сказавъ это, я исполняю долгъ русскаго подданнаго, прося Правительствующій Сенатъ или принять во вниманіе политическую сторону фактовъ, приводимыхъ въ моемъ рукоприкладствѣ, или принять тѣ мѣры, какія повелѣваются закономъ въ подобныхъ случаяхъ, а потому всеподданнѣйше прошу.

„Дабы повелѣнно было рассмотреть политическое значеніе фактовъ, совершившихся по моему процессу. Отставной тит. сов. Николай Гавриловъ сынъ *Чернышевскій* руку приложилъ. Сентября 25 дня 1863 года.

„Къ поданію надлежитъ въ первое отдѣленіе нятаго департамента Правительствующаго Сената“.

Что подразумѣвалъ Чернышевскій подъ „политической стороной“ своего процесса, для насъ, незнакомыхъ съ письмами его къ государю и кн. Суворову, въ которыхъ имъ развита была именно эта точка зрѣнія, недостаточно ясно.

Третій документъ — пространное прошеніе, опять той же формы и, слѣдовательно, тоже обращенное, въ сущности, къ сенату. Въ немъ Чернышевскій послѣдній разъ разобралъ

падавшія на него обвиненія и больше ужъ никогда не говорить о нихъ ни съ сенатомъ, ни съ кѣмъ-нибудь другимъ...

„Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ, Александръ Николаевичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемиловитѣйшій! Просить отст. тит. сов. Николай Гавриловъ сынъ Чернышевскій, а въ чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

„По прочтеніи моего дѣла для сдѣланія рукоприкладства, я нахожу средства въ значительной степени пояснить обстоятельства моего процесса на основаніи данныхъ, которыя представляются бумагами, заключающимися въ этомъ дѣлѣ. То, что можно было по закону ввести въ форму рукоприкладства, я изложилъ въ немъ; поясненія, не вошедшія въ рукоприкладство, излагаю въ этой моей просьбѣ.

2.

„По изложенію обстоятельствъ моего арестованія надобно заключать, что самый фактъ ареста былъ произведенъ по распоряженію, еще не уполномоченному высочайшею волею Государя Императора, которому было доложено объ арестованіи меня, какъ о фактъ уже совершившемся, только для испрошенія высочайшей воли по вопросу о томъ, въ какомъ мѣстѣ заключенія содержать лицо, уже арестованное. Я теперь сужусь по обвиненію въ политическомъ преступленіи; слѣдственно, самый характеръ процесса моего обязываетъ меня выставять на обсужденіе подлежащихъ правительственныхъ учреждений политическую сторону моего процесса. Она важна для интересовъ самого правительства. Не зная, какъ не юристъ, въ правѣ ли Пр. С. принять во вниманіе эту (политическую) сторону дѣла, я излагаю ее въ отдѣльной просьбѣ, для того, чтобы настоящая моя просьба не погрѣшала по формѣ, если просьба къ Пр. С. о привіятіи во вниманіе политической стороны дѣла есть погрѣшность противъ формы.

3.

„Фактомъ моего арестованія правительство и одинъ изъ его органовъ—Высоч. учрежд. слѣдств. комиссія—съ одной стороны, а съ другой одинъ изъ подданныхъ Его Император-

скаго Величества, именно я, были поставлены въ такое отношеніе: арестованъ человѣкъ, противъ котораго нѣтъ обвиненій; это положеніе имѣло первымъ своимъ послѣдствіемъ нарушеніе св. зак. т. XV кн. I статьи 475. Допросъ мнѣ въ первый разъ былъ сдѣланъ спустя только уже около четырехъ мѣсяцевъ послѣ моего арестованія, и только на этомъ допросѣ была высказана причина моего арестованія ¹⁾.

4.

„Время шло,—надобно же было представить въ Высоч. учрежд. комиссію что-либо подъ именемъ уликъ или обвиненій противъ меня. И вотъ явились на вниманіе комиссіи разныя бумаги изъ числа найденныхъ у меня. Изъ чтенія моего процесса я увидѣлъ, что не было обращено никакого вниманія на особенности положенія журналиста, и потому выставлены были, какъ факты подозрительные, по своей странности, такія обстоятельства, которыя необходимо связаны съ профессією журналиста. Со мною было то самое, какъ еслибы, нашедши въ лабораторіи химика химическіе реактивы, стали удивляться этому и строить на этомъ юридическія дѣйствія противъ него. Потому вижу теперь необходимость изложить нѣкоторыя особенности профессіи журналиста.

5.

„Первая изъ нихъ та (непріятная для людей нѣжнаго темперамента и) безразличная для журналистовъ, привыкшихъ къ своему положенію, продолжка оскорбленныхъ имъ литературныхъ или сословныхъ самолюбіи, что журналистъ нерѣдко получаетъ пасквили противъ себя. Такихъ пасквилей не мало въ моихъ бумагахъ. Выбраны были тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ своимъ содержаніемъ политическую брань на меня. Эти пасквили введены въ дѣло въ нарушеніе св. зак. т. XV ч. II ст. 53.

6.

„Ясно, что письмо гг. Герцена и Огарева прислано было ко мнѣ, какъ пасквиль или подметное письмо. Ясно, что оно, однако же, теперь уже не можетъ быть принято во вниманіе, потому

¹⁾ Опускаю здѣсь, какъ и ниже во многихъ мѣстахъ, указанія въ скобкахъ на страницы подлиннаго дѣла или сенатской записки

что изъ него уже извлечены комиссіею многіе вопросы чернышевскому. Поэтому я уже имѣю право ссылаться на него.

„Поясню, при этомъ, что я обязанъ былъ, какъ литераторъ, сохранить у себя этотъ документъ: онъ важенъ для исторіи литературы, и всякій ученый, занимающійся ею, скажетъ, что я поступилъ бы недобросовѣстно, еслибы или уничтожилъ его, или передалъ въ какой-нибудь архивъ офиціального мѣста, не открытый для ученыхъ, занимающихся исторіей литературы.

„Это письмо показываетъ непріязненность моихъ отношеній къ гг. Герцену и Огареву; оно явно выставляетъ, что подозрѣніе въ моемъ намѣреніи эмигрировать для сотрудничества съ Герценомъ было неосновательно. Оно показываетъ также, что на самомъ дѣлѣ я поступалъ противоположно ложнымъ слухамъ обо мнѣ, о которыхъ буду говорить ниже.

7.

„Также я уже имѣю право ссылаться на другой пасквиль противъ меня, когда онъ введенъ въ дѣло. Это—анонимное письмо ко мнѣ. Я прошу обратить въ немъ вниманіе на слова безыменнаго автора ко мнѣ: „Вспомните, въ какую цѣну вы оцѣнили наши имѣнія“. Они показываютъ истинный источникъ бывшихъ обо мнѣ слуховъ, какъ о человѣкѣ злонамѣренномъ: сословное раздраженіе той части дворянъ-землевладѣльцевъ, которая была недовольна освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ. Видя, что, съ одной стороны, напоръ на правительство по этому дѣлу очень силенъ (напримѣръ, требуютъ всевозможныя цифры выкупа по расчету дохода въ 70 или 80 р. сер. съ тягла, съ капитализаціею изъ 5%, — около 600 р. сер. за ревизскую душу), я считалъ полезнымъ противодѣйствовать этому наивозможно сильнымъ отстаиваніемъ низкихъ цифръ, чтобы правительство имѣло возможность остановиться на умѣренныхъ, возможныхъ величинахъ выкупа.

8.

„Это письмо введено въ дѣло; оно послужило однимъ изъ источниковъ для письма г. В. Костомарова къ г. Соколову. Тамъ и здѣсь подозрѣнія на меня выводятся изъ того, что я социалистъ. Въ печатной литературной полемикѣ мои литературные противники дѣйствительно называли меня социали

стомъ; называли также Кромвелемъ, Бонапарте и проч. Я не имѣю ровно ничего противъ употребленія этихъ или какихъ бы то ни было другихъ укоризненныхъ или обвинительныхъ прозваній противъ меня въ литературной полемикѣ. Я надѣюсь, что огромное большинство литераторовъ, полемизирующихъ противъ меня, и большинство разсудительныхъ читателей понимаетъ истинное значеніе рѣзкихъ выраженій въ полемикѣ: они служатъ приправою, безъ которой споръ казался бы скученъ публикѣ. Это риторическія фигуры: метафоры, метониміи, гиперболы. Но я не ждалъ, чтобы полемическій терминъ моихъ противниковъ былъ введенъ въ слѣдственное дѣло противъ меня въ юридическомъ смыслѣ. Я твердо убѣжденъ, что огромное большинство ихъ вознегодовало бы на этотъ фактъ, если бы узнало о немъ.

„Въ юридическомъ смыслѣ слова,—въ серьезномъ, ученомъ смыслѣ, который одинъ имѣетъ юридическое значеніе,—терминъ „соціалистъ“ противорѣчитъ фактамъ моей дѣятельности. Обширѣйшимъ изъ моихъ трудовъ по политической экономіи былъ переводъ трактата Милля, ученика Рикардо; Милль—величайшій представитель школы Адама Смита въ наше время; онъ гораздо вѣрнѣе Адаму Смиту, чѣмъ Рошерь. Изъ примѣчаній, которыми я дополняю переводъ, обширѣйшее по объему—ислѣдованіе о Мальтусовомъ законѣ. Я приписываю его и стараюсь развить Мальтусову формулу. Этотъ принципъ—пробный камень безусловной вѣрности духу Адама Смита.

„Я не соціалистъ, въ серьезномъ, ученомъ смыслѣ слова, но очень простой причинѣ: я не охотникъ защищать старыя теоріи противъ новыхъ. Я—кто бы я ни былъ—стараюсь понимать современное состояніе общественной жизни и вытекающихъ изъ нея убѣжденій. Распаденіе людей, занимающихся политической экономіей, на школы соціалистовъ и несоціалистовъ—такой фактъ въ историческомъ развитіи науки, который отжилъ свое время. Практическое примѣненіе этого внутренняго распаденія науки также фактъ минувшаго: въ Англіи—давно, на континентѣ Западной Европы—съ событій 1848 г. Я знаю, что есть многіе отсталые люди, полагающіе, что это мое мнѣніе подлежитъ спору; но это споръ уже о томъ, основательны ли мои ученныя убѣжденія,—предметъ чуждый юридическаго значенія. А между тѣмъ онъ введенъ въ дѣло.

„Въ дѣло введено мое письмо къ женѣ. О политической сторонѣ этого факта не говорю здѣсь: она излагается мною въ другой просьбѣ моей. Письмо это дало тему, также вошедшую въ письмо г. В. Костомарова къ Соколову, и нѣсколько строкъ, въ которыхъ я тутъ называю себя Аристотелемъ, много разъ повторяются потомъ въ дѣлѣ, какъ уличеніе меня собственными моими устами въ непомѣрности самолюбія, и наведеніе тѣмъ на мысль, что человѣкъ съ подобнымъ самолюбіемъ не можетъ не быть врагомъ общественнаго порядка.

„Въ числѣ моихъ слабостей есть гордость,—качество противоположное мелкому самолюбію, хотя бы и непомѣрному,—но, всетаки, качество, имѣющее свои забавныя стороны. Я люблю смѣяться надъ своими слабостями. Всѣ мои статьи, всѣ мои письма къ людямъ близкимъ наполнены моимъ иронизированіемъ надъ собою. Можетъ быть, это также недостатокъ. Но до него нѣтъ дѣла уголовному слѣдствію. Иронія не предметъ XV тома свода законовъ. Между тѣмъ я нашелъ въ дѣлѣ фактъ, о которомъ говорю.

„Дѣйствительно ли я человѣкъ непомѣрнаго самолюбія? Пусть прочтутъ серьезныя страницы моихъ статей. Въ нихъ я называю—даже въ нашей бѣдной русской современной литературѣ—нѣсколько людей, которыхъ ставлю выше себя по учено-публицистической дѣятельности. Пусть обратятся съ вопросомъ къ людямъ, знающимъ меня близко,—такой ли я человѣкъ, который бы тяготилъ кого-нибудь своимъ самолюбіемъ. Пусть же употребятъ серьезныя, достойныя средства къ разъясненію психологическаго вопроса, который не подлежитъ суду по XV тому свода законовъ, но который я вижу введеннымъ въ дѣло для осужденія меня по этому тому.

„Но, нарушая границы между біографическимъ любопытствомъ и юридическими обязанностями, не захотѣли даже принять серьезныхъ средствъ къ открытію истины, а сдѣлано гораздо проще: дали юридическій смыслъ ироническому отрывку.

„Мое письмо къ женѣ, приводимое въ дѣлѣ, состоитъ изъ двухъ частей: въ одной я говорю о себѣ такъ, что посмѣется надъ этою частью письма всякій,—и я смѣялся, когда пи-

салъ ее,—смѣялся надъ собою, преувеличивая до нелѣпости ту сторону моихъ ученыхъ предположеній, которая забѣгаетъ въ будущее: я излагаю планъ такихъ ученыхъ работъ, для исполненія которыхъ нужно нѣсколько сотъ лѣтъ работать день и ночь, работъ, которыхъ не въ состоянїи исполнить никто на свѣтѣ; въ этой части письма я называю себя продолжателемъ Аристотеля. Въ другой половинѣ письма о дѣйствительныхъ дѣлахъ я просто говорю моей женѣ, что она, по моему мнѣнїю, можетъ лучше меня разсудить, потому что умнѣе меня. Ясно, что первая половина письма—мое иронизированіе надъ самимъ собою. Но не умѣли или не могли обратить вниманіе на такой простой способъ понять, въ чемъ тутъ вся вещь.

10.

„Но при всѣхъ этихъ вещахъ, вестакѣ, не было ни улики, ни даже такихъ фактовъ, на которыхъ можно бы было основывать серьезное слѣдствіе противъ меня. Высочайше учрежденная комиссія видѣла это. Желая дать ей путь выйти изъ положенія, въ которое она была поставлена фактомъ моего арестованія, я написалъ послѣ перваго моего вопроса письмо къ Его Величеству и къ г. генераль-губернатору. Этихъ писемъ нѣтъ въ дѣлѣ. Почему ихъ нѣтъ въ немъ, я говорю въ другой моей просьбѣ.

11.

„Комиссія видѣла недостаточность подозрѣній, возводившихся на меня бумагами, бывшими въ ея рукахъ во время перваго вопроса (30 октября). Потому послѣ этого вопроса (16 ноября) были доставлены ей тетради моего дневника съ картонными доскутками, которые въ бумагѣ, передающей ихъ комиссіи, названы „указателями шифра“, которымъ писаны тетради моего дневника, хотя въ это время уже было удостовѣреніе отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, что дневникъ мой писанъ не шифромъ.

12.

„Политическую сторону введенія въ дѣло вещей, подобныхъ моему дневнику, я разъясняю въ другой моей просьбѣ. Здѣсь я оставляю политическую сторону вопроса безъ разсмотрѣнія.

„Способъ сокращеннаго писанія, подобнаго моему, употребленному въ дневникѣ, употребляется, въ большей или меньшей удачности сокращенія, почти всѣми студентами университетовъ, записывающими лекціи. Это служитъ замѣною стенографіи, а не тайнымъ письмомъ. Я съ дѣтства писалъ очень много и еще въ семинаріи записывалъ такимъ образомъ лекціи, и тетради этого періода, еще дѣтскаго, находятся въ моихъ бумагахъ. Въ университетѣ привычка развилась у меня. Изъ того періода въ моихъ бумагахъ есть, между прочимъ, весь „Герой нашего времени“ Лермонтова, переписанный такимъ способомъ. И послѣ я точно также писалъ почти все, что писалъ для себя (напримѣръ, въ дѣлѣ черновые списки съ моихъ писемъ къ профессору Андреевскому, оставленные у себя мною для будущихъ справокъ). Все это было въ рукахъ и передъ глазами лицъ, разбиравшихъ мои бумаги. И всетаки дневникъ мой выдается за написанный шифромъ, даже послѣ увѣренія министерства иностранныхъ дѣлъ, что онъ писанъ не шифромъ.

„Что такое этотъ дневникъ? Министерство иностранныхъ дѣлъ нашло, что не слѣдуетъ понимать его въ смыслѣ обыкновеннаго дневника. Въ бумагѣ, присланной въ комиссію, это мнѣніе министерства передается словами: „можно думать, что слогъ этотъ имѣетъ условный смыслъ“. Я не знаю, до какой степени точно переданъ этотъ отзывъ министерства въ этой бумагѣ; подлиннаго отзыва министерства нѣтъ въ дѣлѣ.

„Разбиравшимъ бумаги мои должно было бы знать, что они разбираютъ бумаги литератора. При разборѣ бумагъ они могли бы замѣтить, что имъ попадаются повѣсти, писанныя моею рукою. Еслибы они потрудились замѣтить эти два обстоятельства, мнѣ не пришлось бы утруждать Пр. С. объясненіемъ факта, которому не слѣдовало бы попадать въ дѣло.

„Я издавна готовился быть, между прочимъ, и писателемъ беллетристическимъ. Но я имѣю убѣжденіе, что люди моего характера должны заниматься беллетристикою только уже въ немолодыхъ годахъ—рано имъ не получить успѣха. Еслибы не денежная необходимость, возникшая отъ прекращенія моей публицистической дѣятельности моимъ арестованіемъ, я не началъ бы печатать романа и въ 35-лѣтнемъ возрастѣ. Руссо ждалъ до старости. Гюлвинъ также. Романъ—вещь, назначенная для массы публики, дѣло самое серьезное, самое стари-

ковское изъ литературныхъ занятій. Легкость формы должна выкупаться солидностью мыслей, которыя внушаются массѣ. Итакъ, я готовилъ себѣ матеріалы для стариковскаго періода моей жизни. Мною написаны груды такихъ матеріаловъ—и брошены; довольно написать, хранить незачѣмъ,—цѣль: утвержденіе въ памяти—уже достигнута. Но я не могъ уничтожить нѣкоторыхъ моихъ черновыхъ работъ, потому что онѣ были писаны на однихъ листахъ съ вещами, которыя я считалъ интересными для меня. Тетради, внесенныя въ дѣло, именно таковы: среди матеріаловъ для будущихъ романовъ набросаны кое-какія отмѣтки изъ моей дѣйствительной жизни (напримѣръ, списокъ дней, когда я въ первый разъ говорилъ съ моею невѣстою, когда она дала мнѣ слово).

„Надобно объяснить, что у меня, какъ почти у всѣхъ беллетристовъ, порядокъ возникновенія романа таковъ: берется фактъ, отдается на волю фантазіи, она играетъ съ нимъ—это самый важный періодъ такъ называемаго „поэтическаго творчества“. Итакъ, тутъ, въ моемъ дневникѣ, вольная игра моей фантазіи надъ фактами. Я ставлю себя и другихъ въ разныя положенія и фантастически развиваю эти вымышленныя мною сцены.

„Что же я вижу здѣсь въ дѣлѣ? Берутъ одну изъ этихъ сценъ и даютъ ей юридическое значеніе. На этомъ основанъ весь ходъ моего процесса до передачи его въ Пр. С.

„Сцена состоитъ въ томъ, что какое-то „я“ говоритъ дѣвушкѣ, что можетъ со дня на день ждать ареста, и если его будутъ долго держать, то выскажетъ свои мнѣнія, послѣ чего уже не будетъ освобожденъ.

„Въ тѣхъ же тетрадяхъ есть многія другія „я“. Одного изъ этихъ „я“ бьютъ палкою при его невѣствѣ. Можно удостовѣриться справкою, что ни тогда, ни вообще когда-либо со мною, Чернышевскимъ, ни при его невѣствѣ, ни безъ невѣсты не случилось ничего такого.

„Я могу объяснить, изъ какихъ фактовъ взята мною, какъ литераторомъ, сцена, вошедшая въ дѣло съ такимъ важнымъ вліяніемъ на него. Это прикрашенный идеализаціею случай изъ жизни Іоганна Кинкеля (извѣстнаго нѣмецкаго ученаго, о которомъ тогда много писали въ газетахъ), приспособленный мною, какъ романистомъ, къ разсказу, незадолго передъ тѣмъ

слышанному мною отъ Николая Ивановича Костомарова ¹⁾ (не имѣющаго ничего общаго съ г. В. Костомаровымъ)—онъ былъ арестованъ въ то время, какъ собирался жениться (за пять лѣтъ передъ тѣмъ).

„Два очень простыя соображенія могли бы показать, что сцена, созданная мною, литераторомъ, для будущаго романа, не могла относиться къ моей дѣйствительной жизни: 1) у меня, Чернышевскаго, не было тогда не только друзей, даже близкихъ знакомыхъ между важными людьми; въ этой сценѣ дѣйствуетъ человекъ, имѣющій за себя сильныхъ въ правительствѣ друзей; 2) тогда (весною 1853) не было въ Россіи, не только въ Саратовѣ, гдѣ я жилъ уже два года, даже въ столицахъ, никакой политической жизни, не только тайныхъ обществъ. Это фактъ, принадлежащій исторіи.

13.

„Въ другой моей просьбѣ я поясняю отношеніе между предположеніемъ, основаннымъ на этой сценѣ, и фактами моего процесса,—здѣсь я только скажу, что дѣйствительно я, Чернышевскій, поступилъ такъ, что оказалась разность между нимъ и романическимъ лицомъ, слова котораго были ему приписаны. Но въ дѣлѣ нѣтъ первыхъ записокъ моихъ по этому обстоятельству и нѣтъ письма, написаннаго мною съ цѣлью открыть комиссіи истинное положеніе дѣла. Письмо это имѣетъ форму отвѣта моей женѣ на ея вопросъ о томъ, въ чемъ состоитъ мое дѣло. Я не знаю, было ли оно доложено комиссіи.

14.

„Итакъ, по связи между предыдущими фактами, объясняемой мною въ другой просьбѣ, въ началѣ марта въ комиссію были, наконецъ, доставлены—только уже по прошествіи восьми мѣсяцевъ послѣ моего арестованія—такіе документы, которые она могла принять за основанія для начатія процесса противъ меня.

15.

„Первый изъ этихъ документовъ—письмо къ Соколову. По приблизительному моему счету оно имѣетъ до 30.000 буквъ;

¹⁾ Профессора русской исторіи.

оно занимает въ вышискѣ 117 страницъ. Требуется, значить, время, чтобы переписать набѣло такое произведеніе. Списокъ, взятый у г. В. Костомарова г. Чулковымъ и находящійся въ дѣлѣ, очевидно, есть бѣловый списокъ.

„Изготовленіе черноваго подлинника требовало времени еще болѣе значительнаго, чѣмъ переписка его набѣло. Литературная отдѣлка труда тщательна. Расположеніе его частей многосложно и обдуманно.

„Г. Костомаровъ пріѣхалъ въ Тулу 5 числа марта поутру. Въ тотъ же день, 5 марта, письмо было уже найдено у него г. Чулковымъ. На мѣстѣ выставлено „Тула, 5 марта“, но оно не могло быть ни изготовлено, ни даже только набѣло переписано въ Тулѣ. Оно заготовлено раньше,—это очевидно по рассчету физической невозможности противнаго. Итакъ, гдѣ же оно изготовлено? 1 марта г. Костомаровъ пріѣхалъ въ Москву, и у него былъ посѣтитель, г. Яковлевъ; посѣщеніе г. Яковлева было продолжительно, какъ видно изъ важности предмета ихъ совѣщанія и изъ того, что г. Костомаровъ и г. Чулковъ должны были убѣждать г. Яковлева. 2-го числа г. Костомаровъ былъ уже боленъ, или долженъ былъ держать себя, какъ больной,—это продолжалось до самаго его выѣзда изъ Москвы; онъ не могъ въ эти три дня много заниматься письменною работою; и кромѣ того, у него въ это время бывало много посѣтителей. Человѣкъ опытный въ литературныхъ работахъ видитъ, что и въ Москвѣ не могло найтись достаточно времени у г. Костомарова,—что онъ взялъ съ собою свою работу (или не свою, а только передѣланную имъ съ другой, черной работы), когда поѣхалъ изъ Петербурга (28 февраля).

„Сличеніе этой работы съ письмомъ Герцена обо мнѣ, найденнымъ у меня, съ насквишемъ на меня, найденнымъ у меня, съ проищескою частью моего письма къ женѣ обнаруживаетъ, что „письмо къ Соколову“ есть литературная работа, половина которой основана на этихъ документахъ, что они были подъ глазами у составителя „письма къ Соколову“ во время его работы.

„Это очевидно для человѣка, имѣющаго опытность въ разборахъ подобнаго рода вопросовъ (въ критической техникѣ), точно также, какъ и слѣдующее: „письмо къ Соколову“ есть произведеніе вымысла, чуть ли не цѣлая „эпопея, по шутливому выраженію самого г. Костомарова; въ ученомъ и истин

номъ юридическомъ смыслѣ это, конечно, не „эпопея“, въ частности, но „произведеніе вымысла“. Какъ всякое произведеніе вымысла, оно пропитано подробностями, не выдерживающими юридическихъ вопросовъ: „кто“, „когда“ и „гдѣ“.

„Г. Костомаровъ приписалъ этому произведенію вымысла юридическое значеніе (онъ готовъ подтвердить присягою подробности письма, которыя можно будетъ ввести въ дѣло; это письмо есть „откровенная бесѣда“ съ „старымъ другомъ“). Комиссія не занялась изслѣдованіемъ той стороны письма, которую я выставляю; но и на тѣ малочисленныя „кто“, „гдѣ“, „когда“, которые предлагались ему по поводу „письма къ Соколову“, г. Костомаровъ часто долженъ былъ отвѣчать, какъ всякій авторъ вымышленнаго произведенія сталъ бы отвѣчать на юридическіе вопросы о подробностяхъ его вымысла—„не умѣю объяснить“, „не знаю“. Изъ этихъ случаевъ самый любопытный—г. Костомаровъ не знаетъ даже, какое званіе имѣетъ лицо, которое онъ называетъ своимъ старымъ задушевымъ другомъ: „чинъ и званіе г. Соколова неизвѣстны мнѣ“,—говоритъ г. Костомаровъ,—ясно, что даже этотъ другъ есть поэтический вымыселъ.

„Я скажу, откуда, по всей вѣроятности, взята фамилія для этого вымышленнаго лица. „Соколовъ“ упоминается въ письмѣ г. Плещеева, которое находилось при г. Костомаровѣ въ Тулѣ (штемпель письма г. Плещеева—4 іюня 1861 г.). Но по этому письму этотъ дѣйствительный г. Соколовъ вовсе не „старый задушевный другъ“ г. Костомарова. Подобное заимствованіе фамилій для замышляемыхъ лицъ — очень обыкновенная вещь.

„Комиссія не обратила вниманія даже на то, что еслибы этотъ г. Соколовъ, вымышленный повѣренный тайнъ г. Костомарова, не былъ лицо вымышленное, то не было бы ни малѣйшаго затрудненія отыскать его, хотя бы г. Костомаровъ не зналъ или не захотѣлъ указать его адреса: у него очень много примѣтъ, съ которыми трудно человѣку затеряться въ толпѣ.

„Точно также г. Костомаровъ не помнитъ цвѣтъ, форматъ и клеймо бумаги первоначальной редакціи воззванія къ барскимъ крестьянамъ, но еслибы эта рукопись была читана при немъ два раза и служила предметомъ споровъ, то нельзя было бы не замѣтить ему ея формата и цвѣта.

„Точно также онъ не знаетъ личностей, которыя „стали

жертвами“ моего агитаторства, и о которыхъ столько разсуждается въ письмѣ къ Соколову; „я вовсе не имѣлъ въ виду какія-либо личности“, — принужденъ онъ сказать на вопросъ: кто онъ? Ясно, что эти личности—реторическая фигура, называемая „просопопеею“. Впрочемъ, онъ прибавляетъ, что это „авторы журнальныхъ статей“, или въ другой разъ, что это „молодые люди, которые агитировали“, какъ ему „кажется“, подѣ моимъ „вліяніемъ“, — но это ему только „кажется“, это только его „личный взглядъ“, непогрѣшимость котораго... не намѣренъ упорно отстаивать“; онъ принужденъ даже сказать, что у меня не было своего кружка“, и называетъ это свое выраженіе „неосмотрительнымъ“. Онъ никого не знаетъ, кромѣ себя, кто сталъ бы агитаторомъ по моему вліянію, а самъ онъ занялся тайнымъ печатаніемъ до знакомства со мною. Ясно, что все это выдумка: и мое агитаторское вліяніе на г. В. Костомарова, и чтеніе первоначальной редакціи воззванія къ барскимъ крестьянамъ, и эта первоначальная редакція.

16.

„Но показаніе, вопросы для котораго можно было извлечь изъ письма къ Соколову, не могло опираться ни на какія доказательства (самъ г. Костомаровъ на допросѣ сказалъ, что только поэтому и удерживался до той поры отъ показаній противъ меня). Явилась въ комиссію записка, писанная карандашомъ. Она найдена вслѣдствіе того, что нашлось письмо къ Соколову,—нашлось именно при обыскѣ г. Костомарова въ III Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Находка эта противорѣчитъ „откровенной бесѣдѣ“ г. Костомарова со „старымъ другомъ“ г. Соколовымъ, въ которой за три-четыре дня предъ тѣмъ онъ говорилъ, что не имѣетъ письменныхъ уликъ противъ меня („были“, но онъ что-то „сдѣлалъ“ съ ними). Что онъ сдѣлалъ съ ними? Почему не имѣлъ ихъ 5 марта въ Тулѣ? Потому что „сжегъ“,—говоритъ въ одномъ мѣстѣ объ одномъ документѣ, который будто бы былъ у него; въ другомъ мѣстѣ отказывается объяснить, что сдѣлалъ съ ними; въ третьемъ мѣстѣ вставлено въ дѣлѣ шифрованное письмо, которое онъ дешифрируетъ, и которое излагаетъ, что письма противъ меня отданы на сохраненіе лицу, имени и адреса котораго онъ самъ (г. Костомаровъ) не знаетъ.

„Истина очень проста: все это—выдумка. Никогда никаких письменных улики против меня не имѣлъ г. Костомаровъ. Записка карандашомъ не моя,—прошу строжайше разсмотрѣть ее. Степень технической точности ея разсматриванія свидѣтельствуется тѣмъ, что подпись ея прочтена за букву Ч., между тѣмъ какъ это буква С. Разсматривавшіе были вовлечены въ оплошность тѣмъ, что не знали, какимъ образомъ ведется дѣло противъ меня, и потому были чужды предположенія обмана въ документахъ, предъявляемыхъ противъ меня.

17.

„Но лица, вводившія въ такой обманъ, натурально, ждали, что обманъ этотъ, можетъ, какъ-нибудь и не удастся. Потому записка карандашомъ казалась имъ недостаточна, и явился противъ меня, сверхъ улики, и уличитель, г. Яковлевъ. Послѣ того, какъ онъ за свое показаніе противъ меня отправленъ на жительство и подъ надзоръ полиціи въ Архангельскую губернію, я считалъ бы излишнимъ разсматривать его показанія противъ меня; однако же, скажу нѣсколько словъ.

„Г. Чулковъ извѣстился о своемъ отъѣздѣ черезъ Москву съ г. Костомаровымъ только 27 февраля; 28-го они выѣхали; на другой день—въ первый же день ихъ пріѣзда въ Москву—г. Яковлевъ уже знаетъ о ихъ пріѣздѣ, является къ нимъ, пишетъ свой доносъ на меня. Г. Чулковъ свидѣтельствуешь, что г. Яковлевъ „уже оказалъ ему услугу“; г. В. Костомаровъ тоже говоритъ, что г. Яковлевъ оказалъ ему „весьма важную услугу“, и что онъ, г. Костомаровъ, „подарилъ“ г. Яковлеву „свое пальто“.

„Г. Яковлевъ, отправившись доносить на меня, по дорогѣ пьетъ и буйствуетъ, какъ самъ говоритъ. Итакъ, у него есть средства пить до буйства, когда онъ „оказываетъ услугу“.

„Онъ даже „неоднократно за дурные поступки былъ въ приводахъ“, по дѣламъ московскаго мѣщанскаго общества.

„Слова, которыя влагаешь мнѣ въ уста г. Яковлевъ,—заглавіе и начало прокламаціи, — неужели я помнилъ ее наизусть? Неужели не выражался бы въ разговорѣ короче и проще? Многосложныя письменныя заглавія не употребляются въ разговорѣ, и какая надобность была декламировать начало прокламаціи? Вѣдь это не стихи, а проза; такъ не бываетъ.

„На вопросъ, почему медлилъ показаніемъ противъ меня,

г. Яковлевъ отвѣчалъ, что только въ февралѣ узналъ о характерѣ процесса г. Костомарова, а между тѣмъ онъ видѣлся съ г. Костомаровымъ въ ноябрѣ 1862 г., когда уже было и высочайше утверждено мнѣніе госуд. совѣта по дѣлу г. Костомарова.

„При предъявленіи меня г. Яковлеву была нарушена форма, по которой слѣдуетъ въ подобныхъ случаяхъ показывать обвинителю нѣсколько человѣкъ,—явно опасались, что г. Яковлевъ не сумѣетъ выбрать, кто изъ нихъ Я.

„Кромѣ всего этого, весь ходъ дѣла поясняется словами самого г. Яковлева, приводимыми въ письмѣ, по которому г. Яковлевъ наказанъ за этотъ свой поступокъ. Этимъ рѣшеніемъ явно признана справедливость этого письма, притомъ подробности разговора, передаваемого этимъ письмомъ, подтверждаются документами, находящимися въ дѣлѣ, которые не могли быть извѣстны писавшимъ письму.

„По запискѣ г. Чулкова отъ 1 марта, желаніе г. Яковлева доносить на меня было извѣстно со 2 или 3 марта, но только 3 апрѣля комиссія постановила вызвать его къ допросу; итакъ, цѣлый мѣсяцъ колебались, прежде чѣмъ, вынужденные крайностью, рѣшились ввести комиссію въ эту ошибку.

„Рапортъ г. Чулкова, объясняющій его выраженіе, что „г. Яковлевъ оказалъ ему услугу“, поданъ уже по рѣшеніи комиссіи испросить и по испрошеніи высочайшаго повелѣнія передать мое дѣло въ Пр. С.; на этомъ рапортѣ число и мѣсяцъ подачи его подскоблены (подскоблена ли цифра 7 — не могу навѣрное разсмотрѣть безъ лупы; имя мѣсяца „мая“ очень явно написано по подскобленному) ¹⁾.

18.

„Въ дополнительномъ показаніи моемъ въ Пр. С. я вызывался подтвердить подробными доказательствами тѣ факты этого показанія, которые покажутся еще нуждающимися въ подтвержденіи. Въ запискѣ и въ дѣлѣ я уже нашелъ подтвержденія для большей части фактовъ, приводимыхъ мною. Приведу лишь немногіе, для примѣра.

¹⁾ Дѣйствительно, характерно, что свое показаніе Чулковъ далъ только послѣ передачи дѣла въ сенатъ; по подскобленнымъ мѣсяцъ и число ровно ничего не говорятъ, и что хотѣлъ этимъ замѣчаніемъ сказать Чернышевскій—мнѣ не понятно.

„Я говорю въ показаніи, что на мое арестованіе и веденіе дѣла противъ меня имѣли вліяніе ложные слухи.

„Ихъ примѣры въ безыменномъ письмѣ, о которомъ я говорилъ выше; оно основывается на лживыхъ слухахъ о моемъ участіи въ столкновеніяхъ, бывшихъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ; когда и въ какомъ духѣ я вмѣшался въ эти дѣла, видно по документамъ ¹⁾. Ихъ объясненіе, если нужно оно, докажетъ: 1. что я познакомился съ гг. студентами, имѣвшими вліяніе на товарищей своихъ, только уже послѣ манифестаціи въ Думѣ; 2. познакомился съ цѣлью быть посредникомъ между ними и княземъ Щербатовымъ (Г. А.), благородно начавшимъ тогда хлопотать о предотвращеніи дальнѣйшихъ столкновеній; 3. что, когда я такимъ образомъ познакомился съ молодыми людьми, которыхъ прежде считалъ — какъ и другіе считали — поднимавшими безпорядки, то, къ удивленію моему, получилъ документы, доказывавшіе, что безпорядки поднимаются дѣйствіемъ опрометчивости лицъ, гораздо старшихъ ихъ лѣтами и почтенныхъ по положенію въ обществѣ,—не злонамѣренностью, а только безразсудною опрометчивостью этихъ лицъ,—и доказательства были такъ неоспоримы, что самый яростный изъ обвинявшихъ въ печати злонамѣренность студентовъ увидѣлъ себя принужденнымъ подписать и подписалъ актъ, говорящій, что въ безпорядкахъ виноваты не студенты, а другія лица ²⁾; 4. что я находилъ нужнымъ для предотвращенія безпорядковъ то самое, что находили тогда нужнымъ г. министръ народнаго просвѣщенія и князь Щербатовъ, бывший попечитель Спбурскаго округа, и дѣйствовалъ въ томъ же духѣ. Прошу сравнить съ этимъ „Записку изъ частныхъ свѣдѣній“.

„Другіе примѣры слуховъ, столь же неосновательныхъ и столь же вредныхъ мнѣ, отмѣчу на ³⁾. Въ дѣлѣ я нахожу свѣдѣнія и мнимые документы, еще болѣе неосновательнымъ образомъ введенные въ процессъ противъ меня. Въ дѣло внесены: статья г. Мечникова, присланная для напечатанія въ „Современникъ“; „Записка изъ частныхъ свѣдѣній“—документъ, который будетъ однимъ изъ любопытнѣйшихъ памят-

¹⁾ Т. е. по перепискѣ съ проф. Андреевскимъ.

²⁾ Рѣчь идетъ о диспутѣ съ А. В. Эвальдомъ на его квартирѣ, кончившемся полнымъ пораженіемъ очень сконфуженнаго педагога.

³⁾ Указано нѣсколько страницъ въ выноскѣ.

никовъ нашей процедуры для будущаго ея историка, и часть котораго, однако же, вошла въ окончательный докладъ комисіи обо мнѣ; двѣ статьи г. Шемановскаго, присланныя мнѣ для передачи г. министру народнаго просвѣщенія и, съ его частнаго одобренія, напечатанныя въ „Современникѣ“; дневникъ мой; письмо г. Чацкина о тайнахъ женщины, имѣвшей мужа. Объ ужасномъ вредѣ для правительства отъ введенія (въ дѣла политическаго характера) документовъ такого рода я говорю въ моей другой просьбѣ.

„Я говорю, что ложное истолкованіе моихъ сборовъ къ отъѣзду въ Саратовъ было основаніемъ рѣшенія арестовать меня по поводу письма г. Герцена, и въ доказательство ссылаюсь на слова, въ которыхъ былъ переданъ этотъ слухъ мнѣ однимъ изъ гг. членовъ комисіи. Я нашелъ въ дѣлѣ указанія, по которымъ теперь могу даже пояснить, какъ произошло это извращеніе факта, подобное вещамъ, прочитаннымъ мною въ „запискѣ изъ частныхъ свѣдѣній“.

„Находя въ дѣлѣ приводимыя съ юридическимъ значеніемъ неожиданныя мною психологическія свѣдѣнія обо мнѣ и выводъ изъ этого, что я непременно, уже по устройству моей души, долженъ быть заговорщикомъ, я принужденъ объяснить, что психологическія изслѣдованія, хотя бы даже и обо мнѣ, требуютъ спеціальной ученой подготовки, которая, напримѣръ, показала бы господамъ изслѣдовавшимъ, что человѣкъ, пронизирующий надъ своими недостатками, не способенъ рѣзать людей для удовлетворенія слабостямъ своимъ, еслибы и имѣлъ ихъ; и что приписываемая ему въ преступленіе слабость (самолюбіе, тщеславіе) прямо противоположна качеству, которое, если и есть недостатокъ, то уже вовсе не уголовный, качеству гордости, которая, какъ извѣстно изъ психологій, только даетъ отпоръ дерзкимъ нахамъ, а безъ того внушаетъ человѣку держать себя очень спокойно. Такія объясненія принужденъ я дѣлать въ моемъ процессѣ — это фактъ.

„Итакъ, я долженъ пояснить, что я извѣстенъ всѣмъ моимъ знакомымъ за человѣка очень уживчиваго и мягкаго и, напримѣръ, работать вмѣстѣ съ Герценомъ не могъ бы не по неуживчивости моего самолюбія, а потому, что я человѣкъ съ твердыми убѣжденіями, которыя неодинаковы съ убѣжденіями г. Герцена. Я не хочу этимъ сказать, его или мой

образъ мыслей лучше въ юридическомъ отношеніи—закону нѣтъ дѣла до образа мыслей, каковъ бы онъ ни былъ—я хочу только сказать, что я человѣкъ болѣе поздней философской школы, чѣмъ г. Герценъ. Я никакъ не ждалъ, что увижу необходимость дѣлать эти ученыя замѣчанія въ моемъ процессѣ.

19.

„Я говорю, что всѣ слова въ письмѣ г. Герцена, которыя послужили поводомъ къ моему арестованію, загадочны для меня. Теперь, взглянувъ на самое письмо, я нахожу это мѣсто и сопровождающія строки вещью еще болѣе загадочною. Ограничусь однимъ замѣчаніемъ. Письмо уже спрашиваетъ, печатать ли объявленіе о моемъ соредакторствѣ съ Герценомъ—или даже уже положительно говоритъ, что объявленіе объ этомъ печатается. Такія вещи не печатаются до выѣзда редактора изъ Россіи. Эта приписка требуетъ очень внимательнаго изслѣдованія, если еще не объяснена самими фактами, которые остаются мнѣ неизвѣстны.

20.

„Я говорю, что г. Костомаровъ очень давно распускалъ слухи, которые были оставлены безъ вниманія по убѣжденію другихъ въ неудобствѣ пользоваться его готовностью дѣлать политически-уголовныя показанія. Теперь, видя, что дѣло противъ меня начато серьезнымъ образомъ на основаніи письма г. Костомарова къ Соколову, я приведу одинъ изъ фактовъ, извѣстныхъ не мнѣ одному. Есть другая болѣе ранняя редакція того же произведенія; списокъ ея былъ у меня подъ глазами очень задолго до моего ареста, и я не имѣю средствъ знать, уничтоженъ ли подлинный списокъ, писанный рукой г. Костомарова. Въ той редакціи дѣло излагается столь же вымышленнымъ образомъ, но въ духѣ не томъ и съ другими фактами (также невѣрными). Въ этомъ произведеніи я играю гораздо меньшую роль, чѣмъ III Отдѣленіе Собственной Канцеляріи Его Величества: г. Костомаровъ утверждалъ тамъ, что его подвергали жестокимъ истязаніямъ и ими принудили дѣлать показанія (духъ произведенія былъ тотъ самый, какой вылился изъ души г. Костомарова потомъ).

„Я говорю, каковы были мои дѣйствительныя отношенія къ

г. Костомарову; они доказываются письмами моими къ нему, находящимися въ дѣлѣ,—я стараюсь помочь г. Костомарову, какъ человѣку небогатому. Въ одномъ изъ писемъ я стараюсь устроить отъѣздъ его гувернеромъ за-границу,—неужели я хлопоталъ бы объ этомъ, еслибы онъ былъ моимъ агентомъ по тайному печатанію въ Москвѣ? Я говорю, что г. Костомаровъ былъ раздраженъ противъ меня ошибкой въ надеждѣ на мою помощь денежную послѣ его арестованія. Онъ самъ говоритъ, что у него со мною были „столкновенія“, которыя прямо относятся къ его личнымъ интересамъ, и отказывается пояснить это. О своемъ ожесточеніи противъ меня онъ много разъ говоритъ въ письмѣ къ Соколову и приписываетъ его, кромѣ „личныхъ столкновеній“, разности со мною въ политическихъ тенденціяхъ; изъ того, что онъ говоритъ по этому предмету, видно, что онъ самъ никогда не имѣлъ отчетливаго образа мыслей.

„Я говорю, что памятный мнѣ по постороннему обстоятельству вечеръ, проведенный у меня г. Костомаровымъ вмѣстѣ съ г. Михайловымъ, самъ по себѣ не представлялъ ничего замѣчательнаго, и что, поэтому, г. Костомаровъ плохо запомнилъ его,—и онъ самъ свидѣтельствуетъ, что не помнить ни моихъ гостей, ни ихъ и своего разговора со мною.

21.

„Факты, которые совершились по разсмотрѣніи записки и письма, выдаваемыхъ за мои,—я говорю объ актахъ сличенія почерковъ,—показываютъ, что безъ помощи техническихъ знаній и пособій труды для изслѣдованія истины по техническимъ вопросамъ безуспѣшны.

22.

„Я говорилъ, что еслибы находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ г. Костомаровымъ, то нашелъ бы неудобнымъ посѣщать его во время моей поѣздки въ Москву по цензурнымъ дѣламъ; это повело къ тому, что г. Костомаровъ выдумалъ особую мою поѣздку въ Москву—поѣздку, предшествовавшую поѣздкѣ по цензурнымъ дѣламъ. Этой поѣздки не было. А во время ея-то именно г. Костомаровъ и выставилъ меня [видѣвшимъ шрифтъ. Я не выѣзжалъ изъ Петербурга ни на одинъ день въ 1860 г. и до самой поѣздки моей по

цензурнымъ дѣламъ въ 1861 г. Я не могъ бы укрыть своего отсутствія изъ Петербурга, хотя бы на одинъ день, потому что у меня ежедневно бывали наборщики и разсылные типографіи „Современника“ за полученіемъ статей и корректуръ по журналу. Мой отъѣздъ хотя на одинъ день былъ бы замѣченъ десятками людей, работавшихъ въ типографіи г. Вульфа.

23.

„Въ показаніи г. Костомарова Пр. С. обстоятельства его второй поѣздки въ Петербургъ изложены имъ такъ, что мнѣ не оставалось бы времени узнать, что онъ не уѣхалъ въ Москву, и что я еще могу найти его въ Петербургѣ послѣ того, какъ онъ ушелъ отъ меня поутру съ мыслями ѣхать въ Москву въ то же утро. А въ эту поѣздку происходила, по его прежнимъ показаніямъ, диктовка въ Знаменской гостиницѣ.

24.

„Къ листу 370 выписки считаю нелишнимъ замѣтить, что теперь съ мѣсяцъ я опять гуляю по саду. Но опять только по гигиеническимъ надобностямъ.

25.

„Просмотрѣвъ прокламацію къ барскимъ крестьянамъ, я вижу, что авторъ ея еще не имѣлъ извѣстій и о безднесьномъ дѣлѣ, не только о томъ, что мужики весною 1861 г. вообще неохотно шли на уставныя грамоты. Всякій публицистъ найдетъ нелѣпнымъ хлопотать въ августѣ 1861 г. о печатаніи такого устарѣлаго произведенія. Единственнымъ предлогомъ для моихъ придуманныхъ имъ просьбъ объ этомъ г. Костомаровъ придумалъ, что наборъ былъ тогда еще цѣлъ. А по свѣдѣніямъ изъ дѣла о г. Костомаровѣ и словамъ его самого—шрифтъ былъ уничтоженъ, не только наборъ разрушенъ, задолго до того времени.

„Считаю долгомъ оговорить описку, сдѣланную мною: проѣздъ мой черезъ Москву былъ не 17 или 19-го, а 7 или 8 августа.

26.

Для объясненія того, какъ и зачѣмъ возникло „письмо къ

Алексѣю Николаевичу“, считаю долгомъ просить Пр. С. обратить вниманіе на то обстоятельство, что мое дополнительное объясненіе Пр. С. отъ 1 іюня прошло черезъ нѣсколько рукъ прежде, чѣмъ поступило въ Пр. С.

27.

„Г. Костомаровъ говоритъ, что письмо это было найдено имъ за подкладкою сакъ-вояжа еще до ареста, но на прежнихъ показаніяхъ онъ говорилъ, что у него уже не остается уликъ послѣ представленія записки карандашомъ, — единственной улики; ясно, что письмо къ Алексѣю Николаевичу явилось у него въ рукахъ уже послѣ того.

28.

„Когда явилось это письмо, г. Костомаровъ уже забылъ, что самъ говорилъ въ комиссіи: „Плещеевъ (Алексѣй Николаевичъ) не имѣлъ и предположенія, что я (Костомаровъ) занимаюсь тайнымъ печатаніемъ, и самъ не занимался ничѣмъ подобнымъ“. Слова г. Костомарова сами по себѣ не были бы надежнымъ заявленіемъ факта; но этотъ фактъ съ несомнѣнностью извѣстенъ всѣмъ сотнямъ людей, знающимъ г. Плещеева, и, вѣроятно, уже обнаруженъ офиціальными мѣрами, которыя повлекло за собою появленіе „письма къ Алексѣю Николаевичу“.

„Я утверждаю, что это письмо—подлогъ и смѣю павѣрное ручаться въ слѣдующемъ: самъ г. Костомаровъ, если еще не разгласилъ, разгласить это.

„Появленіе письма къ Алексѣю Николаевичу и надобность объяснить это были обстоятельствами, которыхъ не предвидѣлъ г. Костомаровъ при своихъ прежнихъ показаніяхъ и въ письмѣ къ Соколову. Потому показаніе его 31 іюля не сходится съ ними. Кромѣ чертъ разногласія, приводимыхъ въ моемъ рукоприкладствѣ, легко найти десятки другихъ. Еслибы нужно было, я готовъ сдѣлать это. Не дѣлаю этого здѣсь, чтобы не удлинить моей просьбы.

„А посему всеподданнѣйше прошу,

Дабы повелѣно было освободить меня отъ суда и слѣдствія, съ предоставленіемъ права иска на лицъ, которыя незаконными дѣйствіями причинили мнѣ денежныя убытки.

освободить меня отъ содержанія подъ арестомъ съ сохраненіемъ мнѣ права жить, гдѣ мнѣ будетъ нужно по моимъ дѣламъ, въ томъ числѣ и обѣихъ столицахъ,

и примѣнить приводимыя мною въ рукоприкладствѣ статьи свода законовъ къ лицамъ, которыя по изслѣдованіи окажутся виновными въ ихъ нарушеніи. Отставной тит. сов. Николай Гавриловъ сынъ *Чернышевскій* руку приложилъ. 25 сентября 1863 г.

„Къ подавію надлежитъ въ первое отдѣленіе пятаго департамента Правительствующаго Сената“.

Итакъ, въ этомъ послѣднемъ своемъ протестѣ Чернышевскій совершенно ясно далъ понять, что прекрасно понимаетъ, кому обязанъ всѣмъ дѣломъ... III Отдѣленіе было поставлено на надлежащее мѣсто, и, надо правду сказать, понятно, почему оно не могло помириться иначе, какъ на каторгѣ своего безпощаднаго обличителя...

Сенатъ заслушалъ всѣ эти три документа и опредѣлилъ внести ихъ въ записку. На этомъ онъ считалъ роль свою выполненной... Впрочемъ, нѣтъ, онъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ: запросилъ кн. Суворова о письмахъ Чернышевскаго къ нему и государю въ ноябрѣ 1862 г. Но князь отвѣтилъ, что ничего не получилъ, и написалъ въ III Отдѣленіе, прося доставить оба письма въ сенатъ, если они тамъ и „если къ передачѣ ихъ не встрѣчается препятствій“... Въ инквизиторской рѣшили отвѣтить незнаніемъ... Такъ письма и канули въ воду...

III.

Наконецъ, 30 сентября Плещеевъ явился въ сенатъ, далъ подписку прибыть на допросъ 2 октября и преспокойно удалился въ свой номеръ Знаменской гостиницы. Его, этого важнаго государственнаго преступника, не только не отправили немедленно въ одиночный казематъ крѣпости, но даже не подвергнули особому надзору. Что-то совершенно непонятное... Можетъ быть, его спасло видное положеніе по службѣ? Нѣтъ, онъ былъ самымъ обыкновеннымъ коллежскимъ регистраторомъ... Можетъ быть, вниманіе было оказано въ виду его литературной дѣятельности? Но вопросъ этотъ въ Россіи просто

нелѣпъ... Почему же? Вѣдь онъ былъ такимъ явнымъ соучастникомъ Чернышевскаго... Да просто потому, что мирный, тихій и спокойный Алексѣй Николаевичъ былъ совершенно не нуженъ; прекрасно знали, что онъ и не могъ получить такого письма... Конечно, еслибы правительство хотѣло номинально считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, оно должно было бы продолжить комедію и, арестовавъ Плещеева, заслать его потомъ въ дальнюю Сибирь,—но вѣдь это былъ уже сентябрь 1863 года—время, когда реакція торжествовала во всю, жандармы правили Россіей, а Муравьевъ вѣшалъ всѣхъ, кого хотѣлъ... Печать была загнана въ подземелье, Катковъ ловилъ сотнями „нигилистовъ“, а правительство... правительство воображало себя не иначе, какъ плантаторомъ, постегивавшимъ черныхъ рабовъ...

2 октября Плещеевъ далъ такія показанія:

„Сношенія мои съ Чернышевскимъ постоянно ограничивались литературой, дѣломъ журнальнымъ, такъ какъ онъ принималъ значительное участіе въ редакціи „Современника“. Я не упрекалъ никогда Чернышевскаго въ излишнемъ довѣріи кому бы то ни было и не знаю никакихъ дѣлъ съ Чернышевскимъ, въ которыхъ бы онъ не долженъ былъ быть довѣрчивъ. Участія никакого не могъ принимать, такъ какъ мнѣ совершенно неизвѣстно, какія именно это дѣла и были ли такіе дѣла. Ни о какомъ станкѣ я не имѣю понятія и ни въ чемъ подобномъ не принималъ участія. Никогда не слышалъ, чтобы Сулинъ хвастался чѣмъ-нибудь подобнымъ (т. е. знакомствомъ съ Чернышевскимъ—М. Л.), да и трудно было бы мнѣ слышать, такъ какъ я знакомства съ Сулинымъ никогда не водилъ. Ни о сочиненіи, данномъ будто бы Сулину, ни о тайномъ печатаніи имъ чего бы то ни было—никогда я не слышалъ. Костомарова я никогда собственно Чернышевскому не рекомендовалъ, но, когда онъ уѣзжалъ въ Петербургъ, года два тому назадъ, если не ошибаюсь, то писалъ о немъ кому-то изъ редакторовъ „Современника“ (какъ о хорошемъ переводчикѣ, знающемъ языки и могущемъ принести пользу журналу), но только не къ г. Чернышевскому, потому что онъ завѣдывалъ критическимъ и ученымъ отдѣломъ журнала, а не литературнымъ. Костомаровъ же преимущественно занимался переводомъ стиховъ. О тайномъ печатаніи Костомарова мнѣ ничего не извѣстно. Общаго дѣла съ Чернышевскимъ я никогда никакого не имѣлъ. Все это письмо для меня совершенно непонятно: не знаю ника-

кого Л., никакихъ офицеровъ и не понимаю даже, что значить — „23 въ Понизовыи“. Никакой работы никѣмъ возлагаемо на меня не было. Болѣе объяснить ничего не имѣю“.

Когда же Плещееву предъявили подложное письмо, яко бы къ нему адресованное, онъ отвѣтилъ, что, дѣйствительно, почеркъ первой страницы похожъ на почеркъ Н. Г., но потомъ сбивается и становится непохожимъ.

14 октября Чернышевскому дали еще одну очную ставку съ Костомаровымъ. Послѣдній, очевидно, совсѣмъ не считалъ нужнымъ помнить свои прежнія показанія: на этотъ разъ онъ снова плелъ какую-то околесицу. Теперь онъ утверждалъ, что о передачѣ Чернышевскимъ Сороко прокламаціи онъ узналъ со стороны, спустя нѣсколько дней послѣ возвращенія Сороко въ Москву, и былъ увѣдомленъ о такихъ же слухахъ Плещеевымъ, который тогда тотчасъ же извѣстилъ о нихъ Чернышевскаго, а онъ, Костомаровъ, немедленно поѣхалъ въ Петербургъ, тамъ получилъ письмо къ Плещееву и предложилъ взять работу у Сороко на себя. Что касается диктованія въ этотъ разъ прокламаціи къ раскольникамъ, то, можетъ быть, оно происходило и въ другой разъ и т. д. Чернышевскій снова опровергалъ всю эту путаницу.

Очная ставка Костомарова съ Плещеевымъ тоже не дала ничего: первый плелъ всякій вздоръ, второй даже не понималъ его...

Видя полную свою ненадобность сенату и III Отдѣленію, Плещеевъ просилъ отпустить его въ Москву, въ чемъ и не встрѣтилъ препятствія. Для виду съ него была взята лишь росписка о немедленной явкѣ по первому вызову.

28, 29, 30 и 31 октября происходило слушаніе сенатской записки, на которомъ присутствовали и Н. Г. Затѣмъ весь ноябрь составлялось опредѣленіе, переписывалось, посылалось—въро-ятно, негласно—на одобреніе въ III Отдѣленіе и только 2 декабря было подписано сенаторами. Черезъ мѣсяць министръ юстиціи вернулъ его съ указаніями необходимыхъ, по его мнѣнію, поправокъ. 7 февраля 1864 г. ему была послана новая редакція.

Въ это время учитель гимназій, литераторъ Дмитрій Щегловъ, просилъ или свиданія съ Чернышевскимъ по личному своему дѣлу, или пересылки ему объ этомъ письма. Было разрѣшено второе.

ЧАСТЬ V.

Чернышевскій больше не опасенъ.

I.

Опредѣленіе сената настолько характерно, настолько ярко, какъ иллюстрація чудовищнаго произвола и наглости, что я приведу его полностью. И его необходимо прочесть безъ пропусковъ: только при этомъ условіи читатель пойметъ, что это за документъ, если помянитъ самъ все дѣло.

„Отставной титулярный совѣтникъ Николай Чернышевскій, занимавшійся литературою, былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ журнала „Современникъ“. Журналъ этотъ своимъ направленіемъ обратилъ на себя вниманіе правительства. Въ немъ развивались по преимуществу матеріалистическія и социалистическія идеи, стремящіяся къ отрицанію религіи, нравственности и закона, такъ что правительство признало нужнымъ прекратить на нѣкоторое время изданіе сего журнала, а одновременно съ симъ открылись обстоятельства, которыя указали правительству въ Чернышевскомъ одного изъ зловредныхъ дѣятелей въ отношеніи къ государству. Обстоятельства сии состоятъ въ слѣдующемъ:

„Управляющій III Отд. Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи получилъ безымянное письмо о Чернышевскомъ, въ коемъ предостерегаютъ правительство отъ Чернышевскаго, „этого коповода юношей, хитраго социалиста“. Онъ самъ сказалъ, что настолько уменъ, что его никогда не уличать. Его называютъ вреднымъ агитаторомъ и просятъ снасти отъ такого зловреднаго человѣка. Всѣ бывшіе пріятели Чернышевскаго, видя его тенденціи уже не на словахъ, а въ дѣйствіяхъ.

люди либеральные, отдалились от него. „Ежели не удалите Чернышевскаго,—пишет авторъ письма,—быть бѣдѣ, будетъ кровь. Эта шайка бѣшенныхъ демагоговъ — отчаянныя головы, эта „Молодая Россія“ высказала въ своемъ проектѣ всѣ звѣрскія ея наклонности. Можетъ быть, перебьютъ ихъ, а сколько невинной крови за нихъ прольется?! Въ Воронежѣ, въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ—вездѣ есть комитеты изъ подобныхъ социалистовъ, и вездѣ они разжигаютъ молодежь. „Николая Гавриловича (имя и отчество Чернышевскаго) отправьте, куда хотите; поскорѣе отнимите у него возможность дѣйствовать. Избавьте насъ отъ Чернышевскаго ради общаго спокойствія“.

„Въ концѣ іюня мѣсяца 1862 года получено было въ III Отдѣленіи увѣдомленіе, что изъ Лондона въ Петербургъ ѣдетъ коллежскій секретарь Ветошниковъ, знакомый съ Герценомъ и Бакунинымъ, и везетъ съ собою запрещенныя изданія Герцена, Огарева и другія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и корреспонденцію отъ пропагандистовъ. При арестованіи Ветошникова, между прочими письмами, оказалось у него письмо изгнанника и пропагандиста Герцена къ надворному совѣтнику Серно-Соловьевичу, въ коемъ онъ убѣждаетъ его распространять пропаганду въ Россіи, а въ концѣ письма приписка: „Мы здѣсь или въ Женевѣ намѣрены издавать „Современникъ“ съ Чернышевскимъ“.

„По поводу письма сего Чернышевскій 7-го іюля былъ арестованъ, и у него былъ слѣланъ обыскъ, при коемъ найдены слѣдующія относящіяся къ дѣлу бумаги:

„Анонимная записка съ увѣдомленіемъ, что дѣло о манифестаціи въ Думѣ, по высочайшему повелѣнію, оставлено безъ разсмотрѣнія; беспокоить по этому дѣлу никого не будутъ. Переписка Чернышевскаго съ профессоромъ Андреевскимъ, коему онъ предлагаетъ быть посредникомъ между публикою и читавшими лекціи профессорами, для разъясненія причины прекращенія публичныхъ лекцій. Письмо И. Б., по почерку—Ивана Бортюкова, въ которомъ замѣчательны слова: „Москва занята теперь тверскими происшествіями,—говорятъ, революція будетъ“. Письмо Герцена безъ надписи, а потому неизвѣстно, кому адресованное, со многими выскобленными словами, гдѣ онъ опровергаетъ совѣтъ Чернышевскаго—не вовлекать юношество въ литературный союзъ, потому что изъ этого ничего не выйдетъ, и предлагаетъ въ темныхъ выраженіяхъ

проектъ организаціи какого-то общества или союза, избравъ центрами дѣятельности ярмарки Нижегородскую, которую-нибудь изъ Днѣпровскихъ и Ирбитскую или иной Урало-Сибирскій трактъ. Анонимное письмо къ Чернышевскому, въ коемъ называютъ его пропагандистомъ, социалистомъ, Маратомъ, желающимъ испровергнуть существующій порядокъ и учредить демократію и затѣмъ угрожаютъ ему самому гибелью. Алфавитный ключъ на четырехъ картонныхъ бумажкахъ и, наконецъ, двѣ тетрадки, написанныя съ сокращеніемъ словъ, слоговъ и буквъ. Тетрадки эти заключаютъ въ себѣ дневникъ Чернышевскаго, относящійся къ тому періоду времени, когда онъ не состоялъ еще въ брачномъ союзѣ, а былъ женихомъ. Въ немъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мысли, къ дѣлу относящіяся: „Меня каждый день могутъ взять. Какая будетъ тутъ моя роль. У меня ничего не найдутъ, но друзья у меня весьма сильные ¹⁾. Что могу я другое дѣлать? Сначала я буду молчать и молчать, наконецъ, когда ко мнѣ будутъ приставать долго, это мнѣ надоѣстъ, и я выскажу свое мнѣніе прямо и рѣзко. И тогда едва ли уже выйду изъ крѣпости. Видите, я не могу жениться. Я не могу, не въ правѣ связать чьей бы то ни было судьбы съ моею“.

„Чернышевскій, содержась въ крѣпости, 5-го октября написалъ женѣ своей письмо, въ коемъ говоритъ, между прочимъ: „Наша съ тобою жизнь принадлежитъ исторіи; пройдутъ сотни лѣтъ, а наши имена все еще будутъ милы людямъ, и будутъ вспоминать о насъ съ благодарностью, когда уже забудутъ почти всѣхъ, кто жилъ въ одно время [съ нами“. Объясняя женѣ своей, что онъ намѣренъ составлять „Энциклопедію знанія и жизни“, онъ пишетъ: „Со времени Аристотеля не было дѣлано еще никѣмъ того, что я хочу дѣлать, и буду я добрымъ учителемъ людей въ теченіе вѣковъ, какъ былъ Аристотель“.

„Между тѣмъ во время производства изысканій по дѣлу Чернышевскаго, отставной корнетъ Всеволодъ Костомаровъ, судившійся въ Москвѣ за печатаніе запрещенныхъ сочиненій и по высочайшему повелѣнію разжалованный въ рядовые съ назначеніемъ на службу въ кавказскій линейный баталіонъ, при препровожденіи его къ мѣсту назначенія, съ жандарм-

¹⁾ А на самомъ дѣлѣ было написано: „...по подозрѣнію противъ меня будутъ весьма сильныя“. Изъ „подозрѣнія“ („дарья“) сдѣлать „друзья“.

скимъ офицеромъ Чулковымъ, дорогою въ Туль заболѣлъ, а 5-го марта 1863 года написалъ письмо къ нѣкому Соколову въ С.-Петербургъ. Письмо это Чулковъ представилъ начальнику III Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи. Письмо это заключаетъ въ себѣ подробный разсказъ Костомарова, какимъ образомъ онъ вовлеченъ былъ въ преступленіе, за которое судился, Чернышевскимъ, какимъ образомъ Чернышевскій вмѣстѣ съ бывшимъ литераторомъ, нынѣ государственнымъ преступникомъ Михайловымъ, сочинилъ воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“, а полковникъ Шелгуновъ—воззваніе къ солдатамъ, и дали ему для напечатанія черезъ студента Сороко, съ коимъ онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ Москвы. Описывая подробно личность Чернышевскаго, какъ агитатора, который совратилъ съ пути истиннаго нѣсколько юношей, онъ такъ характеризуетъ его: сравнивая его съ Самсономъ, онъ говоритъ, что „израильтянинъ былъ такъ непрактиченъ, что, расшатавъ столбы зданія, втемяшился въ самую середину его и повалилъ обломки на себя. Нашъ Самсонъ (т. е. Чернышевскій) разсуждаетъ иначе; онъ полагаетъ: „чѣмъ мнѣ погибать подъ обломками стараго зданія, я лучше пошлю другихъ разваливать его, а самъ посижу пока въ сторонѣ. Коли разваливать—хорошо,—я займусь постройкой новаго; а не разваливать, надорвутся,—такъ мнѣ-то что? Я-то всячески цѣль останусь“. Далѣе Костомаровъ пишетъ другу своему, что напрасно онъ будетъ укорять его за то, что не открылъ въ свое время всего, что въ его рукахъ были средства увязить Чернышевскаго на свое мѣсто, что онъ самъ видѣлъ эти письма, что въ его рукахъ была возможность сдѣлать то, чтобы текстъ сентенціи за составленіе воззванія „Къ барскимъ крестьянамъ“ относился не къ нему, а къ Чернышевскому. Тогда онъ долженъ былъ молчать, но теперь, когда уже совершилось, говорить въ немъ горькая боль оскорбленнаго сердца. Выгораживая Чернышевскаго и Шелгунова изъ этого дѣла, онъ предать себя. Онъ виноватъ въ этомъ передъ обществомъ, для котораго дѣятельность кружка, созданнаго учениемъ Чернышевскаго, принесла и приносила такіе горькіе, отравленные плоды. Затѣмъ Костомаровъ описываетъ, какъ Михайловъ привезъ и рекомендовалъ его Чернышевскому, какъ они втроемъ въ кабинетъ читали сочиненное Чернышевскимъ воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“, и какъ онъ не соглашался напечатать его, если Черны-

шевскій не смягчитъ выраженій этого воззванія, взывающихъ къ рѣзнѣ, какъ Чернышевскій не соглашался сначала на это, но потомъ измѣнилъ нѣсколько; какъ Шелгуновъ сочинилъ воззваніе къ солдатамъ, ходилъ въ казармы читать это воззваніе и уговаривать солдатъ, какъ Чернышевскій диктовалъ ему, Костомарову, въ Знаменской гостиницѣ воззваніе къ расколыникамъ, которое онъ впоследствии уничтожилъ.

„По распоряженію III Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи Костомаровъ былъ возвращенъ изъ Тулы въ Петербургъ, и при немъ найдены письма Михайлова и записка карандашомъ слѣдующаго содержанія: „В. Д. Въсто срочно-обяз. (какъ это по непростительной оплошности поставлено у меня)—поберите вездѣ „врем.-обяз.“, какъ это называется въ положеніи. Вашъ Ч.“. Костомаровъ объяснилъ, что записку эту написалъ Чернышевскій, бывши у него въ Москвѣ, но не заставши его дома, когда уже дано было ему для печатанія воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“. Но по предъявленіи этой записки Чернышевскому, онъ не призналъ ее своею.

„По сличеніи почерка руки Чернышевскаго съ его запискою, секретари сената нашли, что хотя въ общемъ характерѣ нѣтъ сходства съ почеркомъ Чернышевскаго, но многія буквы, а именно 12 изъ числа 25-ти, составляющихъ записку, имѣютъ сходство. Присутствіе же прав. сената нашло, что и въ отдѣльныхъ буквахъ сей записки, и въ общемъ характерѣ почерка ея есть совершенное сходство съ почеркомъ руки Чернышевскаго.

„Воззваніе къ барскимъ крестьянамъ, въ сочиненіи коего Костомаровъ обвиняетъ Чернышевскаго, и экземпляръ котораго, переписанный неизвѣстно кѣмъ, находится въ дѣлѣ Костомарова, будучи писано языкомъ простонароднымъ, заключаетъ въ себѣ превратное толкованіе Положенія 19 февраля 1861 года объ освобожденіи крестьянъ. Въ немъ говорится, что государь обманулъ крестьянъ, и что на основаніи Положенія они будутъ еще въ большей кабалѣ, чѣмъ были доселѣ, и окончательно разорятся; затѣмъ объясняется крестьянамъ, въ чемъ именно состоитъ воля; приводятся въ примѣръ Франція, Англія, Швейцарія, Америка, гдѣ нѣтъ будто ни подушныхъ, ни рекрутства, ни паспортовъ, гдѣ всѣмъ управляетъ народъ, и гдѣ цари находятся подъ властью народа, который выби-

раетъ и смѣняетъ царей, если они не нравятся ему. Въ заключеніе авторъ прокламаціи приглашаетъ барскихъ крестьянъ готовиться добывать себѣ волю въ тайнѣ, подговаривать къ тому же государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ и солдатъ, а когда все это будетъ готово, онъ общаетъ дать сигналъ къ общему возстанію. Въ этомъ воззваніи вездѣ упоминаются „срочно-обязанные“, каковую ошибку, какъ выше упомянуто, просилъ Костомарова Чернышевскій запиской исправить при напечатаніи.

„Кромѣ сего, жандармскій капитанъ Чулковъ донесъ генералъ-маіору Потапову, что во время остановки его съ Костомаровымъ, по случаю болѣзни его, прежде пріѣзда въ Тулу, еще въ Москвѣ его посѣтилъ мѣщанинъ Яковлевъ, желавшій проститься съ нимъ. Изъ разговоровъ ихъ онъ замѣтилъ, что Яковлеву хорошо извѣстны всѣ отношенія Костомарова къ Чернышевскому, и предложилъ Яковлеву подтвердить это письменно, на что Яковлевъ и согласился. Показаніе Яковлева состоитъ въ слѣдующемъ: Лѣтомъ 1861 г. онъ былъ переписчикомъ бумагъ и сочиненій у Костомарова. Занимаясь у него, онъ очень часто видѣлъ у него пріѣзжавшаго изъ Петербурга какого-то знаменитаго писателя подъ именемъ Николая Гавриловича Чернышевскаго. Разъ, когда онъ занимался перепискою бумагъ, по случаю лѣтняго времени въ садовой бесѣдкѣ Костомарова, онъ слышалъ между ними, ходившими въ саду подъ руку другъ съ другомъ, слѣдующій разговоръ: Чернышевскій говорилъ: „Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ. Вы ждали отъ царя воли, ну вотъ вамъ и воля вышла“. Называя статью эту своею, Чернышевскій просилъ Костомарова скорѣе напечатать ее. Не находя въ этихъ фразѣхъ ничего противозаконнаго и не понимая точнаго ихъ смысла, онъ тогда оставилъ это безъ вниманія. Но нынѣ, узнавъ, что Костомаровъ осужденъ за какія-то противозаконныя дѣйствія, и желая оградить себя отъ всякой отвѣтственности, онъ долгомъ считаетъ слышанный имъ разговоръ довести до свѣдѣнія правительства.

„На предложенные Костомарову Высочайше учрежденною слѣдственной комиссіею вопросы, онъ подтвердилъ все изложенное имъ въ письмѣ къ Соколову. Генералъ-маіоръ Потаповъ препроводилъ въ Высоч. учр. слѣдств. комиссію полученную имъ черезъ московскаго губернскаго прокурора до-

кладную записку содержащагося въ смирительномъ домѣ мѣщанина Яковлева и переписку конторы московскаго смирительнаго и рабочаго домовъ. Изъ бумагъ этихъ видно, что Яковлевъ отправился въ Петербургъ для донесенія объ отношеніяхъ Костомарова къ Чернышевскому, но на Тверской станціи Николаевской желѣзной дороги за пьянство и буйство былъ взятъ въ полицію и препровожденъ къ московскому оберъ-полицеймейстеру, а отъ него въ домъ градскаго общества, которое отправило его за вышеизъясненные проступки въ смирительный домъ на четыре мѣсяца. По вытребованіи Яковлева и студента Сороко въ Петербургъ, они на данные имъ вопросы отвѣтили: Сороко, что хотя онъ и пріѣзжалъ съ Костомаровымъ въ Петербургъ и хотя знакомъ былъ съ Михайловымъ, но „воззванія къ барскимъ крестьянамъ“ Костомарову не передавалъ, а передалъ ему запечатанное письмо отъ Михайлова; съ Чернышевскимъ же лично знакомъ не былъ. Показаніе сіе Сороко подтвердилъ и на очныхъ ставкахъ съ Костомаровымъ, несмотря на улики его. Яковлевъ же подтвердилъ прежнее свое показаніе и по предъявленіи ему Чернышевскаго утвердилъ, что онъ есть то самое лицо, о которомъ онъ свидѣтельствуеть.

„Редакторъ журнала „Современникъ“, Некрасовъ, представилъ генераль-маіору Потапову полученное имъ по почтѣ изъ Москвы письмо, въ коемъ пишущіе объясняютъ, что они находятся арестованными въ смирительномъ домѣ. На страстной недѣлѣ къ нимъ явился какой-то мѣщанинъ Яковлевъ и объяснилъ, что онъ также содержится за политическое преступленіе, и обратился къ нимъ за совѣтомъ. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ по весьма важному дѣлу, но на Тверской станціи выпилъ и забуянилъ; за это общество посадило его въ рабочій домъ. На вопросъ, по какому дѣлу онъ ѣздилъ къ генералу Потапову, Яковлевъ отвѣчалъ: „Я былъ знакомъ съ Костомаровымъ, на-дняхъ получилъ записку безъ подписи, въ коей меня приглашаютъ въ гостиницу Венеція № 18. Явившись туда, я былъ изумленъ, встрѣтивъ Костомарова въ солдатской шинели и съ жандармскимъ офицеромъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ слѣдующее предложеніе: „вотъ тебѣ письмо къ моей матери, поѣзжай съ нимъ въ Петербургъ и отдай его по адресу. Мать моя научить тебя, что дѣлать, и ежели ты послѣдуешь ея наставленіямъ, будешь хорошо награжденъ“. „А Костомаровъ

не говорилъ вамъ, что именно придется дѣлать?— они. „Говорили, что долженъ дать въ III Отдѣленіи показаніе, будто бы слышалъ, какъ Чернышевскій, въ разговорѣ съ Костомаровымъ, сказать слѣдующую фразу: „Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ!“ Я не знаю, что значать эти слова и зачѣмъ Костомарову нужно, чтобы я далъ такое показаніе. Скажите, если я дамъ такое показаніе, можетъ Потаповъ что-нибудь сдѣлать для меня? Можетъ ли, напри- мѣръ, освободить изъ рабочаго дома?“ „Ну, это врядъ ли. Мы думаемъ, что за ложное показаніе Потаповъ васъ будетъ скорѣе преслѣдовать, потому что, по закону, ложный свидѣтель подвергается строгому наказанію“. „Я уже подалъ Потапову отсюда прошевіе“,—сказалъ Яковлевъ:—меня скоро потребуютъ въ Петербургъ; самъ не знаю, что дѣлать!“ Мы сказали, что лучше сказать правду. Мы не повѣрили Яковлеву, зная, что Костомаровъ не могъ быть въ это время въ Москвѣ, потому что судился вмѣстѣ съ нами въ сенатѣ и приговоренъ къ шести- мѣсячному заключенію въ крѣпости и къ ссылкѣ въ солдаты на Кавказъ. 4 апрѣля мы удивились, увидѣвъ Яковлева на дворѣ съ жандармами. Намъ сказали, что его отправляютъ въ Петербургъ. Вспомнивъ разговоръ нашъ съ нимъ, мы невольно пришли къ предположеніямъ, что Чернышевскій, дѣйстви- тельно, обвинялся въ какомъ-либо политическомъ преступле- нии, что Костомаровъ и его семейство съ помощью Яковлева хотятъ подвергнуть Чернышевскаго несправедливому обвине- нію суда“. Все это заставило пишущихъ обратиться съ прось- бою къ Некрасову, прося представить письмо это, куда слѣ- дуетъ, чтобы предупредить возможность несправедливаго при- говора суда. Все это они готовы, въ случаѣ надобности, под- твердить передъ судомъ присягою. Подписали: Гольцъ-Мил- леръ, Ильенко, Новиковъ, Сулинъ и Ященко.

„Комиссія положила: вслѣдствіе такого поступка Яковлева и безнравственнаго его поведенія, не ожидая окончанія 4-хмѣ- сячнаго срока, на который онъ присужденъ обществомъ, отправить его на жительство въ Архангельскую губернію, на что испрошено высочайшее соизволеніе, каковое и послѣдо- вало. Полковникъ Шелгуновъ противъ возводимыхъ на него Костомаровымъ обвиненій не сознался, утвердивъ заpiresатель- ство свое и на очной съ Костомаровымъ ставкѣ. Литераторъ Михайловъ, бывшій губернскій секретарь, судившійся въ се-

натѣ за распространіе привезеннаго имъ изъ Лондона возмутительнаго воззванія „Къ молодому поколѣнію“ и сосланный на каторгу, во время производства надъ нимъ въ сенатѣ слѣдствія, между прочимъ, показалъ: что онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ воззванія и „Къ барскимъ крестьянамъ“, и „Къ солдатамъ“, изъ которыхъ послѣднее переписывалъ и поправлялъ, но не открылъ никого изъ своихъ сообщниковъ. Правительствующій сенатъ испрашивалъ высочайшее повелѣніе, слѣдуетъ ли Михайлова судить отдѣльно за то преступленіе, за которое онъ былъ преданъ суду 1-го отдѣленія 5-го департамента сената, т. е. за распространіе воззванія „Къ молодому поколѣнію“, или совокупно съ падающимъ на него обвиненіемъ въ отношеніи сочиненія воззваній къ барскимъ крестьянамъ и солдатамъ. Государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ: судить Михайлова за распространіе прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“ отдѣльно отъ другихъ падающихъ на него обвиненій.

„По поступленіи дѣла о Чернышевскомъ въ правительствующій сенатъ, г. оберъ-прокуроръ, по порученію управляющаго министерствомъ юстиціи, предложилъ на совокупное разсмотрѣніе съ дѣломъ о Чернышевскомъ полученное въ III Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи письмо Чернышевскаго къ Алексѣю Николаевичу (вѣроятно, Плещееву). Письмо это слѣдующаго содержанія: (далее приводится полностью уже извѣстное читателямъ письмо — *М. Л.*). Письмо сіе предъявлено было въ присутствіи сената Чернышевскому, и по содержанію онаго онъ былъ допрошенъ. Но Чернышевскій въ данныхъ отвѣтахъ объяснилъ, что письмо сіе писано не имъ, и о содержаніи онаго отозвался невѣдѣніемъ. Въ слѣдствіе заключенія сената, дѣлаемо было секретарями сената сличеніе почерка руки Чернышевскаго съ почеркомъ, коимъ писано письмо сіе, и секретари единогласно признали, что какъ это письмо, такъ и бумаги, въ дѣлѣ находящіяся, писанныя Чернышевскимъ и имъ не отвергаемыя, писаны одною и тою же рукой. Присутствіе 1-го отдѣленія 5-го департамента, сличивъ съ своей стороны почеркъ Чернышевскаго съ письмомъ симъ, признало вышеозначенное заключеніе секретарей сената правильнымъ и посему опредѣлило заключеніе сіе утвердить во всей силѣ. Рядовой Костомаровъ, бывъ вытребовавъ въ присутствіи сената и подтвердивъ прежнія объясненія свои, ка-

сательно сношеній своихъ съ Чернышевскимъ, о письмѣ семъ объяснилъ, что оно дано было ему Чернышевскимъ для передачи Плещееву, но онъ его куда-то затерялъ, а послѣ нашелъ его за подкладкой своего сакъ-вояжа, но какъ оно, бывъ измочено и разорвано (письмо это, дѣйствительно, получено въ сенатѣ разорванное и со слѣдами подмочки), то отдать его Плещееву ему было совѣстно. Подсудимый Чернышевскій во всѣхъ вышеизложенныхъ, возводимыхъ на него обвиненіяхъ ни на допросахъ въ слѣдственной комиссіи, ни на передопросахъ въ правительствующемъ сенатѣ, ни на очной съ Костомаровымъ ставкѣ—не сознался, не отвергая, впрочемъ, знакомства своего съ Костомаровымъ, ни съ Михайловымъ. На очной ставкѣ съ Костомаровымъ въ комиссіи онъ сказалъ: „Я посѣдѣю, умру, но не перемѣню своего показанія“. Знакомство свое съ Костомаровымъ онъ объяснилъ тѣмъ, что покровительствовалъ только ему, какъ молодому, начинающему литератору. Чернышевскій домогался предъ правительствующимъ сенатомъ, чтобы сличеніе почерка руки, коимъ писано было письмо къ Алексѣю Николаевичу, дозволено было ему произвести самому съ почеркомъ Костомарова и чтобы ему дали для сего лупу, увеличивающую въ 10 или 12 разъ. Но правительствующій сенатъ, имѣя въ виду, что при сличеніи соблюдены были всѣ требуемые закономъ обряды и формы, въ домогательствѣ его отказалъ. Коллежскій регистраторъ Алексѣй Николаевъ Плещеевъ былъ вызванъ въ сенатъ и, утверждая оному знакомство и литературныя отношенія свои съ Чернышевскимъ, ни въ какомъ противозаконномъ участіи съ нимъ не сознался, равно какъ и въ полученіи отъ него письма, посланнаго чрезъ Костомарова, подъ заглавіемъ: „Добрый другъ Алексѣй Николаевичъ“.

„Изъ свѣдѣній о происхожденіи Чернышевскаго видно, что онъ сынъ священника, воспитывался первоначально въ семинаріи, а потомъ въ университетѣ, служилъ преподавателемъ во 2 кадетскомъ корпусѣ, былъ учителемъ гимназій въ Саратовѣ, потомъ причислился къ С.-Петербургскому губернскому правленію и въ 1858 году вышелъ въ отставку. Отъ роду ему 35 лѣтъ, женатъ, имѣетъ двухъ дѣтей.

„Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, правительствующій сенатъ находитъ, что на подсудимаго Чернышевскаго изводятся три слѣдующія обвиненія:

„1. Противозаконныя сношенія съ изгнанникомъ Герценомъ, стремящимся пропагандою ниспровергнуть существующій въ Россіи образъ правленія, и участіе съ Герценомъ въ сихъ преступныхъ его замыслахъ.—Въ отношеніи сего обвиненія изъ дѣла видно, что основаніемъ къ тому служитъ токмо приписка Герцена въ письмѣ къ Серно-Соловьевичу о намѣреніи его издавать съ Чернышевскимъ журналъ здѣсь, т. е. въ Лондонѣ или Женевѣ, и письмо, найденное у Чернышевскаго, неизвѣстно къ кому адресованное, которое, по словамъ его, получено имъ по городской почтѣ, писанное Герценомъ или Огаревымъ, въ коемъ возражаютъ противъ убѣжденія Чернышевскаго не вовлекать юношество въ литературный союзъ. Чернышевскій, съ своей стороны, не сознался ни въ какихъ противозаконныхъ сношеніяхъ съ Герценомъ, объяснивъ, что, дѣйствительно, Михайлову, отправляющемуся въ Лондонъ, онъ поручилъ сказать Герцену, чтобы онъ не вовлекалъ молодежь въ его противозаконные планы. При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ основанія признавать Чернышевскаго виновнымъ въ участіи съ Герценомъ въ его стремленіяхъ пропагандою ниспровергнуть существующій въ Россіи образъ правленія, а посему по обвиненію этому, согласно 304 ст. 2 кн. т. XV св. зак. уг., его слѣдуетъ признать недоказаннымъ.

„2. Сочиненіе возмутительнаго воззванія къ барскимъ крестьянамъ, переданнаго Костомарову для напечатанія, съ цѣлью распространенія.—Въ отношеніи сего обвиненія изъ дѣла оказывается, что подтвержденіемъ оному служитъ: а) показаніе разжалованнаго изъ корнетовъ въ рядовые Всеволода Костомарова, подробно и обстоятельно объяснившего весь ходъ переговоровъ его съ Чернышевскимъ о печатаніи воззванія къ барскимъ крестьянамъ; б) записка, найденная у Костомарова и оставленная у него Чернышевскимъ, въ которой послѣдній проситъ исправить ошибку его въ рукописи и напечатать вмѣсто „срочно-обязанные“ — „временно-обязанные“ (крестьяне), какъ это значится въ Положеніи, что подтверждается и рукописью, въ дѣлѣ находящеюся, въ коей, дѣйствительно, написано „срочно-обяз.“, и признанное присутствіемъ правительствующаго сената совершенное сходство почерка сей записки съ почеркомъ Чернышевскаго, какъ въ отдѣльныхъ буквахъ, такъ и въ общемъ характерѣ; в) показаніе мѣщанина Яковлева, переписчика бумагъ у Костомарова, слышавшаго разговоръ

Костомарова съ Чернышевскимъ, который просилъ его скорѣе напечатать воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“; г) показаніе бывшаго подъ судомъ въ правительствующемъ сенатѣ политическаго преступника Михайлова о томъ, что онъ имѣлъ у себя въ рукахъ воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“ и передалъ Костомарову. Такъ какъ показаніе это совпадаетъ съ показаніями Костомарова, объяснившаго объ участіи Михайлова въ напечатаніи воззванія „Къ барскимъ крестьянамъ“; токмо Михайловъ, пойманный и уличенный государственный преступникъ, не будучи въ состояніи самъ избавиться отъ заслуженнаго имъ наказанія, скрываетъ своихъ сообщниковъ. Къ опроверженію вышеннеложенныхъ уликъ представлено токмо литераторомъ Некрасовымъ письмо содержащихся въ смиренительномъ домѣ за политическія преступленія 5 лицъ, доказывающихъ, будто бы Яковлевъ былъ подговоренъ Костомаровымъ къ ложному противъ Чернышевскаго показанію, имѣющее само по себѣ видъ стремленія осужденнымъ къ легчайшему наказанію спасти своего сообщника, еще не осужденнаго судомъ уголовнымъ, представляетъ и ту несообразность, что извѣтъ на Яковлева не представленъ начальству смиренительнаго дома, которое по горячимъ слѣдамъ имѣло бы возможность раскрыть истину, а сообщено владѣльцу журнала, въ которомъ Чернышевскій развивалъ свои зловредныя идеи. Самъ Чернышевскій противъ уликъ сихъ никакого опроверженія не представилъ. Изъ сихъ уликъ вытекаетъ полное нравственное убѣжденіе, что воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“ сочинилъ Чернышевскій и принималъ мѣры къ распространенію чрезъ тайное отпечатаніе оного.

„3. Приготовленіе къ возмущенію.—Вещественнымъ доказательствомъ сего преступленія противъ Чернышевскаго служить находящееся въ дѣлѣ собственноручное (т. XV св. зак. уг. кв. 2 ст. 326 и т. X ч. 2 ст. 354) письмо Чернышевскаго къ нѣкому Алексѣю Николаевичу (Плещееву). Такимъ образомъ, это письмо обращаетъ нравственное убѣжденіе виновности Чернышевскаго въ юридическое тому доказательство (ст. 308 т. XV). Въ этомъ письмѣ онъ, укоряя друга своего въ медленности приобрѣтенія орудія къ тайному печатанію и распространенію возмутительныхъ воззваній, пишетъ, что они воспользовались случаемъ, когда имъ подвернулись люди, занимающіеся тайнымъ печатаніемъ,—напечатать свой манифестъ. Несомнѣнно,

что здѣсь рѣчь идетъ о Костомаровѣ, Сулинѣ, Сорокѣ и о воззваніи „Къ барскимъ крестьянамъ“, которое они взяли напечатать. Изъ этого письма явствуетъ, что ему были извѣстны другіе злоумышленники, возмущавшіе общественное спокойствіе распространеніемъ своихъ воззваній (Л. и 23 въ Понизовѣ).

„Изложенныя обстоятельства не допускаютъ сомнѣваться въ существованіи злоумышленія къ ниспроверженію правительства и въ принятіи Чернышевскимъ дѣятельнаго въ томъ участія съ приготовленіями къ возмущенію. Такимъ образомъ, дѣйствія Чернышевскаго заключаютъ въ себѣ всѣ условія преступленія, предусмотрѣннаго въ св. зак. уг. кн. I т. XV въ главѣ о госуд. преступл. въ ст. 283, т. е. участіе въ злоумышленіи противу правительства. Но принимая во вниманіе, что таковыя злоумышленія Чернышевскаго открыты правительствомъ заблаговременно, при началѣ оныхъ, и ни смятеній, ни какихъ-либо другихъ вредныхъ отъ того послѣдствій не произошло, Чернышевскій на точномъ основаніи послѣдующей 284 ст. долженъ быть подвергнутъ наказанію по 3-ей или 4-ой степени 21 ст. Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію степени подлежащаго Чернышевскому наказанія, сенатъ находитъ, что Чернышевскій, будучи литераторомъ и однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ журнала „Современникъ“, своею литературною дѣятельностью имѣлъ большое вліяніе на молодыхъ людей, въ коихъ со всею злою волею посредствомъ сочиненій своихъ развивалъ матеріалистическія въ крайнихъ предѣлахъ и социалистическія идеи, которыми проникнуты сочиненія его, и указывая въ ниспроверженіи законнаго правительства и существующаго порядка средства къ осуществленію вышеупомянутыхъ идей, былъ особенно вреднымъ агитаторомъ, а посему сенатъ признаетъ справедливымъ подвергнуть его строжайшему изъ наказаній, въ 284 ст. поименованныхъ, т. е. по 3-ей степени въ мѣрѣ близкой къ высшей, по упорному его заирательству, несмотря на несомнѣнность доказательствъ, противъ него въ дѣлѣ имѣющихся.

„Въ сихъ соображеніяхъ и на основаніи вышеприведенныхъ законовъ правительствующій сенатъ полагаетъ: отставнаго титулярнаго совѣтника Николая Чернышевскаго, 35 лѣтъ, за злоумышленіе къ ниспроверженію существующаго порядка, за принятіе мѣръ къ возмущенію и за сочиненіе возмутительнаго воззванія Къ барскимъ крестьянамъ и передачу оного для

напечатанія въ видахъ распространенія — лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 14 лѣтъ, и затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

„Рѣшеніе это, на основаніи 617 ст. 2 кн. т. XV св. зак. уголовныхъ представить на высочайшее его императорскаго величества усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

„Затѣмъ правительствующій сенатъ опредѣляетъ: его же, Чернышевскаго, по обвиненію въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ изгнанникомъ Герценомъ и въ участіи въ его преступныхъ замыслахъ, признать недоказаннымъ“.

II.

Изъ сената это опредѣленіе было передано въ государственный совѣтъ, вполнѣ присоединившійся къ его мнѣнію, затѣмъ представлено государю и утверждено имъ 7 апрѣля въ такомъ видѣ: „Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы былъ сокращенъ на половину“. 26 апрѣля Замятнинъ прислалъ въ сенатъ это высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, а 4 мая оно было объявлено Чернышевскому при открытыхъ дверяхъ.

Русское общество понесло страшную потерю... Изъ его передовыхъ рядовъ былъ вырванъ самый видный вождь... Илюбопытно, что потерю эту чувствовали не только единомышленники Чернышевскаго, но даже и его враги. Напримѣръ, тотъ самый Никитенко, который то и дѣло называлъ его „краснокожимъ либераломъ“ и „насадителемъ смуты“, передавъ вкратцѣ приговоръ, записалъ: „Изъ рукъ вонъ это печально!..“ Разумѣется умныхъ людей, независимо отъ ихъ направленія, не могло не поразить, а сколько-нибудь честныхъ — и не возмутить упоминаніе въ приговорѣ статей „Современника“, своевременно разрѣшенныхъ цензурой. Это обстоятельство было причиной болѣе или менѣе широкаго общественнаго негодованія...

Очень интересна другая записъ Никитенка: „Я спрашивалъ у сенатора Любошинскаго, доказано ли юридически, что Чернышевскій виноватъ такъ, какъ его осудили. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему извѣстныхъ юридическихъ доказательствъ нѣтъ, но что моральное убѣжденіе прямо противъ него. Какъ же, однако, осудили его? Въ государственномъ совѣтѣ нѣкоторые изъ членовъ не находили достаточныхъ уликъ и доказательствъ

для приговора его къ тому, къ чему онъ приговоренъ. Тогда кн. Долгорукій показаль имъ какія-то бумаги изъ III Отдѣленія,—и члены вдругъ перестали противорѣчить. Но что это за бумаги? Это тайна... Нѣкоторые сильно негодуютъ на государя за Чернышевскаго. Какъ было осуждать его, когда не было на то достаточныхъ юридическихъ данныхъ. Такъ говорятъ почти всѣ“.

Въ сенатскомъ дѣлѣ нѣтъ даже никакихъ намековъ на упомянутые Никитенкомъ таинственные документы. Нѣтъ объ этомъ ничего и въ дѣлѣ государственнаго совѣта. Но это еще не доказательства противнаго. Такіе документы не вносятся въ тощія и очень глухія „дѣла“ государственнаго совѣта, а помѣщаются при журналахъ, которыхъ все еще не выдаютъ нашему брату литератору. Думаю только, что рассказъ Никитенка не совсѣмъ вѣренъ: врядъ ли въ государственномъ совѣтѣ могло произойти разногласіе съ опредѣленіемъ сената, которое, какъ было безызвѣстно членамъ, вполнѣ одобрялось правительствомъ... А, впрочемъ, все могло быть.

Въ тотъ же день, 4 мая, возникъ вопросъ, какъ отправить Чернышевскаго къ мѣсту назначенія. Хорошо помня явное нарушеніе закона, сдѣланное въ 1861 году по отношенію къ Михайлову, Суворовъ считаль своимъ долгомъ исчерпать всѣ доводы, чтобы убѣдить III Отдѣленіе не поступить также и съ Чернышевскимъ. Поэтому онъ писалъ кн. Долгорукову:

„Высочайше утвержденнымъ 21 февраля сего года мнѣніемъ комитета гг. министровъ преступники всѣхъ категорій изъ привилегированныхъ классовъ, ссылаемые по судебнымъ приговорамъ въ Сибирь, должны быть отправлены на подводахъ порядкомъ, указаннымъ въ 510 и 511 ст. XV т. св. зак. о ссыльныхъ, т. е. они препровождаются этапнымъ порядкомъ, но не съ прочими ссыльными, а особыми партіями и безъ употребленія оковъ и наручней.“

„Нынѣ состоялся приговоръ о судимомъ за политическое преступленіе дворянинѣ Николаѣ Чернышевскомъ, который имѣеть быть отправленъ въ каторжную работу.“

„По особо уважительнымъ причинамъ, извѣстнымъ Вашему Сіятельству, я полагааль бы Чернышевскаго отправить не этапнымъ порядкомъ, но на почтовыхъ съ двумя жандармами ¹⁾“.

¹⁾ Курень въ подлинникѣ.

примѣняясь къ правиламъ высочайше утвержденнымъ 10 января 1854 года.

„При этомъ, согласно вышеприведенному высочайше утвержденному мнѣнію комитета гг. министровъ и ст. 96, 170, 171 и 224 XIV т. св. зак. уст. о содер. подъ страж. и улож. о наказ. примѣч. къ ст. 19, я полагалъ бы отправить Чернышевскаго безъ оковъ и наручней, такъ какъ и губернское правленіе при отправленіи этапнымъ порядкомъ лицъ привилегированныхъ сословій, осужденныхъ въ каторжную работу, не налагаетъ оковъ и наручней; а также не исполнять надъ нимъ обряда, указанного въ 541 ст. 2 кн. 15 т. св. зак. (о выставленіи къ позорному столбу), ибо Чернышевскій, по приговору правительствующаго сената, не присужденъ къ политической смерти“.

На эту записку 5 мая послѣдовалъ отвѣтъ:

„1. Высочайше утвержденнымъ 21 февраля положеніемъ комитета министровъ (собр. узак. 1864 г. № 26 стр. 217) дозволено всѣмъ арестантамъ привилегированныхъ сословій, ссылаемымъ въ Сибирь, какъ по политическимъ причинамъ, такъ и за общія преступленія, отправляться на почтовыхъ лошадяхъ, буде они того пожелаютъ и будутъ имѣть къ этому достаточныя собственныя средства, причемъ соблюдаются правила высочайше постановленныя 10 января 1854 г.

„2. По точному смыслу 170, 171, 224 ст. XIV т. уст. содер. подъ стражею и ст. 96 т. XIV уст. о ссыльн., дворяне и чиновники, при препровожденіи въ Сибирь, не должны быть заключаемы въ оковы и идутъ подъ строгимъ надзоромъ.

„3. Установленный въ 541 ст. II кн. XV т. св. зак. угол. обрядъ (переламываніе шпаги и выставленіе на эшафотъ къ позорному столбу), по точному смыслу сей статьи, долженъ быть исполняемъ надъ всѣми безъ исключенія лицами, осужденными въ каторжныя работы (а не надъ тѣми только, кто, по ст. 75 улож. о нак., приговоренъ къ политической смерти)“.

При этомъ было приложено циркулярное отношеніе министерства юстиціи губернскимъ, областнымъ и прочихъ мѣстъ прокурорамъ отъ 21 мая 1863 г. о точномъ соблюденіи установленныхъ правилъ о неналоженіи оковъ на ссыльныхъ малолѣтнихъ, женщинъ и тѣхъ, кои до осужденія были изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній.

Такимъ образомъ, кандалы и наручни отмѣнялись, но гнусная комедія „гражданской казни“ была оставлена...

Суворовъ не ограничился своимъ письмомъ Долгорукову. Получивъ просьбу многихъ лицъ о свиданіи съ Чернышевскимъ, онъ велѣлъ своему чиновнику написать коменданту крѣпости слѣдующее письмо:

„Приговоръ Правительствующаго Сената отставному титулярному совѣтнику Чернышевскому уже объявленъ, и объ исполненіи онаго Ваше Превосходительство изволите получить вслѣдъ за симъ официальное сообщеніе; предварительно же сего сообщенія, по порученію князя Александра Аркадѣевича, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить меня, когда Чернышевскій будетъ переведенъ изъ рavelина въ обыкновенный казематъ крѣпости, и не встрѣтится ли завтрашній день, т. е. 6 мая, какихъ-либо препятствій къ свиданію его съ сыномъ и близкими родными“.

На письмо это 6 мая былъ полученъ отъ Сорокина отвѣтъ:

„По установленному порядку, вообще переводъ изъ Алексѣевского рavelина рѣшенныхъ преступниковъ въ обыкновенный казематъ или на главную крѣпостную гауптвахту исполняется или наканунѣ того дня, въ который опредѣлено привести *публично* въ исполненіе конфирмацію, или же наканунѣ отиравленія по назначенію, если публичнаго объявленія не назначено. Свиданіе допустится въ теченіе дня не въ мѣстѣ заключенія, а въ особой комнатѣ, въ присутствіи кого-либо изъ чиновъ Комендантскаго Управленія. По пробитіи вечерней зари (наканунѣ отиравленія) осужденному стригутъ волосы на головѣ и бреютъ бороду и усы, а при самомъ отиравленіи одѣваютъ въ казенное платье и сдаютъ конвойнымъ для слѣдованія по назначенію на почтовыхъ лошадяхъ“.

III Отдѣленіе и здѣсь доѣзжало Чернышевскаго...

Суворову оставалось дать знать петербургской управѣ благочинія о наказаніи, постигшемъ Николая Гавриловича, и объ обрядѣ приведенія приговора въ исполненіе... „Къ сему нужнымъ считаю присовокупить, что для публичнаго объявленія приговора Чернышевскій имѣетъ быть переведенъ наканунѣ дня исполненія изъ С.-Петербургской крѣпости, гдѣ онъ нынѣ содержится, въ С.-Петербургскій тюремный замокъ. Распоряженіе это возложено мною на генералъ-маіора Чебыкина, которому поручено по исполненіи надѣ Чернышевскимъ при-

говора препроводить его обратно въ С.-Петербургскую крѣпость, откуда уже онъ долженъ быть отправленъ по назначенію на почтовыхъ въ сопровожденіи 2 жандармовъ“.

Относительно прощанія А. Н. Пыпинъ писалъ управляющему канцеляріей Суворова Четыркину:

„Ваше Превосходительство! На случай, когда воспослѣдуетъ отъ князя Суворова разрѣшеніе видѣться съ Ч. для его родственниковъ, сообщаю Вамъ имена ихъ и мѣсто жительства:

Александръ Ник.

Сергѣй Ник.

Евгенія Ник.

Полина Ник.

Пыпины. — Въ Кабинетской ул., на углу Ивановской, д. Матушевича, кв. № 14.

Иванъ Григорьевичъ Терсинскій, — оберъ-секретарь при Святѣйшемъ Синодѣ. — На Васильевскомъ островѣ по 8-й линіи, за Среднимъ проспектомъ, въ Синодальномъ домѣ, подлѣ Благовѣщенья.

„Кромѣ того, покорнѣйше прошу Васъ передать прилагаемое при семъ письмо Его Свѣтлости. Честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга

Александръ Пыпинъ“.

А вотъ что писалось имъ князю Суворову:

„Ваша Свѣтлость! Имѣю честь представить Вашей Свѣтлости имена тѣхъ постороннихъ лицъ, которыя желали бы имѣть разрѣшеніе видѣться съ Ч. передъ его отъѣздомъ, и списокъ которыхъ Вы изволили у меня спрашивать:

Николай Алексѣев. *Некрасовъ* (на Литейной, въ д. Краевскаго).

Максимъ Алексѣев. *Антоновичъ* ¹⁾ (въ Басковой ул., близъ Бассейной, д. Даммера).

Григорій Захар. *Елисеевъ* ²⁾ (на Васильевскомъ островѣ, на углу 1-й линіи и Большого проспекта, въ д. церкви Св. Екарины).

¹⁾ Прибавлено, очевидно, уже въ канцеляріи: „Кол. Секр.“.

²⁾ Прибавлено: „Надв. Сов.“.

Докторъ Петръ Пав. *Боковъ*

(въ Эртелевомъ пер., д.
Ханыкова).

„Имена родственниковъ Ч. я уже сообщилъ г. Четыркину вмѣстѣ съ означеніемъ ихъ мѣста жительства. Честь имѣю быть Вашей Свѣтлости покорный слуга

Александръ Пытинъ“.

На обоихъ письмахъ резолюція Суворова: „согласенъ“.

Независимо отъ этихъ писемъ, родственникъ Чернышевскаго И. Г. Терсинскій 8 мая подаль самъ заявленіе о желаніи свиданія съ нимъ ¹⁾.

О допущеніи свиданія съ И. Г. Терсинскимъ, П. И. Бокowymъ, Г. З. Елисеевымъ, Н. А. Некрасовымъ и М. А. Антоновичемъ князь Суворовъ сообщилъ обычнымъ порядкомъ коменданту 9, 13 и 19 мая, причемъ въ бумагахъ отъ 19 мая имѣется приписка: „Въ случаѣ же, если будетъ просить свиданія съ Чернышевскимъ родственница его Михаэлисъ ²⁾, то ей въ томъ разрѣшенія покорнѣйше прошу не давать“.

Почему Михаэлисъ рѣшено было не допускать—неизвѣстно. Точно предчувствовали, что она не останется безучастной къ судьбѣ своего учителя...

Сначала Чернышевскаго хотѣли отправить изъ Петербурга 19 мая, но потомъ почему-то отложили на 20-е, а 19-го назначили „казнь“, о чемъ и объявили всенародно за два дня въ „Вѣдомостяхъ С.-Петербургской Городской Полиціи“...

Петербургская интеллигенція нервно встрѣтила эту вѣсть... Рѣшено было проводить возможно многолюднѣе...

Изъ многихъ описаній „казни“ приведу лучшее и болѣе вѣрное, принадлежащее перу Гейпса (Вильяма Фрея) ³⁾.

¹⁾ И. Г. Терсинскій былъ женатъ на двоюродной сестрѣ Н. Г.—Л. Н. Котляревской, умершей въ началѣ пятидесятыхъ годовъ.

²⁾ Она не была родственницею

³⁾ См. рассказы г. Вискаго (стр. 99—100 юньской книжки „Русскаго Богатства“ за 1905 г.), г. Кокосова (стр. 159—162 последней книжки того же журнала за 1905 г.), А. С. Суворина въ его книгѣ „Всякіе“, сожженной въ шестидесятыхъ годахъ и написанной имъ подъ псевдонимомъ Бобровскій (стр. 186—187); укажу статьи, что вообще въ этой книжкѣ, писанной г. Суворинымъ, добраго стараго времени, Чернышевскій выставленъ съ весьма симпатичной стороны подъ именемъ Самарскаго, а Всеволодъ Костомаровъ

Вотъ какъ описываетъ онъ свои впечатлѣнія отъ памятнаго утра на Мытной площади:

„Высокій черный столбъ съ цѣпами, эстрада, окруженная солдатами, жандармы и городовые, поставленные другъ возлѣ друга, чтобы держать народъ на благородной дистанціи отъ столба, множество людей хорошо одѣтыхъ, кареты, генералы, снующіе взадъ и впередъ, хорошо одѣтыя женщины,—все показывало, что происходитъ нѣчто чрезвычайное.

„Какая-то старуха предложила мнѣ скамейку. „Надо сиротамъ хлѣбъ заработать“,—говорила она мнѣ. Еслибы она взяла съ меня не 10 копеекъ, а 50, то и тогда я съ удовольствіемъ взялъ бы скамью, потому что публики набралось слишкомъ много—и мнѣ уже приходилось стоять въ третьемъ ряду.

„Три четверти часа мнѣ пришлось стоять на скамейкѣ, дожидаясь приѣзда Чернышевскаго. Но для меня это время прошло быстро. Я жадно вглядывался во всякую подробность. Хозяйка моей скамьи, стоя вмѣстѣ со мной, рассказывала мнѣ, какъ новинку, что будутъ дѣлать съ преступникомъ. Показала саблю, заранѣе подпиленную и стоящую внизу эстрады. Замѣтила, между прочимъ, что въ прежніе разы столбъ былъ гораздо ближе къ народу, чѣмъ теперь, но, всетаки, будетъ слышно, что прочтетъ арестанту Григорьевъ (помощникъ надзирателя)...

„Рядъ грустныхъ мыслей былъ прерванъ какимъ-то шумомъ толпы; „ѣдутъ“,—сказала старуха. „Смирно!“—раздалась команда, и вслѣдъ за тѣмъ карета, окруженная жандармами съ саблями наголо, подъѣхала къ солдатамъ. Карета остановилась шагахъ въ пятидесяти отъ меня; я не хотѣлъ сойти съ своей скамьи, но видѣлъ, что въ этомъ мѣстѣ толпа ринулась къ каретѣ; раздались крики „назадъ!“; жандармы начали тѣснить народъ; вслѣдъ за тѣмъ три человека быстро пошли по линіи солдатъ къ эстрадѣ: это былъ Чернышевскій и два палача. Раздались сдержанные крики переднимъ: „уберите зонтики!“—и все замерло. На эстраду взошелъ какой-то полицей-

ровъ — съ весьма отрицательной, подъ именемъ Тѣломарова. Наковецъ, есть нѣсколько строкъ и въ книгѣ Скальковскаго — „Наши государственныя и общественныя дѣятели“. При этомъ любопытно, что всѣ, кромѣ Гейяса, называютъ разныя и невѣрные числа, утверждая иногда, что хорошо ихъ помнить...

скій. Скомандовали солдатамъ „на караулъ“. Палачъ снялъ съ Чернышевскаго фуражку, и затѣмъ началось чтеніе приговора. Чтеніе это продолжалось около четверти часа. Никто его не могъ слышать. Самъ же Чернышевскій, знавшій его еще прежде, менѣе, чѣмъ всякій другой, интересовался имъ. Онъ, повидимому, искалъ кого-то, непрерывно обводя глазами всю толпу, потомъ кивнулъ въ какую-то сторону раза три. Наконецъ чтеніе кончилось. Палачи опустили его на колѣни. Сломали надъ головой саблю и затѣмъ, поднявши его еще выше на нѣсколько ступеней, взяли его руки въ цѣпи, прикрѣпленныя къ столбу. Въ это время пошелъ очень сильный дождь; палачъ надѣлъ на него шапку. Чернышевскій поблагодарилъ его, поправилъ фуражку, насколько позволяли ему его руки, и затѣмъ, заложивши руку за руку, спокойно ожидалъ конца этой процедуры. Въ толпѣ было мертвое молчаніе. Старуха, сошедшая со скамы, непрерывно задавала мнѣ разные вопросы вродѣ такихъ: „въ своемъ ли онъ платѣ или нѣтъ? какъ онъ пріѣхалъ—въ каретѣ или въ телѣгѣ?“ Я непрерывно душилъ свои слезы, чтобы можно было ей кое-какъ отвѣчать. По окончаніи церемоніи всѣ ринулись къ каретѣ, прорвали ливію городскихъ, ухватившихъ другъ друга за руки, и только усиліями конныхъ жандармовъ толпа была отдѣлена отъ кареты. Тогда (это я знаю навѣрное, хотя не видѣлъ самъ) были брошены ему букеты цвѣтовъ. Одну женщину, кинувшую цвѣты, арестовали. Карета повернула назадъ и, по обыкновенію всѣхъ поѣздокъ съ арестантами, пошла шагомъ. Этимъ воспользовались многіе, желающіе видѣть его вблизи. Кучки людей челоуѣкъ въ 10 догнали карету и пошли рядомъ съ ней. Нуженъ былъ какой-нибудь сигналъ для того, чтобы совершилась овація. Этотъ сигналъ подалъ одинъ молодой офицеръ; снявши фуражку, онъ крикнулъ: „прощай, Чернышевскій!“. Этотъ крикъ былъ немедленно поддержанъ другими и потомъ смѣнился еще болѣе колкимъ словомъ „до свиданія“. Онъ слышалъ этотъ крикъ и, выглянувши изъ окна, весьма мило отвѣчалъ поклонами. Этотъ же крикъ былъ услышанъ толпою, находящеюся сзади. Всѣ ринулись догонять карету и присоединиться къ кричавшимъ. Положеніе полиціи было затруднительнымъ, но на этотъ разъ она поступила весьма разумно и, противъ своего обыкновенія, не арестовала публику, а рѣшилась попросту удалиться.

Было скомандовано „рысью“, и вся эта процессія съ шумомъ и грохотомъ начала удаляться отъ толпы. Впрочемъ, та кучка которая была возлѣ, еще нѣкоторое время бѣжала; возлѣ еще продолжались крики и маханіе платками и фуражками. Лавочники (ѣхали мимо рынка) съ изумленіемъ смотрѣли на необыкновенное для нихъ событіе. Чернышевскій ранѣе другихъ понялъ, что эта кучка горячихъ головъ, разъ только отдѣлится отъ толпы, будетъ немедленно арестована. Поклонившись еще разъ съ самою веселою улыбкою (видно было, что уѣзжалъ въ хорошемъ настроеніи духа), онъ погрозилъ пальцемъ. Толпа начала мало-по-малу расходиться, но нѣкоторые, нанявши извозчиковъ, поѣхали слѣдомъ за каретой. Говорять, что всѣ были потомъ арестованы“... ¹⁾).

Теперь послушаемъ петербургскаго оберъ-полицеймейстера. Вотъ что онъ доносилъ князю Суворову:

„Сего числа при публичномъ объявленіи на Мытнинской площади приговора бывшему титулярному совѣтнику Чернышевскому, всѣми зрителями, которыхъ было довольно значительное число, соблюдена была совершенная тишина и никакого случая безпорядка не было. Я долженъ обратить при этомъ вниманіе Вашей Свѣтлости на то, что въ самое то время, когда Чернышевскій шелъ къ эстрадѣ, изъ толпы, въ довольно дальнемъ разстояніи отъ него, былъ кинутъ букетъ, упавшій тутъ же впереди зрителей, стоявшихъ шаговъ за 20 за линіею войскъ. Женщина, бросившая букетъ, была подмѣчена однимъ изъ переодѣтыхъ городскихъ и въ ту же минуту надзирателемъ Агафоновымъ отправлена въ домъ оберъ-полицеймейстера. Все это было сдѣлано такъ скоро и осторожно, что мало кто замѣтилъ эту сцену. Женщина эта оказалась дѣвица Михаэлисъ. Я имѣю еще свѣдѣніе, что на возвратномъ пути, когда экипажъ, въ которомъ былъ Чернышевскій, проѣхалъ всю длину 4-й улицы (на Пескахъ) и подъѣхалъ къ Лиговкѣ, нѣсколько извозчичьихъ экипажей съ сѣдоками, въ числѣ которыхъ были и женщины, догнали кортежъ и намѣревались ѣхать около его; но такъ какъ экипажъ былъ конвоированъ жандармами, то они должны были отстать и разѣхаться“.

Это была та самая Михаэлисъ (родная сестра Л. П. Шел-

¹⁾ „Рус. Стар.“, 1905 г., 11, 460—462.

гуновой), которой воспрещено было проститься съ Чернышевскимъ... Дѣйствительно, букетъ былъ брошенъ тогда, когда Н. Г. шелъ къ эстрадѣ; но Гейнсъ правъ, говоря, что букетовъ было нѣсколько. Оберъ-полицеймейстеръ не хотѣлъ скомпрометировать свою полицію, не сумѣвшую замѣтить другихъ бросавшихъ... ¹⁾.

Когда Чернышевскій вернулся въ тюрьму, его посѣтили жена, сынъ, Пышны, Г. З. Елисеевъ, П. П. Боковъ, М. А. Антоновичъ и Терсинскій. Осторожнаго Некрасова не было...

На другой день, въ 10 часовъ утра, Чернышевскій выѣхалъ въ сопровожденіи двухъ жандармовъ и фельдъегеря. На станціи Вѣстовая (по Шлиссельбургскому тракту) послѣдній сдалъ Николая Гавриловича старшему изъ жандармовъ, вахмистру Ильину, который и довезъ его до мѣста ссылки.

Русская печать хранила глубокое молчаніе, и только Перценъ могъ излить потокъ негодованія на головы петербургской камарилы... И отдать ему справедливость, несмотря на неблагопріятныя личныя отношенія къ Чернышевскому, слѣдалъ это блестяще... Вотъ статья изъ „Колокола“ полностью:

„Чернышевскій осужденъ на *семь лѣтъ каторжной работы* и на вѣчное поселеніе. Да падетъ проклятіемъ это безмѣрное злодѣйство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику, которая накликала это гоненіе, раздула его изъ личностей. Она приучила правительство къ убійствамъ военнопленныхъ въ Польшѣ, а въ Россіи — къ утвержденію сентенцій дикихъ невѣждъ сената и сѣдыхъ злодѣевъ государственнаго совѣта... А тутъ жалкіе люди, люди-трава, люди-слизняки говорятъ, что не слѣдуетъ бранить эту шайку разбойниковъ и негодяевъ, которая управляетъ нами!

„Инвалиды“ недавно спрашивалъ, гдѣ же *новая Россія*, за которую палъ Гарибальди? Видно, она не вся „за Двѣпромъ“, когда жертва падаетъ за жертвой... Какъ же согласовать дикія казни, дикія кары правительства и увѣренность въ безмятежномъ покоѣ его писакъ? Или что же думаетъ редакторъ „Инвалида“ о правительствѣ, которое безъ всякой опасности,

¹⁾ Михаилъ былъ высланъ изъ Петербурга въ имѣніе родителей въ Шлиссельбургское уѣздъ и тамъ, подъ надзоромъ полиціи, пробылъ больше года.

безъ всякой причины разстрѣливаетъ молодыхъ офицеровъ, ссылаетъ Михайлова, Обручева, Мартьянова, Красовскаго, Трувелле, двадцать другихъ, наконецъ, Чернышевскаго въ каторжную работу?

„И это-то царствованіе мы привѣтствовали лѣтъ десять тому назадъ!“ ¹⁾.

„Р. С. Строки эти были написаны, когда мы прочли слѣдующее въ письмѣ одного очевидца экзекуціи: „Чернышевскій сильно измѣнился; блѣдное лицо его опухло и носить слѣды скорбута. Его поставили на колѣни, переломили шпагу и выставили на четверть часа у позорнаго столба. Какая-то дѣвица бросила въ карету Чернышевскаго вѣнокъ—ее арестовали. Извѣстный литераторъ П. Якушкинъ крикнулъ ему „прощай!“ и былъ арестованъ. Ссылая Михайлова и Обручева, они дѣлали выставку въ 4 часа утра, теперь бѣлымъ днемъ!..“ ²⁾.

„Поздравляемъ всѣхъ различныхъ Катковыхъ—надъ этимъ врагомъ они восторжествовали. Ну что, легко имъ на душѣ?

Чернышевскій былъ вами выставленъ къ позорному столбу на четверть часа ³⁾, а вы, а Россія на сколько лѣтъ останетесь привязанными къ нему?

„Проклятье вамъ, проклятье—и, если можно, месть!“ ⁴⁾.

Когда зимой того же года гр. А. К. Толстой, пользуясь сосѣдствомъ съ государемъ на придворной охотѣ и отвѣчая на его вопросъ о новостяхъ въ литературномъ мірѣ, сказалъ, что „русская литература надѣла трауръ по поводу несправедливаго осужденія Чернышевскаго“, Александръ II „не далъ ему даже окончить фразы“... „Прошу тебя, Толстой, никогда не напоминать мнѣ о Чернышевскомъ“,—проговорилъ онъ недовольнымъ и непривычно строгимъ голосомъ и затѣмъ, отвернувшись въ сторону, далъ понять, что бесѣда ихъ кончена“... ⁵⁾.

¹⁾ Здѣсь передъ Герценомъ, несомнѣнно, всталъ въ памяти его лондонскій разговоръ съ Чернышевскимъ...

²⁾ Фактическія свѣдѣнія не совсѣмъ вѣрны.

³⁾ *Примѣчаніе Герцена:* „Неужели никто изъ русскихъ художниковъ не нарисуетъ картины, представляющей Чернышевскаго у позорнаго столба? Этотъ обличительный холстъ будетъ образъ для будущихъ поколѣній и закрѣпитъ шельмованье тупыхъ злодѣевъ, привязывающихъ мысль человѣческую къ столбу преступниковъ, дѣлая его товарищемъ креста“.

⁴⁾ „Колоколь“, 1864 г., № 186.

⁵⁾ „Новое Время“. 1904 г., № 10321.

Прибавьте къ этому общезвѣстный разсказъ о томъ, что Александръ II вообще не могъ слышать безъ гнѣва имени Чернышевскаго, и вамъ поневолѣ придетъ въ голову вопросъ: да на чемъ же основывалось такое отношеніе? Я думаю, что оно имѣетъ достовѣрное объясненіе. При всегдашнемъ стремленіи вписать свое имя на свѣтлыя скрижали всемірной исторіи государь отличался хорошею памятью на все, что было ему непріятно. А кто же, какъ не Чернышевскій, прежде и больше всего старался доказать, что освобожденіе крестьянъ—этотъ „вѣнецъ царствованія“ — вовсе не шагъ политической мудрости или высочайшаго человѣколюбія, а просто вынужденная уступка, хорошо соображенная въ интересахъ дворянства?! Вѣдь „Письма безъ адреса“ были написаны и представлены въ цензуру за три мѣсяца до ареста Николая Гавриловича...

